

Хомский Ноам.

Новый военный гуманизм: уроки Косова

2000, источник: [здесь](#). Перевод: Л. Е. Переяславцев. Книга Ноама Хомского, впервые увидевшая свет в 1999 году, была написана по следам событий в Косове. Анализируя натовские бомбардировки Сербии автор ставит под вопрос «новый гуманизм». Что лежит в его основе: политические интересы или гуманитарные соображения? Оправдано ли применение силы во имя высоких принципов и ценностей? На обширном историческом материале Хомский доказывает, что Соединенные Штаты и их союзники сражаются не за справедливый мировой порядок, а за собственные экономические и геополитические интересы.

- [Глава 1. «Во имя принципов и ценностей»](#)
- [Глава 2. Перед бомбардировками](#)
- [Глава 3. Оценивая гуманитарные намерения](#)
  - [3.1. Бойня в Рачаке: «последняя капля жестокости, запустившая механизм войны»](#)
  - [3.2. Гуманитарные заботы 90-х: маленький пример](#)
  - [3.3. «Гуманитарная интервенция»](#)
- [Глава 4. Синдром отречения](#)
- [Глава 5. Дипломатическая летопись](#)
- [Глава 6. Зачем действовать силой?](#)
- [Глава 7. Мировой порядок и его правила](#)

- Комментарии

- Примечания

Глава 1. «Во имя принципов и ценностей»

Кризис в Косове вызвал такую бурю страстей и иллюзий, которую нечасто приходится наблюдать. Эти события интерпретировались как особая «веха в международных отношениях», открывающая беспрецедентную стадию всемирной истории, новую эпоху нравственной прямоты, подвластную «идеалистическому Новому Миру, повернувшемуся в сторону окончательной бесчеловечности»¹. Это — «новый гуманизм», случайно совпавший с началом нового тысячелетия, который приходит на смену среднего уровня политике лобового, узкого интереса. Сегодня создаются новые концепции миропорядка, пронизанные вдохновляющим опытом человеческих отношений и мирового сообщества. Эти новые концепции призваны вытеснить угасающие институты мирового порядка, продемонстрировавшие свое «гибельное бессилие», от которых поэтому следует отказаться в пользу вновь формирующихся идей с их «новаторским, но оправданным» отступлением от прежних норм. Может быть, утопические помыслы предыдущих поколений и обречены на осмеяние, но наития, заступающие на их место, являются истинными и поистине стимулирующими.

Если эта картина верна или если в ней есть хотя бы доля истины, то перед нами открываются блестящие перспективы. Оказывается, что у нас под рукой имеются все необходимые материальные и интеллектуальные ресурсы для того, чтобы без особых затрат, одним только легким усилием доброй воли превозмочь последствия ужасных трагедий. Не надо иметь богатого воображения или обширных познаний, чтобы составить список благих пожеланий, осуществление которых принесет колоссальную пользу страждущим. В частности, для того чтобы очень легко раскрыть, а то и предотвратить или, по крайней мере, существенно смягчить многие преступления такой природы и такого масштаба, как в Косове, достаточно было бы и малой толики тех усилий и рвения, которые западные державы и их интеллектуальные культуры потратили на дела, поглощавшие их в начале 1999 года.

Поэтому есть немало веских причин для того, чтобы стремиться находить и определять такие задачи и проблемы и относиться к ним с должным вниманием и заботой. Бели в возвышенных идеях освобождения Косова заключена хотя бы крупица истинности, если государственные мужи в конечном счете действуют «во имя принципов и ценностей» подлинно гуманного характера, о чем они так самонадеянно заявляют (Вацлав Гавел), то это открывает перед нами стимулирующие возможности для постановки крайне важных вопросов, которые необходимо немедленно решать, и не на словах, а на деле. И даже если реальность окажется не слишком похожей на свой лестный автопортрет, наши усилия будут полезны хотя бы тем, что они привлекут к насущным задачам внимание многих людей, использующих красивые слова не только для выражения циничного оппортунизма.

Так что давайте попробуем рассмотреть и понять, что же случилось на самом деле, как и почему это интерпретируется в описанной нами выше манере и какие еще новые рискованные действия могут быть запросто предприняты с использованием «универсальных принципов и ценностей, поддерживаемых Европейским Союзом и лидерами НАТО», а также рукоплещущими им комментаторами. Поскольку спектр событий слишком широк, чтобы можно было всерьез рассматривать какой-либо его элемент как типичный, то мы с вами будем ориентироваться на случаи, в своих существенных аспектах аналогичные этой трагедии, вызвавшей столь сильные эмоции и сострадание в первые месяцы 1999 года. Кроме того, что подобные события являются своего рода честным испытанием «нового гуманизма» на прочность в той области, которую он сам избрал для своего приложения, они также обладают собственной внутренней ценностью и значением, хотя бы в силу элементарных моральных норм.

Чтобы не быть понятым превратно, я сразу оговорюсь, что в данном случае не ставлю себе цели добавить нечто новое в споры о том, что следует или следовало делать в Косове, — это скорее явилось бы отклонением от темы. Моя цель большей частью заключается в исследовании рамок, в которых протекали события, приведшие к кошмарным человеческим потерям, и в рассмотрении вероятных последствий произошедшего, а также его интерпретаций. Для этого нам потребуется совершить почти переломный поворот от однобокости прошлых месяцев, сосредоточенной на бурлящей части Балкан и вытеснившей за скобки все другие, незначительные в этом свете, интересы. По только что указанным нами причинам этот поворот коснется только узкой категории схожих задач и проблем, хотя на самом деле его следовало бы значительно расширить за эти пределы.

Двадцать четвертого марта 1999 года военно-морские силы НАТО, возглавляемые США, обрушили ракетно-бомбовый удар на объекты, расположенные по всей территории Федеративной Республики Югославии (ФРЮ)², «ввергнув Америку в военный конфликт, который, по словам президента Клинтона, был необходим для того, чтобы положить конец этническим чисткам и привести к стабильности в Восточной Европе», как явствовало из сообщений в прессе. Бомбардируя ФРЮ, извещал нацию Клинтон, «мы защищаем собственные ценности, отстаиваем свои интересы и выступаем за дело мира». «Мы не можем отвечать на все подобные трагедии, но там, где этнический конфликт превращается в этнические чистки, — а между этими вещами есть очевидная разница, — мы обязаны вмешаться, и Косово, несомненно, представляет собой именно такой случай». «Если бы мы промедлили», — продолжает Клинтон, с тем, что в заглавии его речи названо «справедливой и необходимой войной», «то в результате потерпели бы моральное и стратегическое поражение. Косовары-албанцы оказались бы народом без своей земли, живущим в тяжелейших условиях в одной из самых бедных стран Европы...» Разумеется, с подобной судьбой страдающего народа Соединенные Штаты примириться не могут. Государственный секретарь Мадлен Олбрайт ранее уже озвучила тревоги такого рода, заявив еще 1 февраля, «что нельзя терпеть подобные вещи, что в 1999 году не должно быть этих варварских этнических чисток. Безусловно, демократиям нужно выступить против такого зла»³.

Европейские союзники Клинтона согласились с этим. В речи, озаглавленной «Новое поколение подводит черту», британский премьер-министр Тони Блэр провозгласил, что мы

имеем дело с новым типом войны, в которой отстаиваются «человеческие ценности», «новый интернационализм, в рамках которого мы больше не будем мириться с грубым подавлением целых этнических групп», «мир, в котором негде скрыться тем, кто ответственен за подобные преступления». «Мы боремся за мир, в котором диктаторы больше не смогут подвергать свои народы страшным истязаниям для того, чтобы удерживать власть над ними». Мы вступаем «в новое тысячелетие, в котором диктаторы будут знать, что им не удастся выйти сухими из воды после этнических чисток или подавления собственного народа». Министр иностранных дел Германии Йошка Фишер «стал адвокатом „нового натовского военного гуманизма“ (по словам немецкого интеллектуала Ульриха Бека) — т. е. отстаиваемой госсекретарем Мадлен Олбрайт идеи о том, что защита человеческих прав является разновидностью миссионерства»⁴.

«Новый интервенционизм» приветствовали и высоколбые интеллектуалы, и законники-юристы, возвестившие новую эру в международных отношениях, в которую «просвещенные государства» наконец-то будут вправе использовать силу там, «где это справедливо», отвергая «устаревшие правила» и сообразуясь с «современными представлениями о справедливости», устанавливаемыми ими самими. «Кризис в Косове показывает... новую готовность Америки делать то, что ей кажется правильным, — невзирая на международное право»⁵. Свободные теперь от оков «холодной войны» и старомодных рамок мирового порядка, цивилизованные государства могут отдавать всю свою энергию миссии защиты прав человека и даровать всем страдающим народам свободу и справедливость, — в том числе и силой, если это будет необходимо.

Цивилизованные государства — это Соединенные Штаты и их союзник Великобритания, а также, возможно, другие страны, участвующие в общем крестовом походе за справедливость и права человека. Их миссии сопротивляются только «открыто неповинующиеся, инертные и раскольнические», «распущенные» уроды в мировой семье. Принадлежность к разряду цивилизованных, очевидно, следует только из определения. Безусловно, тщетно было бы искать в истории какие-либо состоятельные попытки выдвинуть доказательство или свидетельство в пользу критического различия между цивилизованными и распущенными. На любую историческую параллель ответом все равно служит известная идея «смены курса», гласящая: да, в прошлом мы иногда ошибались — будь то из-за нашей наивности или неправильной информации — но теперь мы возвращаемся на свой традиционный правый путь. Обращение к урокам истории подвигнет нас разве что на «жестокие нападения и инвективы в адрес исторически пагубной внешней политики Вашингтона», поэтому их можно «безболезненно игнорировать», — поучает нас один из самых выдающихся теоретиков-адвокатов «формирующихся норм»⁷. А значит, будет бессмысленно задаваться вопросом о том, что мы можем почерпнуть с пожелтевших страниц прошлого, даже несмотря на то, что структура принятия решений и ее институциональная база остаются нетронутыми и неизменными.

Третьего июня 1999 года НАТО и Сербия заключили мирное соглашение. США торжественно объявили о своей победе, тем самым успешно завершив «десятидневную борьбу за то, чтобы вынудить м-ра Милошевича признать свое поражение». Победа была достигнута, но мир еще не наступил: железный кулак триумфаторов будет висеть над побежденными до тех пор, пока победители не удостоверятся в том, что проигравшей стороне прочно

навязана именно их интерпретация мирного соглашения. Согласие широкой общественности с этими действиями нашло выражение в словах международного аналитика «Нью-Йорк Таймс» Томаса Фридмана: «С самого начала суть косовской проблемы сводилась к вопросу о том, как нам следует реагировать в случаях, если неприятные события происходят в не самых важных местах». Цивилизованные государства открыли новое тысячелетие тем, что дали ответ на этот решающий вопрос современной эпохи, придерживаясь морального принципа, согласно которому, «как только из Косова начался исход беженцев, игнорировать его было бы уже неправильно... и следовательно, использование мощной воздушной атаки на компактную цель в данном случае являлось единственно осмысленным решением»⁸.

Одно только обращение к истинной последовательности событий показывает, что этот навязчивый рефрен едва ли соответствует действительности: «мощная воздушная атака» совершенно определенно была предпринята до того, как «начался исход беженцев» на новом уровне, и она привела к стремительному и обширному росту масштабов беженства и иных жестоких реалий войны, которые широко освещались в газете того же Фридмана и других изданиях. По крайней мере в общих чертах это признают все. Отрицать это может только тот, кто займет непреклонную позицию «сознательного игнорирования», если воспользоваться фразой, которая сформулирована только что процитированным нами защитником «нового интернационализма» в выпущенном им совместно с другими авторами нелепым докладе о жестокостях, творимых американской армией, и реакции на них со стороны Государственного Департамента⁹.

Позиция сознательного игнорирования имеет достаточно прецедентов. Ее классическое проявление описано Джорджем Оруэллом в предисловии к «Скотному двору», посвященном обзору тех способов, посредством которых в свободных обществах «могут замалчиваться непопулярные идеи и утаиваться неудобные факты, причем даже в отсутствие всяких на то официальных запретов». По наблюдениям Оруэлла, столь «зловещая» форма «литературной цензуры» «в большинстве случаев носит добровольный характер». Отчасти это объясняется хорошим воспитанием, внушающим людям «всеобщее молчаливое согласие с тем, что не стоит упоминать данный конкретный факт». Вследствие такого сознательного игнорирования и других обстоятельств, «всякий, кто бросит вызов господствующей ортодоксии, обнаружит, что вокруг него самого с поразительной эффективностью складывается заговор молчания». «Скотный двор» является, вероятно, самой известной книгой Оруэлла, ставшей прологом к менее знаменитым пробам его пера. Он не публиковался при жизни писателя и был обнаружен лишь тридцать лет спустя, после чего издан с помпой только для того, чтобы вновь подвергнуться всеобщему забвению¹⁰.

Если собственный (он же общепринятый) ответ Фридмана на его риторический вопрос не выдерживает проверки фактами, то в тот же самый день и в том же самом журнале, хотя и только косвенно, был дан более правдоподобный ответ. В своем сообщении из Анкары корреспондент Стивен Кинзер пишет, что «самый известный правозащитник Турции [Акин Бирдал] водворен в тюрьму для отбытия наказания за то, что он „вынудил государство достичь мирного урегулирования с курдскими повстанцами“»¹¹. Просматривая беспорядочные и в целом неинформативные или морочащие нам голову обзоры новостей, мы обнаруживаем, что приговор, вынесенный отважному президенту Ассоциации прав

человека Турции, есть не более чем эпизод общей кампании устрашения и угроз в адрес защитников прав человека, которые расследуют и обнародуют факты ужасных жестокостей, призывая к мирному разрешению конфликта, печально знаменитого одной из самых беспощадных кампаний этнической чистки и государственного террора 1990-х гг. Вся кампания сопровождалась шквалом неистовых благодарностей в адрес ее активных участников — лидеров цивилизованных государств, «защищающих наши ценности, отстаивающих наши интересы и выступающих за дело мира» (по словам президента) при помощи средств, которые слишком хорошо знакомы тем, кто отнюдь не предпочитает сознательное игнорирование.

Вернемся к деталям, но лишь для того, чтобы отметить: те события 1990-х, продолжающиеся сегодня и происходящие в рамках НАТО и под европейской юрисдикцией, служат весьма впечатляющей иллюстрацией — и причем далеко не единственной — ответа цивилизованных государств на вопрос о том, «как мы должны реагировать в случае, если неприятные события случаются в не самых важных местах»; мы должны реагировать так, чтобы способствовать расширению масштаба жестокостей, — такова миссия, выполненная, в частности, в Косове. В связи с подобными элементами сегодняшнего реального мира должен возникнуть целый ряд серьезных вопросов касательно «нового гуманизма», даже в том случае, если мы примем идею «смены курса» и согласимся стереть из памяти историю и ее уроки относительно институтов власти, вершащих свое практически неоспоримое господство и вольных творить все, что им «кажется правильным».

Этот более правдоподобный ответ на вопрос, поставленный Фридманом, случайно получил подтверждение, когда очертания «нового гуманизма» отчетливо проступили в другой из двух главных национальных газет — «Вашингтон пост» — в паре редакционных статей, опубликованных в самом конце войны. Одна из них была озаглавлена «Ухабистая тропа Косова», а другая — «Курдский раскол Турции». В первой статье давались советы НАТО, во второй — выражались «надежды» «друзей Турции»¹².

В случае с Косовом Вашингтон не должен был «выказывать никаких симпатий» к злодеям, ответственным за ужасы этнических чисток и другие жестокости, происходившие под бомбами НАТО. Напротив, «НАТО следует усилить свои бомбардировки», если эта организация выявит какие-либо признаки «упорного нежелания» жить по принципам «не допускающим компромиссов». Первый среди таких принципов заключается в том, что международные силы по поддержанию мира, уполномоченные Советом Безопасности ООН, должны иметь «в своем командовании генерала НАТО, который в то же время не состоял бы на службе в Организации Объединенных Наций, Европейском Союзе, Организации Безопасности и Сотрудничества в Европе (ОБСЕ) или какой-то другой организации»¹³. Иными словами, НАТО следует решительно отречься от соблюдения только что согласованно принятой резолюции Совета Безопасности, которая призывала к «международному присутствию сил безопасности», разворачиваемому «под эгидой ООН» «при существенном участии НАТО» (больше НАТО не упоминается). И на всякое «упорное нежелание» подчиняться односторонним решениям НАТО со стороны сурового поборника дисциплины должна следовать новая силовая реакция.

В случае же с Турцией все обстоит иначе. Вашингтон должен максимально определенно «проявлять симпатию» к тем злодеям, которые ответственны за ужасы этнических чисток и другие жестокости по отношению к курдам, безусловно, сопоставимые с сербскими преступлениями в Косове и совершавшиеся не под бомбами НАТО. Такой вывод вовсе не удивителен, учитывая, что Вашингтон и сам занимает выдающееся место среди злодеев. В случае с Турцией и курдами «ответственным за смерть тысяч [точнее, десятков тысяч] людей в войне курдов с турками по всеобщему мнению следует признать» Абдуллу Оджалана, «пленного лидера курдского сепаратистского движения». Понятие «всеобщее мнение» игнорирует ведущие международные правозащитные и независимые исследовательские организации, но зато включает Анкару и Вашингтон. Аналогичным образом и, учитывая сопоставимость заслуг «виновников», в Белграде и, вероятно, в Москве «всеобщее мнение» приписывает ответственность за смерть тысяч людей в войне албанцев с сербами в период до начала натовских бомбардировок — период, конечно, достаточный для того, чтобы взвесить решение о бомбардировке, — партизанским силам албанского сепаратистского движения. Да, в этот период действительно творились зверства; мы еще вернемся к трактовке их Вашингтоном. Ни один серьезный аналитик не рассматривает их как хотя бы отдаленно сравнимые с жестокостями, которые чинились «пронатовскими турецкими вооруженными силами», — так редакторы называют турецкую армию, вооруженную и обученную Вашингтоном и снабжаемую новыми потоками оружия по мере того, как жестокостей становилось все больше и администрация Клинтона увлекалась демонстрацией «новой готовности Америки делать то, что ей кажется правильным».

Редакторы не публикуют ни одного призыва к бомбардировкам Анкары или Вашингтона. Напротив, «друзья Турции должны надеяться на то, что она сможет собраться с духом, чтобы расширить свои перспективы и провести беспристрастное исследование инициатив Оджалана» по мирному урегулированию, имея в виду те мирные инициативы «пленного лидера», которые в течение семи лет отклонялись турецким правительством и его друзьями в Вашингтоне и отклоняются до сих пор, как только на днях узнал «самый известный правозащитник Турции». Если Турция предпочтет «лечить свою национальную язву — проблему курдского меньшинства», продолжают редакторы, то она больше не будет «не в ладу с гуманными демократическими ценностями западных наций, компанией которых дорожит», и в особенности гуманных ценностей той нации, которая обеспечивает Турцию колоссальными потоками смертоносного оружия «для лечения ее национальной язвы» в излюбленной Вашингтоном манере. «Ведь туркам будет нелегко сговориться с курдами», — признают редакторы. Сейчас курды хотят только признания их «культурных и языковых прав», в которых им было отказано (в отличие от Косова), но потом «некоторые из них» могут пойти дальше, запросив «автономии и самоопределения» (как это многие годы делали косовские албанцы). Поэтому лидеры Турции заслуживают сочувственного понимания со стороны своих вашингтонских друзей.

В более полной трактовке событий, к которой мы впоследствии ненадолго вернемся, проводится еще более резкий контраст между государственным террором, осуществляемым при одобрении и нетерпеливой поддержке со стороны цивилизованных государств, — главным образом их руководства, — и государственным террором, расценивающимся как злодейство и достойным сурового наказания уже потому, что он противоречит их требованиям. Все это далеко не ново. Просто в качестве единственного примера упомянем,

что несколько лет назад редакторы той же газеты советовали своему правительству предпринять более эффективные меры для того, «чтобы Никарагуа стало вновь соответствовать центральноамериканской модели» и чтобы обязать эту страну «разумно следовать региональным стандартам», — иными словами, уподобить Никарагуа типичным государствам смертоносного террора, поддерживаемым Вашингтоном, и принять их «региональный стандарт» диких жестокостей, которые значительно превосходят все преступления, приписываемые никарагуанским врагам, кроме одного, состоящего в неповиновении последних хозяину данного полушария¹⁴.

Это действительно типичный пример, и он характеризует не только лидеров цивилизованных государств, но и их врагов и предшественников. Газета «Правда» в прежние времена проводила аналогичные параллели, и тоже между государствами с сопоставимыми «достоинствами». В этих исторических хрониках мы не найдем ничего нового для себя.

Таковы некоторые важнейшие проблемы, поднимаемые балканской войной 1999 года. Они остаются вне поля зрения, по крайней мере, «цивилизованных государств». В других странах их воспринимают с готовностью, демонстрируя самый широкий спектр реакций. Как примеры мнений со стороны можно привести, во-первых, слова видного израильского комментатора по военно-стратегическим вопросам, который находит, что просвещенные государства представляют «опасность для мира». Он характеризует их «новые правила игры» как возврат к колониальной эпохе, к этому раю для силы, «прячущемуся под маской морализаторской правоты», под которой богатые и влиятельные творят то, «что им кажется оправданным». Другой комментатор, глава Партии центра и супруга бывшего председателя ее штаба, пишет, что «власть выиграла, а мир потерпел поражение»: «правила игры вовсе не изменились... В этой истории действуют не добро и зло, а только большее зло и меньшее». В совершенно иной точке данного спектра находится Александр Солженицын, являющийся кумиром для Запада, когда он говорит то, что Запад хочет услышать; он предлагает такое сжатое определение «нового гуманизма»: «Агрессоры смели со своей дороги Объединенные Нации, открыв новую эру, в которой правы сильнейшие». И последний пример — это Ву к Драшкович, смещенный Милошевичем со своей должности за оппозицию к его военной политике и призывы к протестам с требованиями мира, удостоенный высокой похвалы Запада как «хороший серб», глас разума и независимости в местном правительстве и надежда сербской демократии эпохи после Милошевича. Его оппозиция строилась на следующем тезисе Солженицына: «Мы должны признать тот факт, что сегодняшний мир часто подчиняется праву силы, а не праву закона. Мы должны быть очень смелыми и стараться достигать компромиссов»¹⁵.

Вернемся к масштабной модели, представляющей изрядную часть населения мира, а может быть, его большинство, как утверждает один почтенный и проницательный политический аналитик. Все эти люди могли бы согласиться с наблюдениями видного и влиятельного, хотя и не знаменитого, радикального пацифиста А. Дж. Мюста: «После войны возникает проблема победителя. Он думает, что война и насилие того стоили. Кто теперь преподаст ему надлежащий урок?»¹⁶

«Не следует поддаваться иллюзии относительно целей [натовской] защиты косоваров», — добавляет Солженицын. «Если бы они действительно пеклись о защите угнетенных, то они защитили бы, в частности, и несчастных курдов, от которых разные страны уже лет 40 или 50 пытаются избавиться и поставили их на грань полного истребления». Да, это преувеличение, но оно вряд ли хуже, чем те крайние формы попыток ревизии Холокоста, в которых ужасные зверства сербов, последовавшие за бомбардировкой, ставятся на одну доску с гитлеровским геноцидом, — сравнение, которое было бы расценено как похвальба, будь оно воспринято всерьез. НАТО мирится с этническими чистками и террором в Турции просто потому, что это ее «выгодный союзник», продолжает Солженицын, тем самым подтверждая мнение Запада, что «Турция с одобрением приняла натовские действия, связанные с кризисом в Косове», и таким образом снова исправно выполнила свои обязанности, на этот раз присоединившись к «морализаторской правоте» богатых и сильных по отношению к очередным жестокостям турецкого образца¹⁷.

Это сходство обстоятельств не было отмечено прессой, хотя оно могло бы заинтересовать людей, которым действительно небезразлична нравственная и интеллектуальная культура цивилизованных государств.

По мере угасания холодной войны в поле зрения политиков попадают более масштабные проблемы, вышедшие на первый план в связи с войнами, обусловленными распадом Югославии. Главная роль среди них принадлежит требованию государствами или альянсами права вмешиваться в эти события на гуманитарных основаниях, благодаря которому они могут существенно расширить диапазон законного применения силы. Есть согласие по выбору времени такого вмешательства, но основания касательно самой «гуманитарной интервенции» формулируются по-разному, отражая различную оценку целей и вероятных последствий «новых норм оправданного вмешательства»¹⁸.

В целом варианты действий делятся двояко: те, что осуществляются под эгидой Организации Объединенных Наций и в соответствии с Хартией ООН, которая принята за основу международной законности в период после Второй мировой войны, и те, которые осуществляются в одностороннем порядке государствами или альянсами, не уполномоченными на то Советом Безопасности (например, США, НАТО, или в прежние времена Варшавский Договор). Если такие альянсы достаточно сильны, самонадеянны и отличаются слаженным внутренним порядком, то они могут называть себя «международным сообществом» (что в целом обычно для США, а часто и для НАТО). Больше вопросов возникает по поводу первой категории, но она в данном случае не относится к нашей теме. Нас скорее интересуют «новые нормы оправданного вмешательства» со стороны тех государств и альянсов, которые не ждут или не получают соответствующих полномочий от международного сообщества, а используют силу просто потому, что «верят в ее справедливость». На практике это сводится к «новой готовности Америки делать то, что ей кажется правильным», не считая операций, осуществляемых в «не самых важных странах», не представляющих интереса для господствующей мировой сверхдержавы (например, миротворческих интервенций в государства Западной Африки, получивших санкцию Объединенных Наций задним числом).

В каком-то смысле расширение диапазона интервенции всегда было законным и даже поощряемым, но трудно осуществимым именно в период холодной войны, поскольку «открыто неповинующиеся, лентяи и раскольники» — те, кто сопротивляется миссии, — в то время могли полагаться на поддержку коммунистических сил, видящих свою цель в мятежах и свержении действующей власти, а в конечном счете и в завоевании мира¹⁹. С окончанием холодной войны «нарушители порядка» были уже не в силах препятствовать добрым деяниям цивилизованных государств, и «новый гуманизм» отныне мог процветать под мудрым и справедливым лидерством последних.

Но есть и противоположная точка зрения, согласно которой реализация «нового интернационализма» есть не что иное, как проигрывание старой пластинки. Это модернизированная версия традиционной практики, которой некие силы противились в рамках биполярной системы мира, оставлявшей им определенную возможность для неприсоединения, — данное понятие полностью теряет смысл с исчезновением одного из полюсов²⁰. Советский Союз, а также до некоторой степени Китай, могли ограничивать действия западных государств в рамках традиционных сфер собственного влияния, и не только при помощи военных средств устрашения, но и своей, хоть и редкой, подчас оппортунистической готовностью оказывать поддержку тем, кто стал мишенью для западной агрессии (на практике — для США, по причине их очевидного превосходства сил). С исчезновением советской военной угрозы победители в холодной войне стали более свободны в выражении своей истинной воли под маской добрых намерений и преследовании интересов, хорошо известная арена которых лежит далеко за пределами обители цивилизованности.

Самозваными носителями цивилизованности оказываются богатые и могущественные наследники колониальных и неоколониальных систем всемирного господства: это Север, «первый мир». Необузданные раскольники, бросающие им вызов, находятся на другом полюсе: это Юг, «третий мир», «развивающиеся» или «слаборазвитые страны», или «страны переходной экономики» — любое из этих названий несет на себе тяжкое бремя идеологии. Данное разделение не является резким и четким; в сфере человеческих отношений невозможно провести такие границы. Но определенные тенденции здесь нельзя не заметить, а они, в свою очередь, дают ряд оснований для того, чтобы по-разному интерпретировать перспективы «складывающихся норм оправданного вмешательства».

Нелегко будет разрешить этот конфликт интерпретаций, если объявить, что свидетельства истории здесь неуместны, и смотреть на современную ситуацию исключительно через фильтры, поставленные цивилизованными государствами, пропускающие только злодеяния официальных врагов, блокирующие нежелательные образы: в качестве самого очевидного и современного примера можно привести тот факт, что через них беспрепятственно и даже преувеличенно проходят те жестокости, которые относятся на счет Белграда, но отнюдь не те, которые восходят к Анкаре-Вашингтону. До тех пор, пока существуют подобные препоны в исследовании, нам будет казаться более предпочтительней та интерпретация, которая, по крайней мере, способна выдержать проверку фактами.

Общие вопросы мы оставим под конец (на главы 6 и 7), хотя в рассмотрении современных гуманитарных кризисов — косовских албанцев, турецких курдов и других — им

принадлежит отнюдь не последняя роль. Если мы хотим хоть что-то понять в этом мире, то в таких конкретных случаях нам следует задаваться вопросом о том, почему решения о силовом вмешательстве так или иначе принимаются государствами, которые вершат свой суд и проводят свою волю только потому, что это позволяет им их собственная мощь. С самого начала возникают вопросы и в связи с недавней реанимацией тезиса о том, что цивилизованные государства должны использовать силу, «если они убеждены в ее справедливости», — здесь очень подходит термин «реанимация», так как первоисточники этого тезиса характерны и хорошо известны. В 1993 году, на конференции Американской Академии по формирующимся нормам один из самых видных специалистов в области академических исследований международных отношений Эрнест Хаас поднял простой и обоснованный вопрос, на который теперь уже есть ясный и поучительный ответ. Упомянув, что НАТО в тот период осуществляла свою интервенцию в Ирак и Боснию с целью защиты курдов и мусульман, он спросил: «Займет ли НАТО такую же интервенционистскую позицию в случае, если Турция станет жестко реагировать на требования своих курдских мятежников?». Этот вопрос, безусловно, является проверкой для «нового гуманизма»: чем он руководствуется — интересами силы и власти или заботами гуманитарного толка? Действительно ли здесь прибегают к силе «во имя принципов и ценностей», как заявлено? Или мы являемся свидетелями чего-то более грубого и знакомого?

Это хорошая проверка, и ее результат не заставил себя ждать. Как Хаас и сформулировал в своем вопросе, Турция стала жестче реагировать на курдское население юго-востока страны, постоянно отклоняя предложения о мирном урегулировании конфликта, которое позволило бы курдам обрести культурные и языковые права. Эта политика очень быстро переросла в крайние проявления этнических чисток и государственного террора. НАТО заняла совершенно определенную «интервенционистскую позицию», особенно ее лидер, который решительно вмешался во внутренние дела страны с тем, чтобы расширить масштабы жестокостей. Идеологические институты приспособились к этим обстоятельствам в только что продемонстрированной нами манере, следуя все тем же хорошо знакомым путем.

Нам станет понятней и суть более общих проблем, если мы, например, сравним данную «интервенционистскую позицию» с той, что НАТО и США заняли по отношению к кризису в Косове, — в моральном плане он меньше, и не столько вследствие своих физических масштабов (основное и драматическое значение здесь имеет то, что за этим последовало решение бомбить ФРЮ), сколько потому, что Косово находится вне границ и юрисдикции НАТО, вне сферы ее полномочий и институтов, в отличие от Турции, непосредственно под них подпадающей. Два эти случая резко различаются своими масштабами, однако Сербия является одним из тех неукротимых раскольников, которые стоят костью в горле у институтов управляемой США мировой системы, в то время как Турция — преданный сателлит, в существенной мере способствующий осуществлению этого глобального проекта. И вновь несложно понять, какие факторы здесь движут политикой, и, похоже, пресловутое деление мира по принципу «Север-Юг» в решении больших проблем и их интерпретаций здесь также нашло себе место.

Все основные вопросы, встающие в связи с этим, не разрешаются одним-единственным примером, да и сам такой пример требует тщательного исследования и разработки. Однако

некоторые естественные выводы здесь напрашиваются сами собой. Если мы рассмотрим ситуацию ближе, я думаю, мы получим те же самые выводы, только они станут звучнее и четче. Мы убедимся и в том, что они подкрепляются широким рядом соображений, выходящих далеко за пределы военной интервенции и включающих международные финансовые приготовления, торговые договоры, контроль за технологиями и материальными и человеческими ресурсами и целый ряд других средств, благодаря которым сила становится концентрированной и организованной и прилагается к институциональным системам подавления и контроля.

Таков род вопросов, которые должны составлять ближайшую подноготную нашего рассмотрения так называемых «не самых важных мест», с точки зрения элит, а также нашего стремления понять, что и почему здесь произошло, и самое главное — почему мировые державы делают тот выбор, который они делают, и что с этим их выбором делать нам.

«Новый гуманизм» обрел наиболее отчетливое выражение в доктрине Клинтона, вкратце изложенной советником по национальной безопасности Энтони Лейком, ведущим интеллектуалом администрации США: «На протяжении холодной войны мы сдерживали глобальные силы, угрожающие рыночным демократиям», — говорит он, а теперь мы можем перейти к «консолидации победоносной демократии и открытых рыночных обществ». Комментаторы средств массовой информации уже признали, что «с окончанием холодной войны ... интервенционистская позиция была преодолена», но остается вопрос, на что будут ориентированы дальнейшие меры — на реализм баланса сил в духе Буша или на «неовильсоновскую» точку зрения Клинтона-Лейка, согласно которой Соединенные Штаты пользуются своей монополией силы, чтобы вмешиваться в дела других стран с целью содействия там развитию демократии²¹.

Несколько лет клинтоновского «неовильсонизма» убедили обозревателей в том, что американская внешняя политика вступила в «благородную фазу», приобрела «ореол святости», хотя раздаются и более трезвые голоса, предупреждающие о том, что, «позволив идеализму почти безраздельно определять нашу внешнюю политику», мы можем упустить из виду наши собственные интересы, обслуживая чужие. В основном, именно между этими двумя полюсами и протекают сегодня все серьезные дискуссии²².

Хотя по логике этой доктрины новая эра открылась с падением Берлинской стены в ноябре 1989-го, ее контуры четко определились только спустя десять лет с интервенцией НАТО в Косово, предпринятой для защиты местных албанцев от кошмара этнических чисток. Следовательно, натовские бомбардировки — это определяющий момент в мировых отношениях, это первый случай в истории, когда «ореол святости» политики воссиял так, что его увидели все — «ясно» и «воочию», как возгласили почтенные голоса²³. По символическому совпадению, эта знаменательная новая эра грянула на самом пороге третьего тысячелетия христианской эры, вероятно, для того, чтобы стать темой вдохновляющей риторики о близости нового дня.

Даже скептики еще задолго до Косова признавались в том, что, «несомненно, происходит нечто значительное»²⁴. Конечно же, это так, и поток пылкой риторики, сопровождавший

натовскую интервенцию 1999 года, только подчеркивает значительность событий.

Любая попытка обращения к данной теме должна строиться на четком различии двух вопросов: 1) что надо было делать, и 2) что делается и почему. Ответы на второй вопрос имеют отношение к выбору действия, но уже не влияют на этот выбор. Совсем несложно подобрать исторические примеры того, как действия, предпринятые по циничным или еще худшим мотивам, имели весьма выгодные и, вероятно, предвиденные последствия, так что, наверное, такие действия стоило поддерживать независимо от того, какие у них были мотивы и цели. Гораздо труднее найти примеры государственных деяний, предпринятых по гуманитарным основаниям, но поскольку таковые все же существуют, они, видимо, тоже имеют (предвиденные) благоприятные или пагубные последствия. Такие различия, несмотря на их крайнюю тривиальность, следует иметь в виду, осмысляя как данный случай, так и все остальные.

Второй вопрос имеет особое значение, когда он поднимается на необычайно высоких уровнях, скажем, в современной риторике политических лидеров и комментаторов по поводу «нового гуманизма» и его воплощения в интервенции НАТО на Балканах. Именно этот вопрос и будет мне в данном случае наиболее интересен. Можно с известной долей уверенности ожидать, что события такого рода, о которых мы здесь говорим, будут не раз возникать и в дальнейшем. Исследование второго вопроса на фоне более широкого спектра вопросов, поставленных «новым гуманизмом» нового тысячелетия, позволит нам усвоить ценные уроки.

Даже при самом поверхностном исследовании становится ясно, что возвращение эры «нового гуманизма» по меньшей мере несколько преждевременно. Самый узкий фокус — только интервенция НАТО в Косово — уже достаточен для того, чтобы опровергнуть эти высокопарные заявления. Более широкий взгляд на современный мир убедительно подтверждает данный вывод и вполне отчетливо выявляет те «ценности», которые отстаиваются сегодня. Если мы еще дальше уклонимся от приказов стать в строй, которые исходят из Вашингтона и Лондона, и позволим прошлому включиться в нашу дискуссию, то сразу же обнаружим, что «новое поколение» — это старое поколение и что «новый интернационализм» — это старая и заезженная пластинка. О действиях выдающихся предков, их заслугах, равно как и о предлагаемых оправданиях этих действий мы тоже больше не в состоянии слушать. Масштабность планов на новое тысячелетие, которые хотя бы частично по плечу тем, кто выбирает знание, служит еще одним предупреждением для людей, слишком прочно приверженных ценностям, которые декларируются сегодня.

По сообщениям британской прессы, британская фаза натовской бомбардировки должна была называться «Операция „Агрикола“»²⁵. Если это действительно так, то подобный выбор вполне соответствует британскому классическому образованию и является данью ему. Агрикола был не только главным преступником, который помог спасти страну от кельтской напасти, но и тестем Тацита, известного своим наблюдением, что «для однажды разоблаченного преступления есть одно прибежище — наглость», и знаменитой характеристикой Римской империи — «всемирные разбойники, они несли опустошение и называли это миром».

Но для начала давайте будем придерживаться правил и сосредоточим свое внимание на главном аспекте нашей темы — сербских жестокостях в Косове, которые вполне реальны и зачастую просто ужасны. Мы сразу увидим, что бомбардировки были предприняты не «в ответ» на этнические чистки и не во имя их «прекращения», как утверждали лидеры НАТО²⁶. Полностью осознавая вероятные последствия своих действий, Клинтон и Блэр решили в пользу войны, которая привела к радикальной эскалации этнических чисток вкупе с прочими губительными эффектами.

В год, предшествующий бомбардировкам, согласно источникам НАТО, в Косове были убиты порядка 2000 человек, и несколько сотен тысяч стали внутренними беженцами. Эту гуманитарную катастрофу преимущественно можно было отнести на счет югославской полиции и вооруженных сил, главными жертвами которых стали этнические албанцы, составлявшие по некоторым сведениям, к 1990-м годам около 90% населения края.

Перед бомбежками и в течение двух дней с начала атаки верховный комиссар Организации Объединенных Наций по делам беженцев (далее Комиссар) не сообщал никаких данных по беженцам, хотя многие косовары — и албанцы, и сербы — уже несколько лет покидали край и, наоборот, возвращались в него, что являлось то прямым следствием Балканской войны, то экономических или других обстоятельств²⁷. После трехдневной бомбардировки 27 марта Комиссар сообщил, что из Косова в Албанию и Македонию, две соседние с ним страны, переместились 4000 человек. Согласно «Нью-Йорк Таймс» вплоть до 1 апреля Комиссар не предоставлял ежедневных данных по беженцам. Пятого апреля «Таймс», ссылаясь на цифры Комиссариата, сообщила, что «с 24 марта Косово покинули более 350 000 человек», а между тем количество сербов, бегущих на север Сербии, спасаясь от ужесточенного насилия на земле и усиленной атаки с воздуха, оставалось неизвестным. После войны сообщалось, что половина сербского населения «покинула территорию с началом натовских бомбардировок». Существовали разные оценки того, каких показателей достигла до начала бомбардировок миграция внутри Косова. Профессор права в Кембриджском университете Марк Уэллер, юридический советник делегации косовских албанцев на конференции по Косову в Рамбуйе 1999 года, извещает, что после отзыва 19 марта 1999 года международных наблюдателей (Косовской наблюдательской миссии, КНМ) «число перемещенных лиц за несколько дней вновь выросло более чем до 200 000». Основываясь на данных американской разведки, председатель Комитета по разведке Палаты представителей Портер Госс дал информацию о 250 000 внутренних беженцах. Одиннадцатого марта Комиссар сообщил, что «внутри Косова покинули места своего проживания более 230 000 человек»²⁸.

Третьего июня, ко времени заключения мирного соглашения, Комиссар докладывал о 671 500 беженцах, покинувших пределы ФРЮ в дополнение к 70 000 беженцев в Черногории и 75 000 человек, отправившихся в другие страны²⁹. Сюда еще можно добавить неизвестное количество перемещенных внутри Косова: вероятно, что-то от 200 000 до 300 000 в год, предшествующий бомбежкам, и, по различным оценкам, гораздо больше в дальнейшем; а также, согласно югославскому Красному Кресту, более миллиона перемещенных внутри Сербии после бомбежек³⁰, вкупе с теми, кто уехал из Сербии.

Данные о беженцах из Косова, к сожалению, слишком хорошо нам знакомы. Достаточно привести только два примера, прекрасно иллюстрирующих «наши ценности» в 1990-е гг.: количество беженцев до натовских бомбардировок аналогичны цифрам, в том же году приведенным Госдепартаментом по Колумбии (мы вернемся к этому поучительному сравнению); а окончательные данные Комиссариата в конце войны примерно равны числу палестинцев, бежавших или изгнанных в 1948 году вследствие иной политики, очень актуальной сегодня. Тогда беженцы составляли около 750 000 человек или 85% населения, это при разгуле насилия, когда с лица земли были стерты более 400 деревень. Зато данное сходство не ускользнуло от внимания израильской прессы, которая охарактеризовала Косово как Палестину 1948 года, только с телевизионными камерами (Гидеон Леви). Министр иностранных дел Израиля Ариэль Шарон предупреждал, что если «натовскую агрессию» «узаконить», то следующим шагом может стать требование автономии и связи с палестинским руководством для Галилеи — «малонаселенной» Галилеи (Ирвинг Хоув), в которой, иными словами, слишком мало евреев и слишком много арабов. Другие прокомментировали это так, будто «в своей кампании по разрушению деревень сербы применили почти израильскую тактику 1948 года, — конечно, с той разницей, что палестинцам не приходилось рассчитывать на поддержку со стороны НАТО» (Йен Уильяме, пылкий сторонник натовских бомбардировок)³¹.

Палестинцы, разумеется, могли апеллировать к резолюции ООН, гарантирующей им право возвращения — или компенсации, если они отказываются от возвращения: это резолюция ООН № 194 от 11 декабря 1948 г., в которой расшифровывался истинный смысл статьи 13(2) Всеобщей декларации прав человека (ВД), принятой днем ранее. Но подобные гарантии зависели от воли сверхдержав, прежде всего Соединенных Штатов, которые считали резолюцию ООН простой формальностью. Тем временем статья 13(2) стала, по-видимому, самой известной статьей ВД, поскольку она превратилась в идеологическое оружие против советского врага, нарушавшего ее своим отказом предоставить евреям право свободного выезда, — оружие, которым потрясают с великим негодованием, страстью и «морализаторской правотой», при этом всегда опуская финальные слова, гарантирующие людям право возврата в собственную страну. Вот она, демонстрация наглости, которая могла бы произвести впечатление на Тацита, — и такое творилось год за годом, без фальши в голосе, без поднятой брови, — чем не любопытная иллюстрация максимы Оруэлла? Тем не менее поддержка статьи 13(2) оставалась частью официальной политики США, пока президент Клинтон не сформулировал собственную позицию: недостойные жертвы должны «стать народом без родины, живущим в трудных условиях в ряде беднейших стран» мира, куда более бедных, чем страны Европы³².

Формальное отречение Клинтона от статьи 13 ВД получило обычное — нулевое — отражение в прессе, как и следовало ожидать: обособленность США в рамках Объединенных Наций — столь заурядный факт, что он и не заслуживает особого упоминания. И если весь мир идет не в ногу с ними, как чаще всего и бывает, с его позицией считаться необязательно. Так, сегодня, в информации о насилии в Ливане, причины которого восходят к убогим условиям жизни здесь палестинцев в их изгнании без надежды вернуться, «Нью-Йорк Таймс» может сообщить, что «власти (Ливана) всегда настаивали на том... что палестинцам следует разрешить возвращаться на земли, покинутые ими в 1948 году». Итак, «власти Ливана всегда настаивали», хотя большую ясность внесло бы указание

на то, что Израиль и США (под властью Клинтона) — единственные страны, отклонившие резолюцию ООН № 194 и статью ВД, которая ее разъясняет. Приняв для себя такое обращение с историей, автор статьи продолжает рассказывать, как «нападение палестинцев на границы Израиля привело к израильскому вторжению 1982 года», — таково традиционно американское толкование того факта, что атаки на границы столь давно утратили всякую связь со смертоносными встречными атаками, что Израиль отчаянно пытался спровоцировать арабов на какие-нибудь террористические акты, которые могли бы послужить предлогом для планируемого им вторжения при поддержке США. Едва ли можно обвинить журналиста в обмане, однако, обман в течение долгого времени был официальной линией в США, — но не в Израиле, где истину публично и открыто признавали с самых первых дней вторжения в Ливан 1982 года³³.

Подобные примеры, имя которым легион, должны храниться не в пыльных кабинетах ученых, а быть у нас под рукой, в непосредственном поле нашего зрения, когда мы наблюдаем, как разворачиваются новые страницы истории.

Деление жертв на достойные внимания и недостойные, презренные, как и основа этого деления, традиционно далеко от любых нравственных принципов, не соотносимых с правами, которых требуют для себя сильные и привилегированные. Есть множество документов, подтверждающих данный факт и призывающих разобраться в нем, но в порядочном обществе, согласно максиме Оруэлла, говорить о таких вещах не принято³⁴.

Как я уже отмечал, оппозиция Клинтона по отношению к праву жертв крупномасштабных этнических чисток на возвращение в родные края укрепила известную изоляцию Вашингтона в международном сообществе, а также равно знакомую его позицию одновременного отклонения принципов Всеобщей декларации (для недостойных жертв — палестинцев и многих других) и страстной защиты их (для достойных жертв — в данный момент это косовские албанцы). Хотя подобные деления легко объяснить интересами силы, о них, если и упоминают в респектабельных комментариях, то характеризуют их как «двойные стандарты» или «ошибки». Присмотревшись же внимательнее к фактам, мы обнаружим, что стандарт один — тот, который обычно соблюдают великие державы, и что «ошибки», даже при весьма скверной реализации их планов (например, агрессор терпит поражение и т. д.), являются преимущественно тактическими.

Определения категорий «достойных» и «недостойных» часто бывают неоднозначными и изменчивыми. Так, Саддам Хуссейн был другом и союзником США/Великобритании (и других цивилизованных государств) и исправно принимал от них немалую военную и прочую помощь до тех пор, пока он только травил курдов газом, пытал диссидентов и совершал иные тяжелейшие за всю свою карьеру преступления. Но стоило ему не подчиниться приказам, изданным в августе 1990-го, как он в мгновение ока превратился в нового Аттилу, и впоследствии вернул себе статус фаворита уже после войны в Персидском заливе в марте 1991 года, когда США негласно уполномочили его на кровавое подавление шиитов, поднимающихся на юге, и курдов — на севере (как продуманно подавали это комментаторы, вашингтонская поддержка здесь была оправдана целью сохранения «стабильности»), А затем Саддам опять стал сущим дьяволом, едва в политике утвердился новый курс — на деструкцию иракского общества при одновременном укреплении его диктатора. Такие

курбеты, обычные в политике, требуют немалой изворотливости от тех, кто привержен оруэлловской максиме³⁵.

Если вернуться к Косову, то, по рассказам беженцев, сразу после начала бомбардировок террор окончательно воцарился и в столичном городе Приштина, в котором он до тех пор был «щадящим»; они предоставляли красноречивые свидетельства о снесенных с лица земли деревнях, диких зверствах и стремительном росте числа беженцев, что говорило о вероятной попытке полностью выжить албанское население. Такие же сообщения, в целом заслуживающие доверия, занимали центральное место в средствах массовой информации, изобилуя обширными и часто ужасающими подробностями, и это в порядке вещей, когда дело касается достойных внимания жертв, атакуемых их официальным врагом.

Роберт Хейден, директор Центра российских и восточноевропейских исследований Питтсбургского университета, представил следующий список последствий «обширной атаки с воздуха»: «потери среди сербских гражданских лиц за первые три недели войны превосходят все потери обеих сторон, понесенные в Косове за те три месяца, которые привели к данной войне, хотя эти три месяца рассматривались как гуманитарная катастрофа»³⁶. Потери среди сербского гражданского населения в контексте шовинистической истерии, подстегиваемой в целях войны против сербов, по общему признанию, еще не так велики. Но вот потери среди албанцев в первые три недели, в то время оцененные в сотни человек, хотя, вероятно, более многочисленные, безусловно, значительно превзошли показатели трех предыдущих месяцев, а возможно, и предыдущих лет.

Двадцать седьмого марта верховный главнокомандующий ОВС НАТО в Европе американский генерал Уэсли Кларк заявил, что усиление террора и насилия со стороны сербов после натовских бомбардировок «было полностью предсказуемым». В тот же день представитель Госдепартамента Джеймс Рубин сказал, что «Соединенные Штаты крайне встревожены сообщениями о прогрессирующем характере сербских атак на албанское гражданское население Косова», в данный момент большей частью представляемые как некие военизированные силы. Вскоре после этого Кларк вновь доложил, что его не удивляет резкая эскалация сербского террора после бомбардировок: «Военные эксперты достоверно предвидели, какой порочный подход изберет Милошевич, равно как и то, с какой жуткой эффективностью он будет его осуществлять»³⁷.

Говоря, что усиление насилия со стороны сербов было «полностью предсказуемым», генерал Кларк несколько зарекомендовался. В сфере человеческих проблем нет ничего «полностью предсказуемого», а тем более если это последствия крайних форм насилия. Но то, что случилось в итоге, было в значительной степени вероятным. По наблюдениям Кариеса Лорда из Флетчерской школы права и дипломатии, бывшего советника администрации Буша-старшего по национальной безопасности, «враги часто реагируют, когда в них стреляют», и «хотя западные официальные лица продолжают это отрицать, вряд ли можно сомневаться в том, что „бомбовая кампания“ предоставила как мотивы, так и возможности для более масштабных и жестоких действий со стороны сербов, чем поначалу предсказывалось»³⁸ — по крайней мере, кем-то, если уж не командующим войсками НАТО.

В Вашингтоне такого результата не предвидели.

Пятого марта 1999 года итальянский премьер-министр Массимо Д'Алема нанес визит в Вашингтон, предупредив Клинтона о том, что, если Милошевич сразу не капитулирует, то «в итоге... от 300 000 до 400 000 беженцев хлынут в Албанию», — и он опасается, что и в Италию. Клинтон обратился к советнику по национальной безопасности Сэнди Бергеру, который сказал Д'Алема, что в этом случае «НАТО продолжит бомбардировки», ведущие к еще более ужасным последствиям. Председатель Комитета по разведке Палаты представителей Портер Госс сообщил средствам массовой информации, что «наше разведывательное сообщество за месяцы и дни до бомбардировки предупреждало о том, что мы получим взрывной рост числа беженцев, которое на 250 000 человек превысит результаты, ожидавшиеся в прошлом году (до бомбардировок), что это будет способствовать решимости сербов, что конфликт еще более распространится и что начнутся этнические чистки». Не далее как в 1992 году европейские наблюдатели в Македонии «спрогнозировали внезапный и массовый поток этнических албанских беженцев в случае, если военные действия распространятся на Косово»³⁹.

Причины таких ожиданий вполне понятны: люди «реагируют, когда в них стреляют», — не тем, что осыпают атакующих цветами, и не там, где враг силен, а там, где сильны они сами, в данном случае — на земле, а не в отправке реактивных самолетов бомбить Лондон и Вашингтон. Не надо обладать ни особой гениальностью, ни доступом к секретным разведанным, чтобы прийти к таким выводам. Открытая угроза прямого натовского вторжения сделала еще более вероятной самую непредсказуемую реакцию, — и вновь по причинам, которые вряд ли могли ускользнуть из поля зрения Клинтона, Блэра, их союзников и комментаторов. Здесь можно вспомнить, как реагировали США во время Второй мировой войны, хотя атака со стороны японцев была внезапной и ни в малейшей степени не грозила им открыто, да и никакая иная угроза реально не висела над Америкой со времен войны с Англией 1812 года.

Угроза бомбардировки, вероятно, привела к усилению зверств, хотя это не единственное их основание. Те же и столь же предсказуемые последствия, видимо, имел отзыв 19 марта возглавляемой США миссии наблюдателей в Косове во время подготовки к бомбовым ударам. «Наблюдатели единодушно считались единственным и последним тормозом, сдерживающим югославские войска», как постфактум толковали события корреспонденты «Вашингтон пост»; и все должны были понимать, что, отпустив тормоза, можно вызвать настоящее бедствие. Другие средства массовой информации были с этим согласны. Дальнейший и более детальный ретроспективный анализ в «Нью-Йорк Таймс» приводит к выводу, что «сербы впервые атаковали твердыни Освободительной армии Косова 19 марта, но разгар их атаки пришелся на 24 марта, на ту самую ночь, когда НАТО начало бомбардировку Югославии»⁴⁰. Надо было привить себе изрядную дозу «сознательного неведения», чтобы интерпретировать эти факты как простое совпадение.

Сербия официально воспротивилась отзыву наблюдателей. Двадцать третьего марта в ответной резолюции на ультиматум НАТО, составленный в Рамбуйе, Сербское национальное собрание заявило: «Мы также осуждаем отзыв ОБСЕ Косовской наблюдательской миссии. Этому нет иных причин, кроме желания способствовать таким образом шантажу и угрозам в

адрес нашей страны»⁴¹. Резолюция национального собрания не освещалась ведущими средствами массовой информации, которые не опубликовали и условий соглашения, достигнутого в Рамбуйе, хотя последнее на протяжении всей войны характеризовалось как правильное и справедливое. Это был «определенный мирный процесс», с ударением на слове определенный, прозрачно намекающем на позицию Вашингтона, в чем бы конкретно она ни состояла (часто она сводилась к попыткам подорвать дипломатию); особенно поучительной в этом плане являлась его практика в отношении Среднего Востока и Центральной Америки⁴².

Вернемся к важнейшим документам, определившим дипломатический выбор США и Великобритании, которые приняли решение о бомбардировке в соответствии с предписаниями «нового интернационализма», — то есть к договору, принятому в Рамбуйе, и резолюции Сербского национального собрания, — только для того, чтобы подчеркнуть, что и то, и другое остались закрытыми, недоступными для широкой общественности, хотя некоторые решающие факты все же были обнародованы уже после того, как по достижении мирного соглашения они перестали представлять угрозу для демократии, и даже прозвучали открытые признания в том, что ультиматум, принятый в Рамбуйе, был «обречен на неэффективность» и только подорвал тот дипломатический курс, который «мог бы одержать победу» и без «грубой силы», повлекшей ужасные человеческие жертвы, — эту «грубую силу» мы с вами еще рассмотрим во всех аспектах.

Бомбардировки были предприняты спустя пять дней после отзыва наблюдателей и при обоснованных ожиданиях того, что их «результатом» станут зверства и этнические чистки, а также «внезапное и массивное» бегство и изгнание албанцев. Так и случилось на самом деле, хотя масштаб этих последствий стал для кого-то сюрпризом, однако главнокомандующий войсками НАТО в Европе явно ничего иного и не ждал.

Глава 2. Перед бомбардировками

Во время правления маршала Тито косовские албанцы в значительной степени самоуправлялись, особенно начиная с 1960-х гг., а затем и в соответствии с конституцией 1974 года, которая придавала Косову двусмысленный статус «чего-то среднего между автономной областью и государством в составе федерации» по характеристике, данной одним сербским ученым-диссидентом¹. Это существенное различие, поскольку у государства в составе федерации есть, по крайней мере, формально-юридическое право на отделение.

В 1981 году профессор-албанец из Приштинского университета на основании своих обширных поездок и исследований сделал вывод о том, что «ни одно национальное меньшинство в мире не получило таких прав, которыми пользуются представители албанской национальности в социалистической Югославии»². Однако годом раньше, после смерти Тито в мае 1980-го, ситуация уже стала ухудшаться. А в 1989 году косовская автономия успешно сошла на нет в результате нескольких пересмотров конституции и административных шагов, предпринятых сербским правительством под руководством Слободана Милошевича. Эти пересмотры и шаги заключались в воссоздании основ федеральной конституции 1963 года или реставрации прямого правления Сербии; те же перемены затронули Воеводину — местность, в которой сосредоточилось венгерское меньшинство.

Возвращение к порядкам, сложившимся по окончании второй мировой войны, встретило упорное сопротивление среди косовских албанцев и нашло не менее сильную поддержку среди сербов. Самый знаменитый югославский диссидент Милован Джилас, которым долго и по праву восхищались на Западе, так как он отважно противостоял диктатуре Тито, выразил свое согласие с проводимой Милошевичем «политикой упорядочения отношений Сербии со своими провинциями» и придания «крупнейшей нации» Югославии (сербам) «такого же статуса, которым пользуются все национальные меньшинства». «Если Косово вычеркнуть из души и памяти сербов, то у нас ничего не останется», — сказал он. Тем временем официальная пресса Албании провозгласила, что «без Косова нет Албании и наоборот», поэтому мы должны «разрушить границы, разделяющие албанцев с албанцами»; подавляющее большинство косовских албанцев было охвачено этим чувством. «Политическая цель реставрации, совершенной после 1989 года, — пишет Викерс, — состояла в недопущении отделения Косова и содействии физическому возвращению сербов в эту область», — сербов, многие из которых оставили ее в связи с тем, что они характеризовали как «тактику геноцида, применяемую албанскими сепаратистами». «Термин „Косово“ использовался и сербами, и албанцами как метафора, символизирующая „страдания и несправедливости“, причинявшиеся двум нациям на протяжении всей их

беспокойной истории», в ходе которой кнут гонителя оказывался в руках то одной из них, то другой³.

Плоды сербских программ были расценены как «апартеид по отношению к косовским албанцам» (Викерс), «сербская версия апартеида» в Косове (Джеймс Хупер)⁴. Но косовские албанцы «на удивление международной общественности», продолжает Хупер, «воздерживались от войны за национальное освобождение, вместо этого избрав ненасильственный подход, поддерживаемый ведущим косовским интеллектуалом Ибрагимом Руговой и ведущий к созданию параллельного гражданского общества». Эти их решения были вознаграждены «благосклонностью аудитории и риторическими напутствиями, раздаваемыми западными правительствами», но более ничем. В рамках одного значительного мероприятия, на Лондонской конференции по Балканскому кризису, хозяевами которой были британское правительство и ООН, «оказалась присутствующей в полном составе вся новая косоварская политическая элита — лишь для того, чтобы быть отосланной в одну из боковых комнат, где она должна была довольствоваться тем, что следила за ходом конференции по телевизору», — «просто чудовищное унижение»⁵.

Стратегия ненасилия «перестала вызывать доверие» после Дэйтонских соглашений по Боснии, достигнутых в ноябре 1995 года, — пишет Хупер, выражая типичное мнение специалистов. В Дэйтоне США успешно поделили Боснию-Герцеговину между, в конце концов, более значительными Хорватией и Сербией, предварительно грубо уравнив силы террора в двух областях поставкой оружия и подготовкой военных для Франьо Туджимана, хорватского двойника Милошевича, и поддержав его в насильственном изгнании сотен тысяч сербов из Краины, которое, по общему признанию, является самым жестоким единовременным актом этнической чистки за всю историю страшных югославских сепаратистских войн, по которому, однако, до сих пор никому не предъявлены обвинения⁶; если нечто подобное и произойдет, то, учитывая корни такой политики, дело вряд ли получит широкий резонанс. Тысячи изгоняемых сербов были тогда направлены в Косово.

Более или менее уравнив указанные стороны, исчерпавшие свои стратегические ресурсы США приняли руководство всей ситуацией, потеснив европейцев, которым, к их немалой досаде, была отведена грязная работа. «Из уважения к Милошевичу», — пишет Хупер, — США «исключили албанских делегатов от Косова из числа участников Дэйтонских переговоров и ушли от обсуждения косовской проблемы». «Наградой за ненасилие стало международное пренебрежение в адрес носителей данной идеи», — и что показательно, прежде всего пренебрежение со стороны США. Результатом этого, — завершает свою мысль Хупер, — явился «подъем партизанской борьбы Освободительной армии Косова (ОАК/УСК- национальная армия освобождения Косова) и расширение массовой поддержки вооруженной борьбы за независимость». К маю 1999 года, когда ОАК уже фактически превратилась в наземные силы натовских военных операций, ее полевым командиром был назначен Аким Чеку, архитектор этнических чисток в Краине. Британский корреспондент Роберт Фиск задал вопрос официальному представителю НАТО британцу Джейми Ши о реакции НАТО на данное назначение. «М-р Ши ответил, что у него нет комментариев на сей счет, — сообщил Фиск, — потому что „НАТО не имеет прямых контактов с ОАК“»⁷.

Однако при прямых контактах или без таковых, НАТО открыто поддерживало пограничные атаки ОАК, используя партизан для того, чтобы выманивать на открытое пространство сербские силы, которые тогда можно было бы уничтожить бомбежками США. В одном таком случае они могли особенно гордиться собой: по разным сообщениям тогда было убито от 400 до 500 или еще более югославских солдат, они уничтожены «американским бомбардировщиком Б-52, выследившим их массовое скопление в поле», когда они готовились отразить атаки врага на свои границы. «Б-52 было приказано сбросить большое количество кассетных бомб», — оружие, обоснованно запрещенное международными конвенциями, которые отказались подписывать США, и поэтому оно продолжает вести колоссальный счет своих жертв среди гражданского населения и спустя многие годы после принятия этих конвенций⁸.

В сентябре 1990 года на нелегальной парламентской сессии Косово было провозглашено независимым государством, руководствующимся «Качаникской конституцией», и которое тогда еще по-прежнему «добивалось решения о статусе Косова в структуре Югославии» (Викерс). Годом позже ситуация изменилась, так как произошло отделение Словении и Хорватии и быстрое признание их Западом, — в последнем случае без всякой тревоги о правах сербского меньшинства, что, как уже тогда широко отмечалось, было чревато новыми бедствиями. По следам этих событий в сентябре 1991 года косоварский парламент одобрил «Резолюцию о независимости и суверенитете Косова». Несколько дней спустя данное решение получило почти 100-процентную поддержку со стороны 87% правомочных избирателей, принявших участие в тайном референдуме — по мнению сербских властей, нелегальном, но так и не сорванном ими. Девятнадцатого октября парламент провозгласил независимость Косова. Неделей раньше политические партии косовских албанцев подписали декларацию, призывающую «всех албанцев к объединению». Албания отреагировала на это в конце октября официальным признанием «республики Косово» как суверенного и независимого государства. В результате президентских и парламентских выборов 1992 года единственный кандидат Ругова был избран Президентом 99,5% голосов, а его Демократическая Лига Косова (ЛДК) получила 75% мест в парламенте⁹.

Журналист и историк Тим Джудах характеризует ЛДК Руговы как «курьезное зеркальное отражение СПС (Социалистической Партии Сербии) Милошевича, поскольку она так долго была доминирующей силой в сербской политике». ЛДК «с трудом терпит раскольничество и в своих публикациях заглушает голоса тех, кто бросает ей вызов, порой даже обрекая этих людей на остракизм в тесно спаянной албанской общности»; и «горе любой албанской семье, любому лавочнику или бизнесмену, которые не заплатят свою дань местным косовским сборщикам налогов»¹⁰. Между тем «албанцы Косова... расценивают сербскую власть как оккупацию». Огромные массы и албанцев, и сербов бежали из области от репрессий и экономических трудностей¹¹. Согласно корреспонденту «Нью-Йорк Таймс» Крису Хеджесу, который освещал данный регион, «с 1966 по 1989 гг. число сербов, покинувших область из-за частых угроз и дискриминации со стороны албанско-косоварского меньшинства, оценивается в 130 000»¹².

«Сербы объясняют жесткий режим в Косове тем, что ЛДК является сепаратистской партией», — сообщает Джудах; это факт, что ЛДК «заявила... громко и четко», провозгласив «национальную независимость» при поддержке подавляющего большинства албанцев.

Политика Руговы заключалась в «ожидании того, чтобы в Косове не осталось ни одного серба или их количество стало таким незначительным, что эта область, словно созревший плод, упала бы прямо в руки его людей». Здесь дело не «только в правах человека», как «ради простоты предпочитают изображать косовскую проблему многие на Западе». Предпочитая победу сербов в конфликте, лидеры косовских албанцев «никак не поддержали хорватов и боснийских мусульман», хотя «в глубине души они хотели бы видеть сербов проигравшими и униженными». Причина в том, объясняет Джудах, что «они не желали, чтобы мировое сообщество проводило принцип, по которому старые границы республики Югославии могут превратиться в новые — нерушимые международные», в результате чего область Косово скорее оказалась бы «заключенной в Сербии как в ловушке», чем стала республикой, теоретически имеющей право на отделение, которое она имела в структуре, созданной Тито. От участия в югославских выборах 1992 года косовские албанцы воздержались, тех, кто все же участвовал, ЛДК объявила «предателями». Викерс заключает, что «миллионы албанских голосов, несомненно, могли бы свергнуть Милошевича, но, по тогдашним признаниям косовского руководства, они вовсе не желали его ухода. Если бы на Сербии не продолжал висеть ярлык несусветного зла, а эти лидеры, занимающие антисербскую позицию, не воспринимались бы, наоборот, как хорошие парни, они едва ли могли достичь своих целей. Для них было бы катастрофой, если такой спекулянт на мире, как [кандидат от оппозиции Милан] Панич, возродил бы здесь права человека, так как в этом случае на их долю не осталось бы ничего, кроме чисто политического изменения границ».

В 1992-93 гг. президент Югославии серб Добрика Косич в рамках «сдержанных контактов с лидерами косовских албанцев» предложил им отделить свою территорию от Сербии и поставить ее особняком от «нескольких сербских анклавов». Но данное предложение «было отклонено албанскими лидерами» республики Косово, которые подчинялись Ругове¹³. Как уже отмечалось, республика к тому времени провозгласила свою независимость, а также начала создавать параллельные системы здравоохранения и образования, которые продолжали работать, несмотря на давление Сербии, даже тогда, когда Ругова совершал заграничные поездки с целью лоббирования независимости, — присоединяясь к правительству в изгнании, и при этом не лишаясь своего паспорта и не подвергаясь аресту, вероятно потому, что, как полагает Джудах, сербские власти предпочитали, чтобы он «сдерживал своих активистов».

Так он и поступал, пока косовские албанцы после предательства в Дэйтоне не признали, что Вашингтон способен понимать только силу. К тому времени «в области начала подниматься партизанско-террористическая организация под названием [ОАК]», отклоняющая программу Руговы и «призывающая к войне с сербами» (Джудах).

Анализируя истоки, становление и вероятное будущее ОАК, Крис Хеджес пишет, что она была основана в 1991 году, «ее членами стали представители нескольких косовских кланов и радикалы из албанской диаспоры», а свою первую вооруженную атаку они совершили в мае 1993-го, убив двух офицеров сербской полиции и ранив пятерых¹⁴.

Хеджес характеризует эту организацию как расколотую «причудливую идеологическую структуру, с намеками на фашизм с одной стороны, и коммунистическими веяниями с

другой. Первую фракцию возглавляют... наследники тех, кто сражался в период второй мировой войны в рядах фашистского ополчения и созданной нацистами добровольной дивизии СС имени албанского народного героя Скандербеге, или потомки реакционных албанских повстанцев-кача/сое, которые выступили против Сербии 80 лет назад». «Вторая фракция ОАК, объединяющая многих ее ссыльных лидеров, состоит из старых сталинистов, которых когда-то наплодил ксенофоб Энвер Ходжа, диктатор Албании, скончавшийся в 1985-м». Хеджес полагал, что ОАК будет править в Косове после насильственного восстановления порядка средствами НАТО. Кроме того, он считал, что ее руководство может «крайне разочароваться в Западе, — и, будто оно еще недостаточно экстремистское и непримиримое, — обратиться к исламским радикалам, готовым поддержать новые битвы мусульман против православных христиан»; он отмечает и «признаки того, что подобные Контакты уже установлены». Единственная идея, насчет которой между двумя фракциями ОАК «существует согласие, — это необходимость освободить Косово от власти сербов. Все остальное, что звучит угрожающе, будет решаться позднее. Как? Об этом не говорится». По выражению Джудаха, «кнут поменяет хозяина и перейдет к „вражеской“ общности, как это было в прошлом, самым свежим примером из которого является нацистская оккупация, когда организованное нацистами албанское ополчение „без разбору убивало в Косове сербов и черногорцев“ и десятки тысяч из них выселило с насиженных мест» (Викерс).

По текущим сообщениям прессы, фракционные расколы остаются глубокими как внутри армии, так и между формирующимся руководством косовских албанцев и бывшим самопровозглашенным правительством Руговы. И, конечно, характер конфликта и его участников радикально изменился с военными действиями НАТО¹⁵.

Как и другие обозреватели, Хеджес сообщает, что из-за отсутствия западной поддержки их «мирного, цивилизованного протеста», который был просто «проигнорирован», косовские албанцы испытали «глубокое, очень глубокое ощущение того, что их предали». И Дэйтон «научил нас прискорбной истине о том, [что] те, кто хочет свободы, должны за нее бороться» (слова командира ОАК). «В результате, — пишет Викарс, — рост отчаяния и безысходности, особенно заметный сегодня среди женщин и пожилых людей, привел к замене пассивных мер албанского сопротивления более агрессивной стратегией», выразившейся в одновременном проведении в середине февраля 1996 года бомбовых атак на пять лагерей сербских беженцев, расположенных в нескольких городах Косова. Эти беженцы были вытеснены из Хорватии во время санкционированных США операций по этнической чистке, призванной положить начало этапу отделения, местный архитектор которой в мае 1999 года был назначен войсковым командиром ОАК.

Викарс сообщает, что партизаны к середине 90-х превратились в солидную военную силу — четыре полка, насчитывающих 40 000 солдат, развернутых в пограничных районах Косова и базирующихся в Албании. Они были хорошо оснащены оружием, спонсировались богатыми представителями косоварской диаспоры и, возможно, повстанческими исламскими группировками Среднего Востока и обучены в Албании, Иране и Пакистане. С 1995 года они усилили свои атаки на полицейские участки и иные цели, перейдя от единичных убийств к организованным нападениям. В апреле 1996 года, убив несколько сербских полицейских и гражданских лиц, ОАК официально объявила, что она предприняла «вооруженное нападение на сербских агрессоров» и тем самым «возглавила борьбу за освобождение

Косова, которая должна продолжаться до обретения полной независимости». Атаки на сербскую полицию и других врагов, включая тех албанцев, которых считали пособниками сербов, продолжались в течение всего 1997 года. В декабре ОАК впервые появилась на публике во время похорон албанского учителя, убитого сербскими силами безопасности. Седьмого декабря обозреватель из Республики Косово сообщил, что политика ненасилия потерпела полное поражение: «Поскольку мировое сообщество недооценивает и в значительной степени игнорирует албанский фактор, сводя его к проблеме меньшинств, требующих разрешения своего нелепого конфликта с сербским окружением, — и это когда единственным способом общения между Сербией и Албанией является насилие и преступление, — то будет неудивительно, если какая-то часть народа решит остановить эту агонию и взять судьбу Косова и его людей в свои собственные руки»¹⁶.

К февралю 1998 года партизанские операции достигли гораздо больших масштабов, поскольку теперь ОАК «боролась не только с Сербской армией и полицией Министерства Внутренних дел, но и обстреливала гражданское население, убивая сербских почтовых служащих и других лиц, ассоциирующихся с властью»¹⁷. Эти события вызвали куда более жестокую реакцию сербских военных и полиции, доходящую до диких расправ с гражданами, предположительно оказывающими поддержку ОАК. Официальную позицию американских властей, полагает Хеджес, Сербия истолковала как «зеленую улицу» для такого ответа. В феврале 1998 года специальный эмиссар на Балканах Роберт Гелбард заявил в Приштине, что США считают ОАК, «вне всякого сомнения, террористической группой» и «осуждают ее крайне террористическую деятельность в Косове». В течение двух недель сербские силы совершили жестокое нападение на маленький город, являвшийся штаб-квартирой клана Яшари, «из членов которого в начале мятежей состояла большая часть ОАК», превратив его в «тлеющие обломки» и убив около 100 человек. Эта акция «зажгла новое пламя войны».

Подъема войны, по мнению Джудаха, не предвидели ни ОАК, ни сербы, хотя ОАК быстро отреагировала на него распределением оружия, созданием ополчения и решением «биться с сербами», которое отныне разделяли многие косовские албанцы. За несколько месяцев ОАК заняла крупные зоны области, «пока сербы, не определившие, что им делать, не начали оказывать сопротивления». Когда они стали его оказывать, летом 1998-го, ОАК «растворилась в горах, покуда сербы давали выход чувству мести, сжигая деревни и изгоняя их жителей»¹⁸. К лету 1998 года ОАК контролировала 40% Косова, как пишут в своей длинной статье о предпосылках войны два репортера «Нью-Йорк Таймс», и Милошевич ответил на это своей главной наступательной операцией — точно также, как он отреагирует на натовские бомбардировки, — «изгнанием сотен тысяч человек, на этот раз всего за несколько недель»¹⁹.

Едва ли стоит тратить время на предположения о том, как ответили бы США на выступления партизанских сил, обеспеченных иностранными базами и поставками, требующих, скажем, независимости для Пуэрто-Рико или воссоединения с Мексикой юго-западных регионов, которые были завоеваны расширяющимся североамериканским гигантом, — и контролирующим 40% соответствующей территории.

Нетрудно понять, почему сербские лидеры могли истолковать официальную позицию Вашингтона как «зеленую улицу». Они прекрасно знали, что Вашингтон поддерживает хорватские этнические чистки в Крайне. Джудах предполагает, что США также дали зеленый свет и сербскому нападению на Сребреницу, в результате которого жертвами кровавой резни стали 7000 человек, что являлось частью их обширных планов по изменению состава населения. США «ничего не сделали для предотвращения» этой атаки, хотя знали о том, что сербы готовятся к ней, и затем использовали бойню в Сребренице, «чтобы отвлечь внимание от исхода всего населения из Крайны, который совершался в тот самый момент». Этническая чистка в Крайне «упрощала дело», как за год до этого отметил Госсекретарь Уоррен Кристофер²⁰.

Возможно, у сербских лидеров перед глазами стоял пример Ливана, где США эффективно санкционировали смертоносные сирийские атаки на палестинцев в 1976 году, а до и после этого — и регулярные израильские нападения на палестинцев и ливанцев, часто сопровождавшиеся колоссальными цифрами убитых и беженцев. Эти дикие жестокости в Ливане, пик которых был достигнут при лауреате Нобелевской премии мира Шимоне Пересе, однако, являются здесь не самой уместной аналогией. С середины 1980-х и до сего дня их, как правило, объясняют нападениями на израильские вооруженные силы, оккупирующие иностранные территории в нарушение давних постановлений Совета Безопасности об их выводе. Такие атаки чаще всего не носят характер актов возмездия. Лишь одна воздушная атака, совершенная в декабре 1975 года и унесшая жизни 50 человек, была явной попыткой «сведения счетов» с Советом Безопасности Организации Объединенных Наций, на сессии которого тогда рассматривался вопрос об урегулировании израильско-палестинского конфликта путем создания двух государств, которому, несмотря на его поддержку почти всем миром, воспрепятствовали США, — а значит, воспрепятствовали тому, чтобы вместе с ним в истории произошло и множество других событий, вытекающих из «определенного мирного процесса». Израильское вторжение 1982 года, предпринятое при поддержке США и разрушившее большую часть Ливана, оставив среди его руин 20 000 убитых из числа гражданского населения, мотивировалось все теми же интересами, теми же хорошо знакомыми израильским ученым кругам и прессе задачами, хотя в США предпочитают рассказывать иную историю.

Этот процесс продолжался и в 1990-е, неизменно при твердой поддержке со стороны США. Самые крайние его проявления имели место при правлении лейбористской партии, которой США отдавали безусловное предпочтение: наступление армии Иц-хака Рабина в 1993-м, в результате которого полмиллиона людей были вынуждены бросить свои дома, и новое наступление при Пересе в 1996-м, приведшее к тем же последствиям и созданию, как отмечалось в докладах ООН, «колоссального гуманитарного кризиса». Эта атака была остановлена только после массового убийства 100 беженцев в лагере ООН в Кане, вызвавшего такой мощный международный протест, что администрации Клинтона пришлось взять назад свои слова, сказанные в оправдание этих жестокостей²¹.

Заметьте, что эти события середины 90-х гг. позволяют глубже проникнуть в суть ценностей, которые вступают в силу там, «где этнический конфликт превращается в этническую чистку» (Клинтон).

Если вернуться к Косову, то здесь на протяжении 1998 года шла дальнейшая эскалация боевых действий, масштаб жестокости которых примерно соответствовал ресурсам насилия. Согласно ретроспективным оценкам «Вашингтон пост», «с повстанцами боролись внутренние войска численностью около 10 000 человек, запугивая, а иногда и уничтожая гражданское население в селах и деревнях, ставших оплотом мятежников», и к концу года, согласно неназванным представителям НАТО, в эту борьбу также включилась армия. В октябре, когда эмиссар ООН Ричард Холбрук достиг соглашения с Милошевичем (формального, по сути не соблюдавшегося), американская разведка сообщила, «что косовские мятежники намеревались втянуть НАТО в свою борьбу за независимость, спровоцировав сербские силы на еще большие жестокости». Резня в Рачаке, произошедшая 15 января 1999 года, в результате которой погибли 45 человек, получила широкое освещение в прессе и стала решающим событием, которое побудило Вашингтон и его союзников, ужаснувшись этим зверствам, начать подготовку к войне. «Рачак так изменил балканскую политику Запада, как это редко удается единичным событиям», — полагает корреспондент «Вашингтон пост» Бартон Геллман, реконструирующий в своем материале «путь к кризису». Она явилась «последней каплей жестокости», которая «привела механизм в движение». Она «убедила администрацию, а затем и союзников НАТО» в том, что они должны избрать курс войны и скорее начать «военную компанию, главной целью которой будет спасение жизней и домов этнических албанцев Косова», и которая сразу же «колоссально ускорит их резню и выселение», как это и было предсказано²².

Есть ряд простых способов оценить правдивость заявления о том, что рачакская бойня произвела вышеописанный эффект на западную чувствительность. Вернемся к нескольким наиболее очевидным тестам.

В октябре 1998 года прекращение огня позволило направить в область 2000 наблюдателей ОБСЕ. Неудачные переговоры между США и Милошевичем привели к возобновлению боевых действий и зверств, которые, видимо, усилились с угрозой натовских бомбардировок и отзывом наблюдателей, что также было предсказано²³. Должностные лица из ведомства ООН по беженцам и Католическая Служба Милосердия предупреждали, что угроза бомбежек «означает опасность для жизней десятков тысяч беженцев, которые только считаются укрывшимися в лесах», предсказывая «трагические» последствия в том случае, если «НАТО сделает невозможным наше пребывание здесь»²⁴.

Очередная резкая эскалация жестокости произошла после того, как бомбардировки 24 марта обеспечили для этого «возможности и мотивы», что и было с уверенностью, а то и «полностью», «предсказуемым».

Предвиденные последствия отнюдь не ограничиваются тяжелым и прямым ущербом для косовских албанцев. К их числу относятся смерти и разрушения по всей ФРЮ. Одним из поучительных примеров в этом плане является Воеводина, тотчас же подвергшаяся чрезвычайно жестокому нападению, и особенно ее столица Нови Сад, в которой были быстро разрушены мосты, вся инфраструктура, сорваны водо- и электроснабжение. Обитель венгерского Меньшинства, Воеводина на сотни миль удалена от Косова, и до натовских бомбардировок она была Мирным районом. По данным самых честных из тех обозревателей, которые прошли через Воеводину, получив приказ международных организаций покинуть

Югославию, еще за несколько дней до бомбежек в ней отсутствовали любые признаки конфликта или раскола²⁵.

По сообщениям прессы, эта область была «символом сопротивления режиму Слободана Милошевича», «местом, где оппозиционные политические вожди обсуждали западную модель реформ, где в гармонии жили этнические меньшинства и где большая часть населения предпочитала большую автономию от Белграда». Но когда она в мгновение ока стала «наземной целью в бомбардировочной кампании НАТО против Югославии... рухнули и почти все прозападные настроения». «Демократическая оппозиция в Воеводине, бывшая когда-то ярким пятном на обычно унылой югославской политической сцене, превратилась в громогласного врага НАТО». Как отмечает член правления новисадского городского совета, лидер «прогрессивной оппозиционной партии», «НАТО продемонстрировала, что понимает только политику насилия». Он заключает, что Воеводина, главная сельскохозяйственная область страны и источник почти половины валового национального продукта в 1998 году, «так часто подвергается ударам для того, чтобы была разрушена сербская экономика». Первые два уничтоженных моста были «излюбленным местом прогулок жителей Нови Сада». Они «не имели военного значения», говорит он; у одного из них «прочности едва доставало на то, чтобы по нему ходили автобусы», а другой связывал Нови Сад с маленьким селом и не являлся крупным транспортным звеном. За несколько недель было полностью нарушено водоснабжение и в значительной степени электропитание города, а также большая часть системы здравоохранения и, что особенно пугало, ввоз медикаментов и лекарств для ветеринарии. Вынужденные «сосредоточиться на проблемах элементарного выживания», люди не «пытались давить на правительство с тем, чтобы оно приняло условия НАТО», — предсказуемое последствие, отнюдь не проблематичное, если целью является разорение общества²⁶.

Независимые источники (см. примечание 25) сообщают, что самый тяжкий урон в результате бомбежек понесли цитадели оппозиции, расположенные в центральной Сербии (Ниш, Крагуевац, Чачак, Вальево). Мэр Ниса Зоран Живкович, заместитель главы Демократической партии, строго осудил Милошевича и его губительную политику. Независимое агентство Бета Ньюз (югославское, но негосударственное, в отличие от ТАНЮГ) передало, что по оценкам властей Воеводины, произведенным в начале июня, ущерб от натовских бомбардировок достиг уровня 4,8 миллиардов долларов, с учетом 3650 разрушенных жилых сооружений и восьмидесяти двух поврежденных или полностью разрушенных предприятий. Эту статистику сообщили сербские власти, поэтому к ней следовало относиться с сомнением, однако, общая картина сомнения не вызывала.

Подрыв демократической оппозиции в Федеральной Республике Югославия в целом, а не только Воеводины, явился другим последствием натовских Ударов, и тоже полностью предсказуемым. Мы еще вернемся к этому и другим последствиям и различным реакциям со стороны просвещенных государств и за их пределами.

Вся пропаганда, исходящая от США и его союзников, вполне естественно, направлена на то, чтобы отвлечь внимание от тех выводов, к которым можно прийти, изучая последствия применения силы. Один из ее методов состоит в том, чтобы встать в позу благородства и гуманитарного пыла с надеждой (кстати, сполна оправдавшейся) услышать со всех сторон

барабанный бой соответствующей риторики. Другие заявления сводятся к тому, что зверства происходили бы там в любом случае, поскольку то, как они совершались после бомбежки, говорит о тщательном планировании и подготовке: имеется в виду план «Операции Подкова», по слухам, обнаруженный вскоре после того, как стали очевидными результаты бомбежки. Мы еще вернемся к самым подробным доказательствам, предоставленным официальными источниками. Однако и без всякой информации об «операции Подкова» можно с уверенностью сказать, что у Сербии были такие планы. Это становится несомненным уже на основании краткого исторического обзора, который с лихвой объясняет данное обстоятельство. Сами США, даже живя в обстановке полного мира и безопасности, располагают бесчисленным множеством планов на всякий пожарный случай, спектр действий в которых варьируется от ядерного разрушения (нанесение превентивных ударов по безъядерным государствам «третьего мира» остается официальной политикой США; см. ниже, гл. 6) до акций меньшего значения. Возможно, что у США на всякий случай есть даже план вторжения в Канаду²⁷. Если нет, то они его быстренько создадут и реализуют, и при этом будут не слишком деликатными, пожелай Канада бомбить Вашингтон, и тогда Канада не сможет делать правдоподобных заявлений о том, что Америка в любом случае вела бы себя таким образом. То, что Милошевич вынашивал планы по вытеснению из Сербии албанского населения, представляется гораздо более вероятным в свете хорошо известной хроники его правления, истории албанско-сербских отношений в Косове и американских угроз. Было бы поистине удивительным, если бы НАТО не подозревало об этом.

Если Клинтон, Блэр и их единомышленники действительно знали (как они заявляют сейчас) о том, что здесь творятся или вот-вот начнут твориться дикие жестокости, и при этом не делали ничего, чтобы подготовиться к потоку беженцев, который они предвидели, они должны быть виновны уже не только в постыдном игнорировании, но и в тяжелейшем преступлении. Их преступление усугубляется тем, что, по утверждению Главнокомандующего ОВС НАТО генерала Кларка, они не сподобились уведомить его об этом. Через месяц после начала бомбардировок генерал Кларк докладывал, что о планах «Операции Подкова» «меня никто никогда не извещал», и — что еще более преступно — операция НАТО, спланированная «политическим руководством», «задумывалась не как средство для прекращения сербских этнических чисток. Она задумывалась не как средство ведения войны против сербов и сил МУР (особой полиции) в Косове. Ничего подобного. Никаких таких намерений не было. Идея нападения состояла не в этом»²⁸.

Короче говоря, Главнокомандующий генерал НАТО считал сербские операции по этнической чистке «полностью предсказуемыми» и «никоим образом» не волнующими политическое руководство, которое отдало приказ о бомбардировках, повлекших за собой такие жестокости: это, безусловно, преувеличение, но оно достаточно близко к истине, чтобы позволить вдумчивым людям сделать кое-какие выводы.

Ведомством, которое в первую очередь отвечает за заботу о беженцах, является Верховный Комиссариат ООН по делам беженцев. В октябре 1998 года Комиссариат объявил, что к январю 1999-го он должен будет сократить пятую часть своего персонала в связи с бюджетным кризисом, поскольку в 1998 году бюджет понизился более чем на 15%. Это часть общего бюджетного кризиса ООН, в первую очередь вытекающего из отказа США от

уплаты долгов — то есть одного из многих нарушений ими договорных обязательств, особенно участившихся в эру Нового Гуманизма, к чему мы еще вернемся. Объявление о резких сокращениях штата, призванного печься о беженцах, совпало с выражением Клинтоном большой озабоченности судьбой беженцев, которым придется пережить горькую зиму в Косове, а также с американо-британским заявлением о том, что руководство этих стран полагает, будто у него есть «достаточно полномочий на то, чтобы начать воздушные удары»: эти полномочия основаны на резолюциях Совета безопасности и докладе Генерального Секретаря, — и речь шла о начале военных акций, которые, несомненно, обострят критическую ситуацию с беженцами²⁹.

Данная конфигурация событий позволяют нам еще глубже проникнуть в существо «принципов и ценностей», повсюду встречающих столь шумное и эмоциональное одобрение.

Глава 3. Оценивая гуманитарные намерения

Одних событий в Косове вполне достаточно для того, чтобы не принимать в расчет первостепенный и самый возвышенный из всех аргументов, выдвигавшихся в пользу применения силы, — то, что натовские бомбардировки, предпринятые с гуманитарными намерениями, открывают новую эпоху, в которой правящая миром сверхдержава и ее «младшие братья» в порыве ранее не замеченного за ними великодушия обещают нам проложить дорогу к новой эре гуманизма и справедливости.

Помимо свидетельств, которыми изобилуют Балканы, есть и другие элементарные способы проверить на истинность данный тезис, провозглашаемый столь торжественно и авторитетно — спросить, как цивилизованные государства ведут себя в других местах. Действительно, тогда нам придется нарушить правило, требующее от нас ограничить свое внимание преступлениями официальных врагов. Но давайте простим себе этот грех, при том, что будем, однако, по-прежнему держаться главного принципа: знакомой идеи о «смене курса», согласно которой прошлое не должно вторгаться в нашу Дискуссию и запутывать ее. В данном случае это означает, что мы должны исключить из обсуждения все, что происходило в период «холодной войны», когда были допущены ошибки — кстати сказать, простительные. Иллюстраций нашей идеи существует великое множество, так что мы их здесь опускаем¹.

Почему нам следует столь строго придерживаться данной доктрины? Это станет тотчас понятно всякому, кто от нее отклонится. Он, например, сможет обнаружить, что преступления «холодной войны» едва ли имеют что-то общее с конфликтом, как это порой признается в рамках закрытых от прессы дискуссий на высшем уровне, и что модель политики до начала «холодной войны» мало чем отличается от таковой по ее окончании, кроме разве что публичных разъяснений этой политики и того, как сказались на международных отношениях исчезновение самого объекта угрозы².

Так что давайте все же придерживаться нашей идеи, отступив при этом от второго ведущего принципа, согласно которому мы должны сосредоточить, подобно лазерному лучу, свое внимание только на преступлениях избранных врагов — в данный момент на сербских злодеях. У такого отступления есть как минимум два достоинства: во-первых, оно позволит нам испытать «новый гуманизм» на истинность; и во-вторых, мы сможем заняться вопросами, крайне важными по любой нравственной шкале.

Вероятно, есть смысл ненадолго отвлечься от темы и вспомнить некоторые трюизмы. Первый из них заключается в том, что люди изначально несут ответственность за возможные последствия как собственных действий, так и бездействия. Второй состоит в

том, что озабоченность моральными вопросами (преступлениями и пр.), вероятно, бывает разной, и в одних случаях она способна возыметь положительный эффект на события, а в других — нет (хотя, конечно, это не единственное различие). Отсюда вывод: чем больше возможностей, тем выше ответственность, и тот, кто свободнее, по идее, должен платить за свои действия не столь дорогой ценой. Стало быть, ответственность привилегированных людей, живущих в более свободных обществах, куда выше ответственности тех, кто лишен привилегий или может понести суровое наказание за свою честность и нравственную прямоту.

Два этих трюизма тесно связаны, в чем-то даже совпадают, приводя к заключениям, которые способен сделать всякий нравственный человек в ситуациях реального мира, это он не может не учитывать в своих действиях.

В общем и целом мы все понимаем эти простые истины. Поэтому никто не верил советской пропаганде, когда она трубила о «преступлениях американского империализма», даже если она оказывалась права и эти преступления действительно были серьезными или даже чудовищными. Однако когда диссиденты стали осуждать преступления советского режима, куда менее значительные, то это произвело на нас большое впечатление. Причины такой реакции — перед нами, это две только что упомянутые прописные моральные истины, которые, как часто бывает, здесь также совпали в своих значениях. И вывод соответствующий: комиссаров в их преступлениях хотя бы частично оправдывал страх за стабильность своего порядка, а не только те преимущества, которые дает подчинение властям.

Полезно также вспомнить и один психологический трюизм. Нам слишком трудно посмотреть на себя со стороны. В свете вышеупомянутых моральных трюизмов это исключительно важно для каждого человека. Но над тем, чтобы не дать людям заняться таким трудным и крайне важным делом, работают очень влиятельные институты.

Вероятно, стоит припомнить еще и иные трюизмы. Порицая преступления, совершенные другими, мы часто испытываем такое уютное, приятное чувство: уж мы-то — хорошие люди, совсем не то, что эти негодяи. Особенно часто так бывает в тех случаях, когда мы ничего не можем поделать с преступлениями «негодяев», и все, что нам остается — принять впечатляющую позу громкого осуждения безо всяких потерь для себя. Взглянуть же на свои собственные преступные деяния куда труднее, и тем, кто готов сделать подобное, часто приходится за это платить. В каждом обществе есть свои «диссиденты» и свои «комиссары», и уже стало почти законом истории то, что «комиссары» удостоиваются высоких похвал, а «диссиденты» строго осуждаются, — в рамках данного общества, разумеется; у официальных врагов понятия об этом противоположные. Плата за раскольничество может быть очень высокой, особенно в государствах, зависимых от США, например, убийство иезуитов-интеллектуалов в Сальвадоре. Можно провести весьма показательный эксперимент: попросить представителей самой что ни на есть интеллектуальной элиты вспомнить имена убитых диссидентов или их произведения и затем сравнить результаты с ответом на тот же вопрос о советских диссидентах послесталинских времен, которые вовсе не были жертвами террора против инакомыслящих. Равно поучительным было бы исследование официальных хроник: обзоров, книг, статей в

ведущих интеллектуальных журналах и так далее. Подобные попытки посмотреть на себя со стороны могли бы послужить нам весьма полезным уроком — о самих себе, о наших институтах.

Все это вопросы, которые уже многократно обсуждались ранее. Они столь тривиальны, что возвращение к ним может показаться бессмысленным. Но, наверное, оно все равно полезно, в частности, потому, что эти трюизмы обычно забываются, но их слишком легко проиллюстрировать жизненными ситуациями. Как, например, положением на Балканах в данный момент.

3.1. Бойня в Рачаке: «последняя капля жестокости, запустившая механизм войны»

Давайте начнем с маленького примера: проверим, насколько истинен тезис о том, будто бойня в Рачаке до такой степени оскорбила чувства лидеров свободного мира, что им пришлось готовиться к войне. Мы можем одновременно проверить и этот тезис, и то, как здесь работают вышеупомянутые прописные моральные истины, — достаточно спросить, каким образом те же самые лидеры реагировали на аналогичные или еще худшие кровопролития, которые происходили в то же самое время и за которые они непосредственно и в огромной мере лично ответственны, хотя в этих случаях было бы необязательно прибегать к войне и даже просто угрозам ее для того, чтобы умерить или остановить ужасные преступления.

Вот что сообщал о бойне в Рачаке американский Дипломат Уильям Уокер, сопровождавший группу специалистов ОБСЕ по расследованию военных преступлений. «То, что творилось на моих глазах, — говорит он, — позволяет мне не колеблясь назвать увиденное бойней, преступлением против человечности. Ответственность за него я также без всяких колебаний возлагаю на силы государственной безопасности»³. Что ж, допустим, он совершенно прав⁴. Кроме того, можно отметить, что Уокер является экспертом по расследованию государственных преступлений. Он служил послом США в Сальвадоре, где был проводником американской политики, которая позволяла местному правительству прибегать к государственному террору, очередной пик которого пришелся на ноябрь 1989 года, когда были убиты шестеро ведущих сальвадорских диссидентов-интеллектуалов, священники-иезуиты, а также их экономка и ее дочь. С ними расправились обученные американцами молодчики из отряда «Атлакатль», за плечами которого уже был внушительный опыт подобных зверских акций. Практически теми же руками и под тем же руководством было совершено убийство архиепископа Ромеро, открывшее в Сальвадоре жуткое десятилетие зверств, творимых по указке США, и в целом войну против церкви, которая нарушила правила хорошего тона и привела в ярость цивилизованные государства тем, что создала программу «льготных возможностей для бедных».

На убийство интеллектуалов-иезуитов Уокер отреагировал также быстро, как на бойню в Рачаке. Именно под его руководством американское посольство и его сальвадорский

«заказчик» запугивали главную свидетельницу, — «заказчик», естественно, стремился дискредитировать ее показания (она от них под давлением отказалась). Затем Уокер «сказал представителям комиссии Конгресса по расследованию, что свидетельств участия военных в данном преступлении нет, и предположил, что левые повстанцы могли устроить провокацию, переодевшись в солдатскую форму», — как с возмущением сообщал «Америкас Уотч». Уокер пытался отрицать тот факт, что зверства чинились убийцами, работающими на режим, который опекал Вашингтон, «спустя длительное время после того, как сальвадорский полковник доложил американскому майору, что армия совершила убийства», — продолжает «Америкас Уотч», расценивая эти попытки как желание выдать черное за белое. Затем он рекомендовал госсекретарю Джеймсу Бейкеру, чтобы США «не подвергало риску» свои отношения с Сальвадором расследованиями «давних смертей, сколь бы ужасными они ни были», — мудрое решение, учитывая ведущую роль США, и в том числе самого Бейкера, в совершении этих жестокостей⁵.

В январе 1999 года Уокер удостоился за свой героизм в Рачаке изрядных похвал, последовавших в ответ на его собственное признание, что он, «возможно, не все сделал для того, чтобы положить конец жестокостям» (Тед Коппел, «Найтлайн»), и сожалеет о том, что «обходил молчанием» расправу с иезуитами, которая просто лишила его «дара речи» («Вашингтон Пост»). Что ж, теперь мы ждем от него такого же героического порицания преступлений Вашингтона⁶.

«Два эти события — убийство архиепископа Ромеро в 1980 году и расстрел иезуитов в 1989-м — являются как бы первой и последней страницей целого десятилетия, изобилующего жуткими доказательствами того, кто на самом деле управляет в Сальвадоре и как мало меняются эти правители», — говорится в материале «Америкас Уотч», посвященном годовичному юбилею «дела» Уокера. «Десять лет спустя расстрел священнослужителей остается предпочтительным выбором для тех, кто просто не способен услышать требования перемен и справедливости, звучащие в обществе, которому до сих пор так не хватало и того, и другого». Иезуиты-интеллектуалы пополнили длинный список религиозных мучеников и сотен тысяч других жертв войны с собственным народом, которую в то мрачное десятилетие организовывал и направлял Вашингтон.

Пусть нам позволят вспомнить хотя бы последнюю страницу этого десятилетия, которая как раз приходится на те временные рамки, когда официально должна была начаться эпоха нового гуманизма, и совпадает с падением Берлинской стены — событием, избавившим наконец два цивилизованных государства от антагонизмов «холодной войны», которые мешали им целиком посвятить себя идеалам справедливости, свободы и прав человека в целом.

Давайте продвинемся еще на десять лет вперед и вновь попытаемся оценить тезис о том, что именно ужас, испытанный от кровавых событий в Рачаке, заставил цивилизованные государства начать войну.

Рассмотрим Восточный Тимор, место самой страшной резни мирного населения со времен Холокоста, чему в немалой мере способствовали США и Великобритания (и, несомненно, другие государства), в том числе по дипломатической линии, но самым решающим образом

— военными поставками, и не менее решающим — своими фальсификациями и отказами признать очевидное. Наверное, нет необходимости ворошить доказательства, которые тщательно утаивались и в худшие дни этого кровопролития (когда уничтожить их было очень просто и дешево), и все еще отрицаются по сей день⁷. В свете же доктрины «смены курса», которой мы с вами согласились придерживаться, такой обзор в любом случае оказывается неуместным, поэтому давайте ограничимся 1999 годом.

Через двадцать пять кошмарных лет наконец-то были предприняты некоторые шаги, которые позволяли народу, притесняемому на собственной территории, осуществить свое право на самоопределение, поддержанное Советом Безопасности ООН и Международным судом в Гааге. В августе 1999 года индонезийские власти согласились не препятствовать референдуму, в рамках которого тиморцы могли выбрать или отклонить свою «автономию» внутри Индонезии. Все стороны понимали, что, если обеспечить хотя бы минимальную свободу голосования, то победу одержат силы, выступающие за независимость. Оккупационная индонезийская армия (ABRI/TNI) тотчас поспешила воспрепятствовать такому исходу. Сначала было решено создать вооруженные формирования, которые будут убивать, пытаться и запугивать непокорных, в то время как армия обеспечит «правдоподобные опровержения», однако, этот план оказалось невозможным осуществить из-за присутствия международных наблюдателей (в том числе австралийских журналистов, ирландского министра иностранных дел, работников служб гуманитарной помощи и т. д.), которые могли видеть собственными глазами, как ABRI вооружает и обучает убийц, предоставляя им полную свободу действий.

В одном только апреле 1999 года сообщалось о более чем сотне жертв кровавой бойни, — т. е. более чем вдвое большем количестве по сравнению с Рачаком, около 60 человек из них были убиты 6 апреля в церкви г. Ликиса согласно данным, предоставленным Фондом юридических и человеческих прав в столице Тимора Дили и включающим список имен погибших. Эти люди были одними из тысяч несчастных, спасавшихся от ужасов террора, они, наконец, нашли себе приют в церкви, на которую вскоре напали солдаты и бойцы вооруженных формирований, имевшие целью «убить всех находившихся в церкви людей», как писал в местном журнале один приходской священник.

Еще восемнадцать человек были убиты в промежутке с 9 по 14 апреля в городе Суэй, где, кроме того, десять человек подверглись пыткам и девять бесследно исчезли, — согласно Комиссии мира и справедливости, функционирующей на базе церкви. Церковные, правозащитные и женские организации сообщали о сотнях людей, убитых и раненых во время этих атак. После того, как сельские жители «двадцать четвертого апреля вытащили разбухшие трупы из океана, сотрудники правозащитных организаций предположили, что потери убитыми в одной только суэйской резне могут достигнуть 100 человек». Еще через несколько дней нападения повстанцев в Дили привели к «гибели как минимум 30 человек» (16–17 апреля), вдобавок к «десяткам похищенных и, возможно, казненных», как информировало австралийское печатное издание, снабдившее этот материал подзаголовком «Свобода, утопленная в крови». Еще тысячи были отправлены в индонезийские концентрационные лагеря, из них около 10 000 — в лагерь на окраине Ликвики, условия жизни в котором, по разным сообщениям, были ужасными и унижительными. Десятки тысяч других в панике бежали в окрестные деревни. Персонал

дилиийского отделения католической Службы милосердия «Каритас» был предупрежден о том, что если он попытается снабжать беженцев продовольствием, то на него также будут совершены нападения. В феврале пришлось спасаться от террора и сотрудникам австралийских служб гуманитарной помощи. Американский врач Дэн Мерфи, добровольно приехавший в Дили (и через несколько недель вынужденный покинуть страну), указывал, что от пятидесяти до ста тиморцев каждый день погибали от вполне излечимых болезней, а Индонезия в это время «намеренно проводила политику, исключая поставки медикаментов на Восточный Тимор». Как и в начале июня, индонезийские власти по-прежнему препятствовали въезду в страну группы медиков из Австралии, которые надеялись «смягчить наступающую гуманитарную катастрофу»⁸.

Повстанческая армия ABRI представляла собой «хорошо организованные эскадроны смерти, спущенные с цепи некоей тайной — или не совсем тайной — рукой, таким образом воплотившей в общественной форме некий частный и просчитанный замысел». Ведущий австралийский специалист по индонезийской армии характеризует повстанческие войска как «по существу, ответвление TNI (ABRI)», тайно созданное в октябре 1998 года и «от имени армии уполномоченное вести войну против сил независимости»⁹.

«Население Восточного Тимора просто молит о помощи, но его просьбы снова отвергнуты международным сообществом», — точно характеризует ситуацию австралийский комментатор Эндрю Макнафтан. Однако причина этого — отнюдь не в недостатке информации о положении островитян. На встрече, состоявшейся в Дили в середине апреля — по горячим следам «кровавых бесчинств», — Совет Безопасности ООН заслушал доклад своего специального представителя на Восточном Тиморе, заканчивавшийся призывами к Бразилии и Японии надавить на Индонезию с тем, чтобы она прекратила насилие (поскольку Бразилия и Япония традиционно оказывают большую поддержку и помощь индонезийским властям). В мае несколько наблюдателей ООН наконец приехали в страну, чтобы проследить за ожидавшимся референдумом, но власти Джакарты не позволили им иметь при себе оружие — даже ручное, для личной защиты, — настаивая на том, что индонезийские «мощные семнадцатитысячные силы безопасности по-прежнему отвечают за порядок и спокойствие» в этой незаконно присоединенной области¹⁰.

Как же эти стражи добродетели реагировали на апофеоз индонезийских зверств, которые они ранее так долго поддерживали? Вновь избранные лейбористы пришли во власть со своей «этической программой внешней политики», автор которой, министр иностранных дел Робин Кук, объявил, что «мы приняли твердое обязательство не разрешать продажу оружия тем режимам, которые могут использовать его для подавления инакомыслящих или агрессии». Но при этом Кук дал понять, что «он не будет запрещать продажу бронетанковой техники режиму, имеющему, по некоторым источникам, едва ли не худшую на данный момент репутацию в области прав человека». Лейбористское правительство сразу же увеличило продажу оружия Индонезии, выдав поставщикам пятьдесят шесть лицензий на его экспорт, хотя Кук и «признавал, что британское вооружение применяется против демонстрантов», представляющих демократическое движение Индонезии. «Добро на экспорт получил обширный перечень категорий, включающий стрелковое оружие, пулеметы, бомбы, вещества, применяемые для разгона демонстраций, в том числе токсические, системы наблюдения, бронетанковые машины, электронное оборудование,

созданное специально для военных нужд, и самолеты»; правительство выполнило и поставки всепогодных истребителей «Хок» (Ястреб), которых от него ждали больше всего. По сообщениям в прессе, «лейбористы экспортируют в Индонезию больше оружия и другого военного оборудования, чем тори, несмотря на хваленую „этическую программу внешней политики“» Робина Кука, а «продажи стрелкового оружия, в том числе пулеметов, при лейбористах даже удвоились». В свое оправдание министерство иностранных дел приводило примеры улучшения ситуации на Восточном Тиморе. Согласно отчету индонезийского военного атташе, прозвучавшему по британскому телевидению, британское вооружение используется для борьбы с непокорными как на Восточном Тиморе, так и в самой Индонезии. Производители оружия «при лейбористах имеют больше шансов на получение экспортных лицензий, чем при тори», сообщает Джон Пилгер, — в течение первого года правления лейбористов «не было утверждено лишь менее одного процента таких заявок». Этическая программа внешней политики — это прекрасно, — рассуждает корреспондент Хью О'Шонесси, но «нет, господин министр, компания „Бритиш Аэроспейс“ не сможет существовать, не делая бизнес с Индонезией»; как и Пилгер, освещая положение на Тиморе и в других областях, он давал событиям очень яркую и точную характеристику. Что касается США, то Клинтон подписал предложенный Конгрессом закон о запрете на применение американского оружия на Восточном Тиморе, а также на обучение и тренировку солдат ABRI. Но без тщательного наблюдения за выполнением этого закона его подпись ничего не стоит, что уже было доказано в прошлом, когда он всеми правдами и неправдами пытался обойти запретительные акты Конгресса, касающиеся обучения индонезийских военных, — эти уловки президента очень сильно раздражали конгрессменов, но только и всего, более никакой реакции на них не было¹¹.

Со стороны «новых гуманистов» не раздалось ни одного призыва о выводе с Тимора индонезийских вооруженных сил или отправке туда сколько-нибудь значительных наблюдательских групп ООН. Здесь все было с точностью до наоборот. Они, оказывается, даже препятствовали отправке таких групп, как указал представитель Интер Пресс Сервис (ИПС) Фархан Хак, чей доклад под названием «Политика: Восточный Тимор. США задерживают отправку миротворцев ООН» прозвучал в штаб-квартире Объединенных Наций в Нью-Йорке. «Надежды ООН на быстрое развертывание миротворческих сил при молниеносно меняющейся ситуации Восточного Тимора наткнулись на новое препятствие, поскольку по воле президента Билла Клинтона утверждение этого плана американской стороной откладывается до тех пор, пока президент не посоветуется с Конгрессом». Представители ООН «планировали, что уже к концу июня на место придут чуть более 270 „голубых касок“», но руки Клинтона связаны директивой 1993 года, изданной им самим «после провального участия Вашингтона в миссии ООН в Сомали»; из-за этой директивы «утверждение данного плана в США, вероятно, затянется», что, в свою очередь, «по словам представителей ООН, спутает весь распорядок голосования»¹².

Франческо Вендрелл, дипломат ООН, который возглавляет Азиатско-Тихоокеанский отдел Департамента ООН по политическим вопросам и двадцать пять лет проработал над мирными способами прекращения агрессии, говорит, что «уже готов проект резолюции» для утверждения Советом Безопасности плана по отправке миротворцев, но он не сможет вступить в действие без санкции со стороны США, а Клинтон еще должен «за две недели уведомить Конгресс о том, что он собирается одобрить развертывание этой миссии ООН». В

отличие от War Powers Act (Акта об ограничении военного вмешательства) данную директиву следует соблюдать. Сейчас, когда я пишу эти строки, остается неясным, было ли сделано такое уведомление, хотя этот вопрос уже многие месяцы стоит на повестке дня, а зверства и разрушения, организованные смертоносными вооруженными силами стародавнего альянса Вашингтона и Лондона, все усиливаются. Неофициальное соглашение ООН, призывающее к проведению референдума и организации наблюдения за ним, было подписано 5 мая — за двадцать три дня до сообщения Интер Пресс Сервис о том, что Клинтон все еще не сподобился сделать Конгрессу необходимое уведомление. В США эти факты освещаются столь скудно и поверхностно, что любые комментарии по их поводу могут быть только предположительными, и полная информация, вероятно, дойдет до нас лишь много позже, что в общем-то в порядке вещей, если дело касается зверств и прочих «летающих щепок», приемлемых для «нового гуманизма» или вытекающих из него.

«Фактор времени для Восточного Тимора имеет большое значение», — указывают Вендрелл и другие представители ООН. Регистрация избирателей должна была начаться где-то 20 июня. «Каждый потерянный день — это реальная опасность для всего процесса народного волеизъявления», — говорит Сидни Джонс, исполнительный директор «Хьюман Райтс Уотч» в Азии. По-видимому, возможность честного голосования здесь уже успешно отменил индонезийский государственный террор, который загнал многих лидеров в подполье или вытеснил их за границу, и благодаря которому «около 35 000 тиморцев были выселены из своих домов и увезены в лагерь, охраняемые проиндонезийскими силами»¹³.

Небольшой контингент сил ООН в конце мая предпринял попытку расследовать обстоятельства новых жестокостей и сообщил о том, что военизированные отряды напали на деревушку Атару, убив по меньшей мере шесть человек, собиравшихся воскресным утром пойти в церковь, — а на самом деле, возможно, раз в пять больше, как считают представители местных правозащитных организаций. Следователи ООН не были допущены в Атару, тем не менее они сделали сообщение о том, что «наткнулись на факты, говорящие о подготовке к новым нападениям» тех же самых сил, а именно на военный лагерь, где их тренировали специалисты ABRI в несомненное нарушение договора ООН, подписанного Индонезией¹⁴.

В своих выводах, сделанных в конце мая, «уважаемая группа правозащитников» — Фонд юридических и человеческих прав в Дили — характеризовала этот период как самую тяжкую «атмосферу страха» после событий 1975–1989 гг., «когда территория, истерзанная насилием, была закрыта для иностранцев». «Насилие творилось каждый день, — похищения, пытки, убийства, грабежи и поджоги, которым подвергались восточные тиморцы по всей территории», — сообщал Фонд¹⁵.

Насколько нам известно, «новые гуманисты» не оказывали на Индонезию никакого давления, если не считать критических слов, высказанных, возможно, именно их представителями в частном порядке, и нескольких возмущенных всплесков руками. Проблема Рачака очень серьезна, ее не следует путать со все-таки иными, несхожими эпизодами долгой истории кошмара, создаваемого при решающей поддержке США и Великобритании. Но только из этого, одного из многих, примеров уже вытекает, что мы не можем всерьез воспринимать текущие интерпретации произвола в Рачаке, равно как и

заявления о том, что нравственное негодование по поводу этой «последней капли жестокости» подвигло тех, кто «поддерживает наши ценности», применить силу.

Да, этот вывод идет вразрез с основной заповедью нового, равно как и старого, гуманизма, которую отчетливо сформулировал бывший корреспондент «Нью-Йорк Таймс» А. Дж. Лэнггут, раздраженно высказываясь по поводу первой расширенной дискуссии об индонезийской бойне на Восточном Тиморе, поддерживаемой Соединенными Штатами. Этой дискуссии предшествовали семь лет фальсификаций, которые фабриковались правительством и прессой, а затем полное — в буквальном смысле — молчание в момент пика насильственных этнических чисток и зверств, достигших в 1977-78 гг. такого уровня, что многие называли их геноцидом: цифра убитых тогда составила, наверное, тысяч 200 — это больше четверти населения. Возражение Лэнггута против данной дискуссии было весьма близким к истине: «если бы целый свет вдруг сошелся клином на Тиморе, от этого не стала бы счастливее участь ни одного камбоджийца». В то время задача прессы состояла в бурном излиянии гневного протеста против преступлений красных кхмеров, и задача эта имела целый ряд достоинств: непосредственным проводником насилия являлся официальный враг; ничто не говорило о том, что данные преступления можно хоть как-то смягчить (что решающим образом отличало их от событий на Тиморе и других жестокостей, творимых в это же время); эти массовые преступления можно было использовать для того, чтобы задним числом оправдать еще более жуткие преступления, совершавшиеся США в период вьетнамской войны; и, вероятно, самым важным обстоятельством здесь является то, что данные преступления можно было привлечь в качестве оправдания многих текущих и планируемых преступлений — на том основании, что они способны запугивать «левых полпотовцев» — например, священников и крестьян в Сальвадоре. В таком контексте возражение Лэнггута было весьма кстати: привлечение внимания к колоссальным преступлениям, творимым при решающем участии США, — не лучший способ отвлечь его от других аналогичных событий¹⁶.

Аргумент совершенно разумный с точки зрения господствующих идейных принципов, и его настойчиво повторяли на протяжении всего косовского конфликта в ответ на замечания о том, что любая серьезная попытка оценить самодовольную риторику «нового гуманизма» должна начинаться с постановки следующего вопроса: как он проявляет себя по отношению к другим, сопоставимым с этими или еще большим жестокостям, которые происходят в то же самое время и которые он мог бы легко и без затрат ликвидировать или уменьшить, просто отказавшись от своего дальнейшего участия в них. Логика здесь аналогичная: от привлечения внимания к преступлениям США и Великобритании «не стала бы счастливее доля ни одного косовского албанца», стало быть, такие попытки достойны только — презрения и насмешки.

Тем не менее, мы с вами будем держаться именно этого курса в своих дальнейших попытках оценить тот образ, на который претендуют «новые гуманисты», поскольку, несмотря на все негодование, которое он у нас вызывает, мы должны признать, что такова элементарная предпосылка исследования мотивов и целей их деятельности, а также ее значения для будущего.

3.2. Гуманитарные заботы 90-х: маленький пример

Прежде чем продолжить, нам, вероятно, следует припомнить простое правило логики. Когда развивается гуманитарный кризис, то аутсайдеры могут выбрать одно из трех:

- 1) способствовать эскалации катастрофы;
- 2) не делать ничего;
- 3) пытаться смягчить катастрофу.

Косово подпадает под первую категорию, Восточный Тимор 1999 года — под вторую категорию (этот особенно уродливый пример, если учесть совсем недавнюю историю, не укладывается в рамки доктрины «смены курса»). Давайте рассмотрим некоторые другие, актуальные сегодня примеры.

Одним из таких поучительных примеров служит Колумбия, на протяжении 90-х гг. бывшая ареной самого тяжелого гуманитарного кризиса в западном полушарии, — не столько потому, что в ней резко усилился сам кризис, сколько потому, что конвейер убийств и террора, запущенный США в Центральной Америке в предыдущие годы, к этому времени в основном достиг своих целей, и теперь, вследствие экономической катастрофы 1980-х, а также альтернатив, предоставляемых изменившейся мировой экономикой, стало возможным поддерживать порядок иными средствами.

Вспомним, что в Косове, по оценкам западных источников, в год, предшествующий бомбардировкам, с обеих сторон было убито 2000 человек и от 200 до 300 тысяч человек стали вынужденными переселенцами внутри страны. Когда начались бомбардировки, Госдепартамент выпустил свой отчет по Колумбии за тот же самый год. Сходство цифр ужасает: 2–3 тысячи убитых, 300 тысяч новых беженцев, 80% кровавых побоищ относится на счет военизированных формирований и армии (это только в тех случаях, когда удалось собрать веские доказательства), которая годами прибегала к помощи этих формирований, также как ABRI делает это на Восточном Тиморе, а сербские военные делали в Косове¹⁷.

Конечно, абсолютных исторических аналогий не бывает. Между Колумбией и Косовом есть различия, и два из них особенно существенны.

Во-первых, для Колумбии такие жестокости не новость (для Косова, согласно НАТО и аналитической литературе, они стали обыденными только с начала 1998 года). Более того, они служат лишь дополнением к ежегодным потерям, которые почти постоянны. Очень схожие оценки прозвучали и в отчете Госдепартамента за 1997 год, а наблюдатели из правозащитных организаций отмечали подобное в течение многих лет¹⁸. В 1998 году, по

данным Госдепартаменту, поток беженцев даже превысил таковые за прежние годы. Церковь и другие правозащитные группы оценивают общее число беженцев как значительно превышающее миллион, причем большинство из них — женщины и дети, так что, если иметь в виду только одно это, то налицо один из тяжелейших кризисов в мире. В 1998 году положение ухудшилось до такой степени, что даже один из самых ярких и отважных активистов-правозащитников Колумбии, отец Савьер Жиральдо, стоящий во главе основанного церковью Центра Мира и Справедливости, из-за постоянной угрозы для Жизни вынужден был покинуть страну, оказавшись в числе многих других изгнанников. Годом ранее Международная Амнистия (МА) избрала Колумбию в качестве стартовой площадки для проведения своей глобальной кампании по обеспечению безопасности наблюдателей-правозащитников, — что явилось вполне естественным выбором в свете истории страны¹⁹.

Подобно МА, Хьюман Райтс Уотч, группам, связанным с церковью, и другим организациям, заботящимся о соблюдении прав человека, Госдепартамент делает вывод, что «достоверные заявления о сотрудничестве [вооруженных сил] с военизированными формированиями, включающем случаи как негласной поддержки, так и прямой помощи со стороны представителей вооруженных сил, особенно армии, продолжали поступать» в течение всего 1998 года: «В некоторых регионах между местными военными командирами и военизированными формированиями существовала негласная договоренность, и военизированные группировки свободно вели боевые действия в нескольких областях, находящихся под контролем военных». Есть и куда более подробные сообщения, но основные выводы касательно вооруженных формирований те же: многие убийства «совершались при попустительстве или активном участии сил безопасности», как, например, в октябре 1998 года вновь сообщает Хьюман Райтс Уотч.

Второе различие между Колумбией и Косовом заключается в том, что в случае с Колумбией Вашингтон явно запачкал кровью собственные руки. Проявления государственного террора полностью соответствуют руководящим указаниям администрации президента Кеннеди, которая советовала колумбийским военным «подобрать гражданский и военный персонал... [для того, чтобы]... по мере необходимости выполнять боевые, диверсионные и/или террористические операции против известных сторонников коммунизма. Соединенные Штаты должны поддерживать эти действия». Приводя эти инструкции, Хьюман Райтс Уотч указывает, что в число «известных сторонников коммунизма» входят «критики власти, профсоюзные деятели, организаторы коммун, оппозиционные политики, гражданские лидеры и активисты-правозащитники», а общественный протест в целом был официально клеймен как «способ невооруженного свержения власти»²⁰. Единственная независимая политическая партия подверглась почти полному уничтожению: тысячи ее выборных должностных лиц, кандидатов и активистов пали жертвами политического убийства. В первую очередь жертвами становились крестьяне, особенно те, кто осмеливался поднять голову в этой обстановке грубого подавления и потрясающей нищеты, созданной на фоне высоко оцененного (местными элитами и иностранными инвесторами) экономического успеха.

С ростом насилия в 1990-х годах Колумбия стала основным адресатом американской военной помощи в Западном полушарии, которая заключалась как в поставках оружия, так и в подготовке боевиков. Администрация Клинтона особенно усердно восхваляла президента

Гавирию, чье пребывание на этом посту, как отмечают все основные правозащитные организации, привело к «вопиющему уровню насилия», в чем он даже перещеголял своих предшественников, поскольку при нем «насилие достигло беспрецедентного уровня». Тогда народ сполна испил чашу страданий. Оружие из США и сегодня продолжает «использоваться в беспорядочных бомбардировках» и других невыносимо жестоких операциях, а в 1999 году ожидается еще больший ее приток, после чего Колумбия, вероятно, займет в этом смысле первое место в мире (не считая Израиля и Египта, которые входят в отдельную категорию). Помощь предоставляется под предлогом «войны с наркобизнесом», чему не верит почти никто из серьезных обозревателей²¹.

Этот пример представляет собой актуальную иллюстрацию первого выбора из трех: здесь все действия направлены на эскалацию жестокости, равно как в Косове, и также как это систематически делалось в прошлом, в целом длинном ряду случаев, которые доктрина «смены курса» полностью исключает из рассмотрения.

Конечно, после начала натовских бомбардировок гуманитарный кризис в Косове значительно превзошел уровень такового в Колумбии: «результат», который, согласно высоким источникам из США, был «полностью предсказуемым» или по меньшей мере предвидимым с большой долей вероятности. Спустя два месяца, как уже отмечалось, поток беженцев в соседние страны и разрушение деревень достигли такого же уровня, как в 1948 году в Палестине, — это в дополнение к сотням тысяч новых внутренних переселенцев и зверствам почище чем в Палестине 1948 года (тоже нешуточным), и точный масштаб которых до конца неясен, хотя все это, конечно, будет активно исследоваться и публиковаться, в отличие от иных событий, сопоставимых с этими или даже худших, но освещаемых ненадлежащими источниками²².

Следующим существенным шагом в оценке «нового гуманизма» должна быть постановка вопроса о том, как он отреагировал на те жестокости 1990-х, которые входили в число предсказуемых результатов применения бомбардировок в Косове, — при этом мы будем держаться случаев, в которых цивилизованным государствам ничего не стоило действовать так, чтобы смягчить или устранить подобные гуманитарные катастрофы. Этот шаг тоже оказывается простым и честным.

Провозгласив «новый интернационализм, для которого настало время там, где мы больше не можем мириться с грубым подавлением целых этнических групп», Тони Блэр сделал еще одно заявление, в чем-то более правдоподобное, что «в свою 50-ю годовщину НАТО должно одержать победу»²³. Юбилей НАТО был отпразднован в Вашингтоне в апреле 1999 года, и на это торжество падала мрачная тень этнических чисток, проходивших в Косове в непосредственной близости от натовских границ. Юбилейные собрания получили широкое освещение в прессе. Их участникам и комментаторам потребовалась впечатляющая выдержка, чтобы «не заметить», как одна из самых ужасных этнических чисток 90-х гг., значительно превзошедшая все жестокости, приписываемые Милошевичу в Косове, происходит в границах самого НАТО, в рамках юрисдикции Совета Европы и Европейского Суда по правам человека, который постоянно выносит вердикты, согласно которым член НАТО Турция «несет ответственность за сожженные деревни, бесчеловечное и унижительное обращение с их жителями и прямо-таки наплевательское отношение к заявлениям о грубом

обращении сил безопасности с попавшими в их руки людьми»²⁴. Турция не была формально принята в Европейский Союз: помешала неприглядная летопись состояния прав человека в этой стране, смутившая некоторых европейцев, — в отличие от Вашингтона, который, «оказывается, поддерживает идею о членстве Турции в этом союзе»²⁵. Вновь обратясь к запретной теме, мы обнаружим, что жестокости, творимые в Косове, после натовских бомбардировок стали принадлежать не просто к рангу несправедливостей, чинимых в западном полушарии при поддержке Клинтона, а перешли в ранг зверств, которые можно сравнить с этнической чисткой, проходившей при той же поддержке Клинтона внутри самого НАТО.

Многие годы подавление курдов было главным позором Турции²⁶: дело доходило до того, что даже пользование курдским языком или указание на этническое родство с курдами расценивалось как преступление. Притеснение курдов было столь тотальным, что даже в законе, запрещающем их язык, не использовалось слово «курдский», а говорилось об «употреблении иного, не турецкого языка». Хотя в 1989 году этот закон был отменен, суровые ограничения по-прежнему оставались в силе. Курдские радио и телевидение продолжали находиться на нелегальном положении, курдский язык не мог преподаваться в школах и использоваться в рекламе, родители не должны были давать детям курдские имена и так далее. Нарушителей этих правил безжалостно бросали в турецкие застенки. Вот один из ярких примеров: турецкий социолог, доктор Исмаил Бешикчи, уже однажды отбывший в заключении пятнадцать лет за выступления в защиту прав курдов, в 1991 году был вновь арестован и посажен в тюрьму за издание своей книги («Государственный террор на Ближнем Востоке»), рассказывающей об отношении турецких властей к курдам²⁷.

Защитники турецкого режима очень точно отмечают, что отдельные курды вполне могли бы интегрироваться в турецкое общество — но только при том условии, что они отрекутся от своей национальной принадлежности.

В 1984 году Курдская Рабочая партия (КРП), возглавляемая Абдуллой Оджаланом, начала вести вооруженную борьбу за права курдов. Конфликт продолжался в течение всех 1980-х годов, но военные действия турков, а также акции подавления и террора (закрывание газет, убийства журналистов и так далее) резко усугубились в 1991-92 гг., когда в страну были поставлены вертолеты «черный ястреб» и другое новейшее вооружение из США. В марте 1992 года Оджалан объявил о прекращении огня после переговоров с правительством Тургута Озала, которое сочло данное предложение «истинным шагом к миру». В апреле КРП вновь заявила о прекращении огня, вместе с тем потребовав от правительства, чтобы оно «предоставило [курдам] свободу в сфере культуры и право вещания на курдском языке», а также отменило репрессивное «чрезвычайное законодательство» и ликвидировало «систему патрулирования деревень». Имелись в виду стандартные принципы доктрины о противостоянии мятежникам, осуществлявшейся в Гватемале и многих других местах, согласно которым сельские жители в таких горячих точках мобилизуются на «защиту» своих коммун против партизан или иных смутьянов. Вскоре после этого президент Озал умер. Он «оставил в наследство две разработки в области собственно курдской проблемы», — пишет Тирман, — «слабые начатки более реалистического подхода политиков к факту страданий курдов, и военную стратегию, диктуемую задачей добиться силового превосходства на юго-востоке и осуществлять депортацию курдов с их родных земель. Второе наследство было

более прочным», в значительной степени благодаря предпочтениям правящей миром супердержавы, которая спешно поставляла турецким военным современное вооружение (реактивные самолеты, ракеты, разделители противопехотных мин и т. д.), чтобы способствовать эскалации их террора и этнических чисток. «Турецкие офицеры, обученные в США, применяли методы, знакомые всем крестьянам от Вьетнама до Гватемалы»²⁸, где этнические чистки, резня, террор, пытки и другие зверства осуществлялись силами режимов, находящихся под покровительством США, а порой и непосредственно американскими вооруженными силами. Доктрины, лежащие в основе этих действий, были позаимствованы не у кого-нибудь, а у нацистов, а затем несколько облагорожены для последующего применения в операциях по подавлению мятежей, которые проводились по указке США во всем мире²⁹.

Но нам с вами было предписано забыть эти страницы истории, так что давайте держаться дозволенных временных границ, то есть 1990-х годов.

В начале 90-х страшные жестокости стремительно усиливались, достигнув пика в 1994-96 гг. Одним из показателей этого служит тот факт, что с 1990 по 1994 гг. более миллиона курдов бежали из сельских районов страны в неофициальную курдскую столицу Диярбакир по мере того, как армия опустошала юго-восточные регионы, густо заселенные курдами. По сообщениям прессы, в результате форсированной массовой миграции население Диярбакира за два следующих года выросло более чем на один миллион человек³⁰. В 1994 году турецкий государственный уполномоченный по правам человека докладывал: «Террор в провинции Тунчели есть террор государственный. Именно государство очистило от жителей и сожгло деревни Тунчели. Мы настаиваем на внимании к Тунчели. Это два миллиона бездомных людей на юго-востоке страны. Мы не можем даже обеспечить их всех палатками»³¹.

С этих пор существенно возросло и количество внутренних беженцев, вероятно, до 2,5 или 3 миллионов человек, и, кроме того, неизвестно число тех, кто покинул страну. Одних только «таинственных убийств» курдов (считается, что это дело рук эскадронов смерти) в 1993 и 1994 гг. было до 3200. Они продолжались и далее вместе с пытками, разрушениями около 3500 деревень (это в семь раз больше, чем в Косове, согласно данным, приведенным Клинтонем), бомбовыми атаками с применением напалма и «роковыми случайностями», в совокупности унесшими, по разным оценкам, десятки тысяч жизней; а сколько точно — никто не считал.

В ходе одной особенно дикой, «жесточкой кампании по разрушению деревень» турецкие вооруженные силы «осенью 1994 года стерли с лица земли около 137 деревень в провинции Тунчели, то есть ровно одну треть всех деревень этой большой области, расположенной к северу от Диярбакира. В одной из последних зеленых зон Турции пылали широкие полосы пламени, зажженные с вертолетов и Ф-16, [поставленных из США]» (Тирман).

Турецкая пропаганда, которой в целом созвучна и информация, распространяемая в США, приписывает убийства курдским террористам. Такая же практика проводится в Колумбии, и ей же привычно следует сербская пропаганда. Как почти всякая пропаганда, эти измышления содержат долю истины. Ведь было бы довольно трудно, а то и невозможно,

найти такую войну с агрессией, имперским насилием или внутренним подавлением и кровавыми бойнями, в которой жестокости не творились бы в том числе «террористами» или «сопротивлением» (назовем это в зависимости от того, на чьих позициях мы стоим); и равно трудно найти конфликт подобного рода, который не коренился бы в «тихом насилии», выражающемся в социально-экономическом, культурном и политическом порядке, силой навязанном одной из сторон.

Как передавал с места событий ветеран «Вашингтон пост», корреспондент Джонатан Рэндалл, 1994 год ознаменовался в Турции сразу двумя рекордами: это был «год самых тяжелых репрессий в курдских провинциях» и год, когда Турция стала «крупнейшим индивидуальным импортером американской военной техники и, стало быть, крупнейшим в мире покупателем оружия. Ее арсенал, на восемьдесят процентов американского происхождения, включал танки М-60, истребители-бомбардировщики Ф-16, вертолеты „Кобра“ и „скользящие“ вертолеты „Черный ястреб“, все это рано или поздно было использовано против курдов». Американские фирмы участвуют в обширных совместных производственных проектах с турецкой военной промышленностью. По оценкам специалиста в области производства оружия Уильяма Хартунга, американские налогоплательщики выложили миллионы долларов и на то, чтобы США обучили турецких военнослужащих искусству бороться с курдами. Когда правозащитные организации выявили тот факт, что в Турции для бомбардировок деревень применяются американские реактивные самолеты, администрация Клинтона нашла почти такие же способы уклониться от выполнения законов, требующих прекращения поставок оружия, какие она использовала в Индонезии и других аналогичных ситуациях³². По сообщениям Хьюман Райтс Уотч в 1995 году, «США каждый год пополняли арсеналы Турции современным оружием, становясь соучастником их операций „выжженной земли“, нарушающих фундаментальные принципы международного права». В этих отчетах подробно описываются не только жестокости, ныне знакомые нам по первым полосам любой из газет (пишущей о Косове), но и множество качественно отличных, поскольку Турция могла свободно применять американские реактивные самолеты, вертолеты, танки и другую современную технику, предназначенную для разрушения и кровопролития³³. В дополнение к обычным видам пыток, политических убийств и этнических чисток в летописях войны встречаются указания на такие деяния, как сбрасывание людей с вертолетов (это могли быть заключенные, изнасилованные женщины, которых раздевали прежде чем бросить навстречу смерти), сжигание живьем людей из числа гражданского населения, обмотанных и связанных цепями или электрическим кабелем, и еще длинный и кровавый список других преступлений. Отважные турецкие активисты-правозащитники пытались обнародовать факты подобных бесчинств и пострадали за это. Членов Ассоциации Правозащитников «преследовали, подвергали пыткам, заключали в тюрьмы, а иногда и убивали», их офис в Диярбакире в 1997 году подвергся облаве и был закрыт, вследствие чего до общественности стало доходить еще меньше сообщений о попрании прав человека³⁴.

По словам Тирмана, «жестокие бои» продолжались в течение 1996-97 гг. В 1997 году, когда он писал об этом, «война против курдов была еще в самом разгаре», и она фактически ужесточилась после того, как умолкли «безосновательные комментарии о каком-либо политическом урегулировании». В 1999 году сообщалось, что для продолжения войны в регионе правительство развернуло войска численностью 300 000 человек. Но успех

государственного террора и этнических чисток привел к снижению уровня «необходимой» жестокости по сравнению с серединой 90-х, так что Турция больше не входит в тройку главных адресатов американской военной помощи (после ее постоянных получателей Израиля и Египта), и ее место теперь занимает Колумбия³⁵.

Турецкий самолет (то есть американский с турецкими пилотами) взял курс на бомбардировку Сербии, хотя корреспонденты сообщали о турецких «опасениях, что, поддерживая независимость албанских косоваров, турки могут подстегнуть курдский сепаратизм в пределах собственной страны». Пока же Турция удостоивается громких похвал за свои гуманитарные намерения, и, как уже отмечалось, извлекает выгоду из того, что «Турция доброй воли окрепла в своих действиях по урегулированию кризиса в Косове». Планируя вторжение, представители НАТО выражали надежду на то, что Турция дойдет в Косово наземные войска, и они смогут использовать во благо свой только что приобретенный опыт³⁶.

По наблюдениям Рэнделла, Турция оказала существенную помощь и в Боснии, когда Вашингтон решил, что она «может выступить в качестве дружественного, прозападного, умеренно-мусульманского партнера НАТО» и взять на себя миссию по подготовке бойцов, которую администрация Клинтона сочла «политически рискованной» для себя, поскольку это потребовало бы держать американские войска в Боснии в течение еще долгого времени после принятия дэйтонских соглашений. «Никто публично не высказался насчет того, насколько двусмысленно положение Турции — государства, погрязшего в уничтожении своего курдского меньшинства и помогающего осажденным мусульманам Боснии выжить в борьбе со сторонниками „великой“ Хорватии или Сербии».

Вашингтон заявляет, будто он не в состоянии расследовать военные преступления в юго-восточной Турции из-за того, что турки запрещают американцам въезд в этот регион. «Громкие заявления американского правительства о своей неспособности серьезно оценить действия военного союзника по НАТО кажутся малоубедительными, учитывая, какие мощные следственные ресурсы имеются в его распоряжении», — весьма сдержанно комментирует эти заявления Хьюман Райтс Уотч. Кроме того, «повсюду, где Турция осуществляла свою многообразную тактику выжженной земли, американские войска, самолеты и разведывательные группы все еще остаются на своих постах, разбросанных по всей Турции, вперемешку с местными войсками, предназначенными для борьбы с мятежниками, и летными экипажами, базы которых расположены на юго-востоке как, например, Инжирлик и Диярбакир», — базы, с которых США регулярно совершают атаки на Ирак, а Турция вторгается в Северный Ирак с целью наказать курдов, следуя практике своего близкого партнера — Израиля, который сейчас использует базы Восточной Турции для тренировочных полетов своих современных (американского происхождения) самолетов и для наращивания турецкой военной мощи. На этих главных американских базах находится также ядерное оружие, и Израиль имеет, по крайней мере, возможность делать то же самое. Пока американские самолеты, базирующиеся в Инжирлике, патрулируют Северный Ирак и сбрасывают бомбы на системы противоздушной обороны, якобы для того, чтобы защитить иракских курдов, «в своих регулярных боевых вылетах севернее иракской границы Турция в это же самое время использует импортированные из США реактивные самолеты и штурмовые вертолеты, а также предоставленные американцами

разведывательные данные для борьбы с тем же курдским населением Ирака»³⁷.

Отчеты Госдепартамента по правам человека с самого первого их появления подвергались определенной критике со стороны правозащитных организаций за недооценку жестокостей, совершаемых в Турции, и особенно резкой критике в 1980-х гг. за звучавшую в них апологетику государственного террора в рамках режимов, опекаемых США. Критикуя отчет за 1994 год, когда вместе с ростом американской помощи жестокость военного противостояния в Турции достигла своего пика, Адвокатский комитет отмечал, что этот отчет «дает лишь поверхностную картину самого вопиющего массового нарушения прав человека в Турции в продолжение 1994 года, а именно стремительной кампании турецкой армии по разрушению курдских деревень, сопровождавшейся поджогом лесов и насильственным перемещением населения юго-восточных регионов страны. Обширные пространства обжитых земель были превращены в выжженные территории, и огромное количество людей, по многим оценкам свыше двух миллионов, были изгнаны из своих домов и вынуждены искать пристанища в городах. Отчет либо обходит эти преступления молчанием, либо говорит о них на языке эвфемизмов, что очень напоминает приемы, которые использовались в официальных заявлениях турецких властей»³⁸.

Вероятно, от официальных ведомств и нечего ожидать большего. И также, наверное, наивно было бы полагать, что представители интеллектуальной культуры в целом и элитных средств массовой информации в частности признают те прописные моральные истины, о которых мы говорили выше. Но широкой публике нет резона соглашаться с их требованиями, и всякий, кто воспринимает эти нравственные трюизмы всерьез, обязан приложить все силы, чтобы остановить ужасные преступления, в которые мы вовлечены, пусть и не сознавая того, благодаря господствующим информационным системам.

НАТО «ничего не сделало для того, чтобы наладить механизмы контроля, которые позволили бы ограничить произвол турецких вооруженных сил», чьи представители часто входят в командные структуры НАТО, — продолжает Хьюман Райтс Уотч.

В то время как большинство других поставщиков оружия пытались изображать хотя бы слабый протест (вводя временные запреты на поставки и пр.), Вашингтон неумолимо следует «нашим ценностям», как интерпретирует ситуацию его политическое руководство, продолжающее хранить молчание и поддерживать Турцию.

Как и в других случаях, упреки в «двойном стандарте» здесь некорректны: «наши ценности» насаждаются без малейших признаков непоследовательности.

По сообщению Тирмана, Турция высоко оценила позицию Вашингтона. «Нам не приходится жаловаться на администрацию Клинтона», — комментировало одно высокое должностное лицо, — «в северном Ираке, в НАТО, Боснии, в экономике и торговле — она всегда поступает правильно, всегда приходит на помощь. [Помощник госсекретаря Ричард] Холбрук и [посол Марк] Гроссман действуют просто блестяще». Один дипломат из американского посольства превозносил военную поддержку, оказываемую США Турции, как «стимулы», которые помогут ей стать «страной, поддерживающей наши ценности» или, вернее сказать, последовать примеру индонезийского президента Сухарто — «своего парня», каковым

выставляла его администрация Клинтона до тех пор, пока он не начал делать ошибки (утратил контроль над своими людьми и не проявил достаточной воли, чтобы навязать населению жесткие условия МВФ). «С нашей стороны было бы несправедливо принуждать Турцию к тому, чтобы она не просто была демократической страной, но и признавала права человека, и при этом не помогать турецким властям справиться с терроризмом непосредственно на их территории», — добавляет к этому вице-президент Эл Гор, оправдывая таким образом колоссальные поставки оружия, предназначенного для внутренних репрессий и этнических чисток³⁹.

Тирман отмечает, что о «бушующей» войне Турции против курдов «совершенно ничего не знали многие американцы», которые фактически оплачивали ее. По наблюдениям других авторов, «изуверская тактика выжженной земли... с вырубанием лесов и сожжением деревень, осуществлялась при незначительном внимании со стороны прессы, минимуме общественных дебатов и без всякого осуждения представителями Объединенных Наций» (Мак-Кирнан). Таково обычное положение вещей, и вполне очевидно, кому оно выгодно.

Нельзя сказать, что обращение Турции со своим курдским населением вовсе не удостоилось внимания прессы, хотя неприятные факты, способные омрачить всеобщий восторг перед доктриной «нового гуманизма», при этом были опущены. Поводом для ряда публикаций послужило судебное разбирательство (если в данном случае уместно такое определение), связанное с похищением Оджалана, совершенным турецкими силами в Кении, безусловно, при соучастии США⁴⁰. Корреспондент «Нью-Йорк Таймс» Стивен Кинзер писал, что большинство из 10 миллионов турецких курдов «происходит из юго-восточных областей, где последние пятнадцать лет царило насилие. Одни говорят, что их угнетают турецкие власти, но правительство настаивает на том, что курдам предоставлены равные права со всеми другими гражданами». «От курдов, представителей особой этнической группы Турции и соседних с ней стран, уже давно поступали жалобы на государственное притеснение их языка и культуры. Курдские партизаны пятнадцать лет вели войну с турецким правительством: по различным оценкам, эта борьба унесла более 30 000 жизней и стоила Анкаре 100 миллиардов долларов». Главная мысль сообщений Кинзера о захвате Оджалана, которые публиковались несколькими месяцами ранее и включали в себя сноски с указаниями на некоторые факты, сводилась к тому, что все это явилось «для несчастных курдов одной из величайших трагедий нового времени», вероятно, сравнимой с «белым геноцидом» времен правления Клинтона или газовыми атаками на курдов, предпринимавшимися Саддамом Хуссейном⁴¹.

Думается, вряд ли кто рискнет упрекнуть Кинзера во лжи. Точно так же не назовешь лживым и сообщение из Косова, авторы которого удовольствовались бы замечаниями о том, что многие представители албанского меньшинства Сербии «происходят из Косова, где последние восемь лет царило насилие. Албанцы говорят, что их подавляет правительство сербов, но сербские власти настаивают на том, что албанскому меньшинству предоставлены равные права со всеми другими гражданами. От албанцев, представителей особой этнической группы ФРЮ и соседних с ней стран, уже давно поступали жалобы на чинимые властями притеснения их языка и культуры. Албанские партизаны восемь лет вели войну с сербским правительством: по различным оценкам, эта борьба унесла более X жизней и стоила Белграду Y долларов». (Можно подставить различные цифры на место X и Y, в

зависимости от даты подобного сообщения.) Все сказанное здесь верно, но это далеко не полная картина. Впрочем, и само сравнение Турции с Косовом не совсем точно. Репрессии и жестокости, совершавшиеся при поддержке США в Турции, на самом деле были куда более продолжительными, и тот факт, что в 1990-х годах они достигли апогея, здесь не приходится увязывать с угрозой предстоящего вторжения ведущей мировой военной державы или уже состоявшимися бомбардировками.

Как ранее отмечалось, вместе с информацией о косовском мирном соглашении в «Таймс» была опубликована и заметка о том, что «самый известный правозащитник Турции [Акин Бирдал] был заключен в тюрьму», поскольку он «вынудил государство достичь мирного урегулирования с курдскими повстанцами», как семь лет назад уже предлагали представители РКК, но их предложение было отклонено Анкарой и Вашингтоном, которые предпочли этнические чистки, государственный террор и массовые пытки. Человеческий разум не в силах постигнуть почему, когда Бирдал начал отбывать наказание, турецкий парламент «большинством голосов утвердил новое правительство, которое обязалось разгромить курдских партизан, сражающихся за свою родину на юго-востоке Турции». Новое правительство обещало «не оставить и следа от курдских повстанцев и исключало всякую возможность переговоров с их лидером Абдуллой Оджаланом, несмотря на его многократные попытки заключить мир с властями», предпринимавшиеся в период суда над ним; в действительности они предпринимались Оджаланом еще с 1992 года. Таким образом, новое правительство не смогло осуществить «надежды друзей Турции», выражаемые национальной прессой. За день до того, как новое правительство было утверждено, прокуроры просили суд «приговорить Оджалана к смертной казни за руководство Курдской Рабочей Партией в ее пятнадцатилетней войне за автономию курдов на юго-востоке Турции», — что могло только подорвать последние надежды на мирное урегулирование и создать условия для дальнейшего усугубления трагедии⁴². Авторитетные печатные органы также в основном избегали данной темы, особенно в период всеобщего возмущения по поводу сербского дьявола, чьи действия «абсолютно сопоставимы с насильственной депортацией целых этнических групп во времена Сталина и Гитлера» (это лишь одно из многих таких сравнений, его автор — Тимоти Гартон Эш из «Нью-Йорк Ревью»)⁴³. Подобно другим комментаторам, которые пытались всерьез подойти к вопросу, Гартон Эш признает, что реанимация сербами методов Гитлера и Сталина «приняла поистине драматические масштабы вскоре после начала воздушных атак». Можно ли было это предвидеть? Поразмыслив, он приходит к выводу, что эти последствия могли быть очевидными «для политиков бывшей Югославии и других нецивилизованных государств», но «не для нас, живущих в нормальном мире». Наш «нормальный мир» до сих пор не понял, что дьявол уже бродит по свету, хотя начиная с марта 1999 года мы «усвоили или освежили в своей памяти, несколько глубоко отрезвляющих уроков относительно человеческой способности ко злу» и даже «о Соединенных Штатах Америки», которые радикально нарушили защищаемые ими ценности своей приверженностью косовской «войне без потерь».

Говоря словами Оруэлла, как-то «неприлично упоминать», что «нормальный мир» не просто беспечно уживается с потрясающим масштабом жестокостей, но и активно выступает в роли их инициатора и проводника, оказывает решающую поддержку и рукоплещет им, подчас переживая настоящую эйфорию⁴⁴, — и так повсюду: от Юго-Восточной и Западной Азии до Центральной Америки и Турции, не говоря уже обо всем, что относится к более ранней

истории. Подобные досадные недоразумения не порочат образа нормального мира с его «ореолом святости», хотя, даже находясь на такой «благородной фазе» развития, мы должны признавать собственные грехи: настаивать на косовской «войне без потерь» было преступлением, которое не прикроешь фиговым листком «сознательного игнорирования».

Достижения достойны восхищения. Обратимся к другим современным образчикам жанра, которые, разумеется, имеют долгую и поучительную историю не только в контексте англо-американской культуры.

«Нью-Йорк Ревью» была, однако, непохожа на саму себя и, наверное, вообще уникальна в том, как она пыталась прервать поток искренних упреков в адрес Сербии, уподобляемой режимам Гитлера и Сталина, в статье под названием «Справедливость и курды», которая одновременно являлась обзором книги, охарактеризованной как «самое серьезное и убедительное исследование курдского вопроса в Турции на сегодняшний день»⁴⁵. Каковы бы ни были достоинства анализируемого произведения, похвала в его адрес может быть безосновательной уже потому, что данное исследование явно и намеренно обходит тему «справедливости и курдов». Как подчеркивается в самых первых предложениях книги, оно посвящено совершенно другим вопросам, а именно, вопросам о необходимых мерах, которые стоят перед «турецкими политиками и турецким обществом, а также друзьями и союзниками Турции». Это «политологическое исследование», инспирированное заинтересованностью относительно «будущей стабильности и благополучия Турции как ключевого партнера Америки» и «способности [властей] находить удовлетворительные решения изматывающей турецкой проблемы». В самом начале своего исследования авторы подчеркнули, что оно не будет касаться «прав человека в Турции», о которых они упоминают лишь мимоходом, в отдельных фразах. В подстрочных комментариях можно встретить цитаты из отчетов Хьюман Райтс Уотч примерно такого порядка: мы не можем сказать, что «армия непричастна к нарушениям прав человека». Политика властей на юго-востоке удостоивается лишь нескольких предложений, содержащих главным образом критику ее тактических аспектов. В аннотации же книги политика Турции в отношении курдов затрагивается в стиле «похвал сквозь зубы», который резко контрастирует с потоком негодования по поводу нынешнего официального врага (Сербии).

Во всей публикуемой литературе, а также, как я полагаю, на телевидении и радио весьма заметно несоответствие в освещении событий и интересе к ним, с одной стороны, и реальным положением вещей, с другой, — даже если на мгновение забыть о тех моральных трюизмах, которые предписывали бы обозревателям принять противоположный уклон. Как со скучным постоянством свидетельствуют различные материалы, степень верности их авторов данной модели является поистине впечатляющей для свободных обществ, в рамках которых едва ли возможны какие-то суровые наказания за приверженность прописным истинам нравственности.

Пример с США и Турцией вновь иллюстрирует рассмотренный выше «первый выбор» — содействовать эскалации жестокостей, в данном случае в массовом масштабе, и можно быть абсолютно уверенными, что если даже цивилизованные государства продолжат эскалацию жестокостей на Балканах, начав, как в Колумбии и, вероятно, доведя ее до такого же уровня, как в данном внутринатовском примере, то никаких досадных, ненужных вопросов

это не вызовет. Хотя жестокости, творимые на Балканах, вполне укладываются в назначенные временные рамки и, конечно, продолжают происходить прямо сейчас, они не имеют отношения к принципам «нового гуманизма», согласно которым, «если этнические конфликты перерастают в этническую чистку — а разницу между этими понятиями мы способны почувствовать, — то мы должны пытаться что-то делать». «Косово — явно такой случай», как объявил Клинтон, когда отдал приказ о бомбежке, но само НАТО — явно не такой случай, поскольку в его рамках куда более дикие этнические чистки принято только усугублять.

Презрение США и Великобритании к правам курдов имеет долгую и печально известную историю, в которую входит пресловутая сдача курдов на произвол иракского террора в 1975 году (иллюстрирующая замечание Киссинджера о том, что «обращение в веру не следует смешивать с миссионерской работой»), и затем вновь в 1988-м, когда на то, что Саддам травит курдов газом, США и Великобритания отреагировали усиленным оказанием военной и иной помощи своему другу и союзнику; особенно большое значение имели поставки американского продовольствия, — не только потому, что это был, по сути, подарок налогоплательщиков США аграрному бизнесу, но и потому, что саддамовские акции террора привели к разрушению многих пищевых производств Ирака⁴⁶.

В случае с Великобританией эта история еще длиннее. Здесь многое объясняет тот факт, что после Первой мировой войны британская корона была более неспособна контролировать всю империю с помощью только наземных сил и обратилась к новому оружию военно-воздушных сил и отравляющим веществам; последние были любимым средством Уинстона Черчилля в борьбе против «нецивилизованных племен» и «непокорных арабов» (курдов и афганцев). Возможно, именно эти непримиримые элементы и имел в виду знаменитый государственный деятель Ллойд Джордж, когда он, приветствуя успех Британии, заблокировавшей международный договор, целью которого являлось запрещение бомбардировок гражданского населения, «настаивал на сохранении [за Британией] права бомбить черномазых».

Хотя все это, вероятно, должно относиться к разряду того, о чем «упоминать неприлично», не всякому удастся соблюсти подобную осторожность, всегда кто-нибудь случайно отклонится от этого правила. Так, Уильям Уолдергрейв, ответственный за инициативу «открытого правительства» премьер-министра Джона Мэйджора, приказал изъять из Паблик Рекорд Оффис «материалы, содержащие подробности о том, как британские войска в 1919 году применяли ядовитый газ против иракских диссидентов (включая курдов)». Эта «по-детски нелепая попытка исправить постыдное прошлое» соответствовала той же модели, что и действия реакционеров-статистиков администрации Рейгана, чье пылкое стремление защитить государственную власть от испытующих взглядов общественности дошло до таких крайностей, что историки Государственного Департамента в знак публичного протеста ушли в отставку⁴⁷.

Давайте обратимся к одной из последних иллюстраций практики «нового гуманизма», не выходящей за определенные нами временные границы (1990-е гг.), этот случай, оказывается, имеет прямые последствия и для ситуации на Балканах.

Каждый год тысячи людей, в основном, дети, а также беднейшие крестьяне погибают на Равнине Кувшинов в Северном Лаосе: это место становится мишенью самых массированных бомбардировок гражданского населения в истории человечества, и, бесспорно, самых неистовых и жестоких, яростные атаки Вашингтона на бедные крестьянские общины имеют отдаленное отношение к его войнам в регионе. Нынешние тяжелые времена наступили после 1968 года, когда Вашингтон (под давлением общественности и деловых кругов) был вынужден пойти на соблюдение договоренностей об урегулировании и, таким образом, объявить передышку в регулярных бомбардировках Северного Вьетнама, превративших большую часть его территории в груды Руин. Лишившись этих целей, самолеты переключились на бомбардировку Лаоса и Камбоджи, со всеми вытекающими отсюда и хорошо известными последствиями.

Смерть сеют в этом регионе так называемые «бомбочки» — кассетные бомбы, крохотное противопехотное осколочное оружие, которое гораздо хуже фугасов: они задуманы специально для того, чтобы убивать и калечить, при этом не нанося ущерба грузовикам и строениям. «Бомбочки» — это действующее снаряжение, которое пакуется в кассетные бомбы и размером меньше сжатого кулака⁴⁸. Равнина была напичкана сотнями миллионов этих варварских устройств, коэффициент несрабатывания которых, если верить фирме-производителю «Хонейуэлл» (ныне «бомбочками» занимается ее филиал «Эллаент Тексистемс»), составлял от 20 до 30 процентов. Эти цифры указывают либо на чрезвычайно слабый контроль качества, либо на продуманную политику убийств гражданского населения посредством оружия с таким «отложенным» действием. Такие «бомбочки» составляли лишь часть применявшейся технологии убийства, в которую входили и новейшие боеприпасы, используемые для поражения людей в пещерах, где искали убежища целые семьи, один такой снаряд способен уничтожить сотни людей. Ныне от «бомбочек» ежегодно страдает, по разным оценкам, от нескольких сотен до «годовых общенациональных коэффициентов пострадавших от несчастных случаев, оцениваемых в 20 000 человек»; более половины случаев — смертельные, как сообщает ветеран азиатской редакции «Уолл Стрит Джорнал», корреспондент Барри Уэйн в азиатском выпуске газеты⁴⁹.

Итак, по самым сдержанным оценкам, каждый год этого кризиса по человеческим жертвам сопоставим с тем годом в Косове, который предшествовал бомбардировкам НАТО, хотя в Лаосе, как и в Колумбии, такие цифры каждый год, а больше половины погибших составляют дети, что явствует из исследовательского отчета Центрального Комитета двеннонитов, который работал в Северном Лаосе с 1977 года, стараясь как-то умерить непрерывные, жестокости.

Некоторые попытки публично констатировать гуманитарную катастрофу и справиться с ней все-таки предпринимались. Британская «Майне Эдвайзори Груп» (группа экспертов-саперов МЭГ) пыталась заняться изъятием смертоносных объектов, но США «откровенно сторонится горстки западных организаций, вставших на сторону МЭГ», сообщает британская пресса, хотя в конце концов они согласились взять на себя соответствующее обучение нескольких лаосских гражданских лиц. Британская пресса также с некоторой досадой сообщает о заявлении специалистов МЭГ, будто США отказываются снабдить их «методиками, позволяющими снизить возможный ущерб от этой работы», благодаря которым ее можно было бы провести «гораздо быстрее и значительно безопаснее». Эти методики остаются в

числе государственных тайн, как и все, что разрабатывается в Соединенных Штатах Америки. По сообщениям бангкокской прессы, то же самое происходит в Камбодже, особенно в Восточном регионе, где самые интенсивные бомбардировки США вели с начала 1969 года⁵⁰.

В редкой для американской прессы публикации под заголовком «США очищает Лаос от неразорвавшихся мин» с гордостью сообщается о том, что «стриженные американские офицеры обучают лаосцев в рамках международной программы по удалению сотен, если не тысяч неразорвавшихся орудий, представляющих угрозу для лаосских крестьян». Даже закрыв глаза на несколько упущений, сделанных авторами статьи, мы должны констатировать, что в действительности все обстоит немного иначе: только на трети гектара школьного двора экспертами МЭГ было обнаружено целых 700 «бомбочек», а, как уже отмечалось, основными жертвами этого оружия являются дети. На первой странице того же самого ежедневного общенационального издания опубликовано сообщение под названием «Одиночка открывает кампанию обезвреживания мин», воздающее хвалу японскому предпринимателю, фирма которого создает технологию по удалению фугасов, применявшихся советскими войсками в Афганистане⁵¹.

В случае с Лаосом, как и с Восточным Тимором, Вашингтон сегодня выбирает уже известный нам второй вариант: ничегонеделание. Учитывая масштабность роли, которую Соединенные Штаты играют в мире, можно сказать, что здесь их безразличие еще более пагубно, чем в ситуации с Восточным Тимором. Реакция на это средств массовой информации и комментаторов событий ограничивается молчанием, как того и диктуют нормы, в рамках которых действия против Лаоса были заявлены как «тайная война»: на самом деле ясная как божий день, но просто замалчиваемая, подобно бомбардировкам Камбоджи, проходившим с марта 1969 года. Тогда уровень самоцензуры был просто фантастическим, как и при текущих событиях. Эти события, а также прошлая и нынешняя реакция на них весьма красноречиво свидетельствуют о сути «нового гуманизма» и того «нормального мира», в котором нам так комфортно живется.

К апрелю 1999 года американские корреспонденты в Косове непосредственно с места событий сообщали о том, что НАТО применяет кассетные бомбы, превращая «части края в безжизненную пустыню», «напичканную» неразорвавшимися бомбочками; как уже отмечалось, кассетные бомбы использовались и с целью массового убийства сербских солдат, которых предварительно выманили из укрытий атаками на границы защищаемых ими территорий. Как в Лаосе и везде, где применялось и применяется это оружие, оно причиняет «ужасные ранения»: только в госпитале Приштины от них лечится несколько сотен человек, почти половина жертв — гражданские лица, в том числе убитые и раненые албанские дети, и, в основном, все это пострадавшие от кассетных бомб с отложенным действием, призванных убивать и калечить без всякого предупреждения⁵².

Правдоподобные сообщения об использовании кассетных бомб попали в поле зрения Британской кампании за прозрачную и поддающуюся учету торговлю оружием, организации, которая выступила с обвинением Тони Блэра, Робина Кука и министра обороны Джорджа Робертсона в «преступной небрежности» в связи с развертыванием и применением этого оружия массового террора и в очевидном Нарушении оттавской «Конвенции о запрещении использования, накопления, производства и перевозки

противопехотных мин и об их уничтожении», а также британского законодательства, которое приводит закон этой страны в соответствие с Международной конвенцией. США нельзя адресовать подобные обвинения, поскольку они отказались подписать оттавскую конвенцию, чем подтвердили свою обычную позицию по отношению к конвенциям о правах человека и международным законам в целом⁵³.

Согласно косовским мирным соглашениям, сербские вооруженные силы должны обезвредить минные поля; помимо ограниченного патрулирования границ, им дозволяется проникать в Косово только для этой цели. Совершенно логично, что от них требуется удалить те мины, которые они заложили, готовясь к натовскому вторжению, — то есть то, что, безусловно, создает серьезную опасность для мирного населения. Как справедливо заявил военный представитель НАТО полковник Конрад Фрейтаг, «сербские силы были ответственны за минирование, пусть они будут ответственными и за разминирование»⁵⁴.

Что касается идеи о том, что сами США, наверное, тоже несут некоторую ответственность за расчистку смертоносных осколков их собственных многочисленных и позорных преступлений, или хотя бы за предоставление информации, которая позволила бы сделать это другим, не рискуя разделить судьбу тысяч, кто гибнет от мин каждый год и прямо сейчас, то она слишком экстравагантна, чтобы ее рассматривать, судя по нулевой реакции.

Президент Клинтон объяснил нации, что «бывают времена, когда мы просто не можем позволить себе отворачиваться от проблем»; «мы не можем реагировать на каждую трагедию, происходящую в любом уголке света», но это не означает, что «мы никому и ничем не должны помогать»⁵⁵.

Позиция Клинтона имеет свое оправдание. Даже ангел во плоти не мог бы уделить внимание каждой проблеме в мире, и даже государство «святое Папы Римского» (наверное, оно хотело бы называться «государством нравственным», если такое вообще можно себе представить) вынуждено думать и выбирать. Но президент и многочисленные комментаторы, озвучивающие его позицию, не удосуживаются добавить, что эти «времена» имеют очень точное определение. Данный принцип прилагается к «гуманитарным кризисам» в весьма конкретном смысле слова, то есть там, где опасность грозит интересам сильных мира сего. Примеры, которые мы рассмотрели, соответственно, не относятся к разряду «гуманитарных кризисов», поэтому «отворачиваться» и «не реагировать» здесь является сознательным, если не единственно необходимым выбором. На тех же основаниях можно считать легитимной и политику Клинтона в отношении Африки — политику, в понимании западных дипломатов, состоящую в том, чтобы «предоставить Африке самой справляться с собственными кризисами». Например, в Республике Конго, арене большой войны и колоссальных жестокостей. Здесь Клинтон отклонил просьбу ООН выделить очень незначительную сумму на обеспечение батальона миротворческих сил; согласно старшему эмиссару ООН в Африке, почтенному дипломату Мохаммеду Сахуну, этот отказ «торпедировал» предложение ООН. В случае со Сьерра-Леоне в 1977 году, «Вашингтон затягивал обсуждение британского предложения о развертывании корпуса миротворцев», тем самым открывая дорогу другому крупному бедствию, впрочем, тоже из разряда тех, в отношении которых предпочтительнее «отворачиваться». Да и во всех других случаях «Соединенные Штаты, по словам дипломатов от Европы и ООН, активно препятствовали

усилиям Объединенных Наций по организации миротворческих операций, которые могли бы предотвратить некоторые из африканских войн», — сообщал корреспондент Колум Ланч в тот период, когда планы бомбардировок Сербии были готовы воплотиться в реальность⁵⁶.

Банальный рефрен о том, что «мы не можем реагировать на каждую трагедию, происходящую в любом уголке света», есть не более чем трусливая отговорка. То же самое относится к шаблонным реакциям на случайные нетактичные замечания о том, что преступления Милошевича в Косове — в современном мире далеко не единственные: даже если мы «игнорируем вполне сопоставимые с ними зверства, происходящие в Африке и Азии», на этот раз мы тем не менее делаем правильный шаг, применяя силу в ответ «на тяжесть положения косоваров», и за это нам следует аплодировать⁵⁷. Оставив в стороне то обстоятельство, что положение косоваров все-таки в значительной степени принято считать результатом такого ответа, на наш взгляд, не совсем справедливо и то, что цивилизованные государства всего лишь «игнорируют зверства, сопоставимые с косовскими», напротив, они, как правило, вмешиваются в такие события, способствуя их эскалации, либо оказываются их инициаторами и руководителями, и особенно впечатляет то, как они делают это в доступных для нашего обозрения временных границах (1990-х) и прямо внутри самого НАТО — взять хотя бы один из рассмотренных здесь примеров, игнорировать который стоило бы цивилизованным государствам самых больших усилий.

Я опущу другие примеры первого и второго выбора, которых превеликое множество, а также примеры жестокостей иного масштаба, творимых в современную эпоху, таких как уничтожение мирного иракского населения посредством самого коварного вида биологической войны, ибо только так и можно назвать необратимое разрушение систем водоснабжения и канализации, электрической и иной инфраструктуры, дополняемое невозможностью доставить медикаменты. Новые гуманисты не проигнорировали моральных проблем, которые встают перед ними. Это был «очень тяжелый выбор», — вещала по национальному телевидению в 1996 году Мадлен Олбрайт, отвечая на вопрос о том, как она относится к тому, что за пять лет было убито полмиллиона иракских детей, — «но если говорить о цене, мы думаем, что дело того стоило». И три года спустя эти моральные критерии нисколько не изменялись, хотя потери среди мирного населения все возрастают, и мы в который раз, с новым пылом, предаемся вере в «идею, отстаиваемую государственным секретарем Мадлен К. Олбрайт, о том, что защита прав человека является своего рода миссией»⁵⁸.

По сегодняшним оценкам, в Ираке по-прежнему погибает около четырех тысяч детей в месяц. Эмбарго — дело прежде всего США и Великобритании — только упрочило власть Саддама Хуссейна, разорив при этом гражданское общество. Согласно почтенному дипломату ООН Денису Холлидею, который, вероятно, знает Ирак лучше, чем кто-либо на Западе, и демонстративно подал в отставку с поста координатора гуманитарной помощи в Багдаде в знак протеста против политики, которую он считает «геноцидом», цена этих мер не сводится к огромным физическим потерям, болезням и социальной дезинтеграции: «молодое поколение иракских профессионалов, политических лидеров будущего — разочарованных, озлобленных, расколотых, оказавшихся в опасном отчуждении от всего остального мира, — мужает в обстановке, которая мало чем отличается от атмосферы Германии после подписания Версальского договора», и многие из них уже «находят

нынешнее руководство и продолжение его диалога и поиски компромисса с ООН неприемлемым, слишком „умеренным“». Холидей предупреждает о том, что дополнением к сегодняшним смертям и отчаянию могут стать «долгосрочные социальные и политические последствия данных санкций»⁵⁹.

Как считают два весьма прозорливых военных аналитика, «вполне возможно, что экономические санкции явились необходимой (вот как! — Н. Х.) причиной больших людских потерь в Ираке, чем все вместе взятые потери в его истории, вызванные применениями так называемого оружия массового поражения». Находясь в Багдаде, Дэвид Шоррок наблюдал «последствия чудовищного социального эксперимента над народом Ирака», который проводит Запад, не без оснований предполагая, что подобная модель избрана «нормальным миром» и для Сербии⁶⁰.

Мы можем припомнить, что в отличие от «сознательного игнорирования» такова стандартная методика поведения цивилизованных государств в тех случаях, когда кто-то отступает от предначертанной ими линии, — как это сделал в августе 1990-го Саддам Хуссейн, который быстро превратился из любимого друга в сущего дьявола, как только решился совершить преступления, бывшие хоть и весьма скверными, но отнюдь не новыми (больше всего администрация Буша боялась того, что, если не сорвать переговоры, то он может повторить то, что сами США только что проделали в Панаме) и даже не слишком смелыми по его диким стандартам, прежде не создававшим никаких серьезных проблем для цивилизованных государств. Или возьмем Никарагуа: двадцать лет назад и эта страна не внушала беспокойства «нормальному миру», пока обеспеченная и обученная американцами армия Сомосы убивала десятки тысяч людей, но затем она преступно ослушалась сверхдержаву и в наказание очутилась на втором месте в списке беднейших стран полушария (после Гаити). Или, к примеру, Куба, в течение сорока лет переживавшая террор и беспрецедентную экономическую войну в условиях санкций на поставки даже продуктов и медикаментов, что особенно эффективно, причем санкции эти были вызваны не преступлениями Кастро, а, как мы узнаем от интеллектуалов из круга Кеннеди, озабоченностью цивилизованных государств «распространением идеи Кастро, что собственные дела следует решать самим», что является серьезной проблемой для всей Латинской Америки, где «распределение земель и других форм национальной собственности осуществляется с величайшей выгодой для имущих классов, [а] бедные и непривилегированные, вдохновленные примером кубинской революции, сегодня требуют приличных условий жизни и для себя»⁶¹.

Об этих и многих других примерах нам, наверное, следует помнить всякий раз, когда мы читаем восторженные отклики о том, что «нравственный компас» администрации Клинтона наконец-то сработал правильно, и это случилось в Косове⁶².

Нам могут возразить, заметив, что выбор фактов несправедлив и не учитывает тех случаев, которые обычно приводятся в качестве хороших примеров «нового гуманизма»: Сомали и Гаити. Подобные заявления оправданы, но имеют и слабую сторону: беглый взгляд на эти случаи позволяет понять, что в действительности все куда грязнее и непригляднее.

Нет никакого сомнения в том, что Вашингтон сыграл основную роль в сомалийской трагедии 90-х, а затем устранился, выжидая, пока конфликт пойдет на убыль и можно будет беспрепятственно распределять гуманитарную помощь. То, что американская интервенция в декабре 1992 года была эффектной пиаровской акцией, признавалось даже обычно поддерживающими Вашингтон средствами массовой информации, которые иронизировали по поводу «голливудского качества вторжения», описывая его как «витрину» военного бюджета, «своевременно нащупанную золотую жилу для паблик рилэйшнз». По выражению Колина Пауэлла, главы Объединенного комитета начальников штабов, это была «оплаченная политическая реклама» планов интервенционистских сил. Но вскоре ситуация начала приобретать зловещий характер, и главным образом благодаря военной доктрине Соединенных Штатов, которая требует массированного применения силы всякий раз, когда под угрозой оказываются солдаты американской армии⁶³.

В октябре 1993-го «преступная некомпетентность вооруженных сил США привела к тому, что от американского оружия погибло более 1000 сомалийцев», как позднее сообщалось в прессе. По официальным оценкам, только летом 1993 года жертвами американского вторжения стали от 6 до 10 тысяч сомалийцев, две трети из которых составляли дети и женщины. Эти цифры весьма приблизительны: как отмечалось в одном сообщении, «репортеры, как правило, не затрудняли себя сбором данных о жертвах среди мирного населения в Сомали»⁶⁴.

Последние подразделения военно-морских сил США оставили Сомали после шквала орудийного огня, по словам корреспондента «Лос-Анджелес Таймс» Джона Бальзара, в сто раз превышавшего силу предыдущих атак. Американское командование не считало случайные жертвы среди сомалийцев, сообщает Бальзар, и, конечно, не учитывало убитых по причине того, что военным «просто показалось, будто они представляют угрозу». Генерал-лейтенант ВМС Энтони Зинни, который командовал операцией, заявил представителям прессы: «Я не считаю трупы... Мне это неинтересно». «Представители ЦРУ в частном порядке признают, что вооруженные силы США, вероятно, убили от 7 до 10 тысяч сомалийцев, при этом потеряв тридцать четыре своих солдата», как мимоходом замечает редактор «Форин Полней» Чарльз Уильям Мэйнз. Когда в декабре 1998 года Зинни командовал бомбардировкой Ирака, в «Нью-Йорк Таймс» был помещен краткий очерк его биографии, где подчеркивалось сильное увлечение Зинни историей и культурой разных народов, которое якобы обусловило его «сочувствие арабским ценностям»⁶⁵.

Количество жизней, спасенных в результате «гуманитарной интервенции», оценивается Американской группой помощи беженцам в 10–25 тысяч, но и эти не столь высокие цифры могут оказаться преувеличенными. Алекс де Вааль из «Африкан Райтс» считает, что большинство смертей было вызвано малярией и отсутствием какой-либо программы борьбы с ней. Де Вааль является ведущим специалистом по проблемам голода и помощи голодающим, причем особенно в данном регионе. Преступления американских военных заключались, в частности, в целенаправленных атаках на больницы и прочие скопления гражданского населения. Другие западные армии также были замешаны в серьезных преступлениях. Некоторые из них удалось раскрыть в рамках расследования, проводимого по инициативе правительства Канады, официальными организациями США или других западных стран оно не дублировалось⁶⁶.

Средства массовой информации, как правило, воспроизводят картину, описанную в самом начале нового года в «Вашингтон Пост»: войска США «были первопроходцами» в операции ООН, но «спасение тысяч сомалийских жизней омрачила гибель восемнадцати американских солдат», и это несчастье привело к «отзыву миссии ООН» из Сомали. Тысячи загубленных сомалийских жизней редко появлялись на экранах радаров, и о них никто не упоминает⁶⁷.

В Гаити первые свободные выборы были проведены в декабре 1989 года, они происходили в разоренной стране, где США правило после кровопролитного вторжения Вудро Вильсона⁶⁸. Ко всеобщему удивлению, двумя третями голосов был избран священник-популист Жан-Бертран Аристид, опирающийся на мощное движение широких масс, которое ранее не принимали в расчет. Напуганный поражением собственного кандидата, получившего лишь 14% голосов, Вашингтон сразу же предпринял шаги по подрыву первой демократической власти в Гаити. Когда через семь месяцев она была свергнута, и ей на смену пришел кровавый военный режим, Вашингтон стал поддерживать с новыми правителями тесные связи в военной области и разведке, тем самым нарушая эмбарго, объявленное Организацией американских государств, и даже давать добро на нелегальные поставки нефти новому гаитянскому режиму и его богатым покровителям.

По истечении трех лет террора США вторглись в страну с целью «восстановления демократии», но на том условии, что правительство Аристида примет американскую программу, решительно отвергнутую им во время единственных свободных выборов. Теперь Вашингтон навязывал крайне грубую версию своих неолиберальных мер. Одним из следствий этого стало падение производства риса — основного продукта, в поставках которого извне Гаити никогда не нуждалось. В рамках навязанных США реформ гаитянским крестьянам было отказано в тарифной защите, вследствие чего они должны были свободно конкурировать с сельскохозяйственным бизнесом Соединенных Штатов, 40% прибыли которого связано с правительственными субсидиями, резко увеличившимися при Рейгане. Сознывая, что может быть уготовано стране в результате подобных мер, авторы отчета USAID (Американского Агентства по международному развитию) за 1995 год отмечали, что «торговля, зависимая от экспорта, и политика инвестиций», санкционированные Вашингтоном, «безжалостно теснят местного производителя риса», который будет вынужден обратиться к экспортной сельскохозяйственной продукции в соответствии с принципами теории разумных ожиданий и к «нечаянной» выгоде американского сельскохозяйственного бизнеса и инвесторов. Совсем недавно таким же образом было разрушено одно из немногих надежных предприятий этой несчастной страны, производство куриного мяса. У американских производителей есть большие излишки темного мяса, которые теперь «наводняют Гаити», вынуждая в рамках навязанной США неолиберальной программы свести тарифную защиту почти к нулю, в отличие от Канады и Мексики, которые обложили импортируемую продукцию более чем 200% пошлиной, чтобы тем самым препятствовать демпинговой политике со стороны США⁶⁹.

В принципе и Гаити могло прибегнуть к антидемпинговым мерам, в порядке возмездия закрыв свои рынки для американских экспортеров и тем самым последовав обычной практике Вашингтона, нацеленной на защиту отечественных производителей. Двусмысленная рыночная теория, которая владела умами в течение сотен лет (нам — заботливое государство, вам — жесткие правила рынка) во всем своем уродстве

проявляется в действиях богатейшей страны мира, направленных на разрушение и без того доведенного до первобытного состояния уголка земли, который уже очень скоро может стать непригодным для жизни.

Согласно Хьюман Райтс Уотч и аналитикам, мнения которых цитируются Советом по внешней политике в Западном полушарии, американские войска изъяли 160 000 страниц документов, относящихся к режиму диктатуры и его военизированным формированиям, и они до сих пор скрываются от гаитянского руководства, кроме тех отредактированных версий, из которых вымараны имена конкретных американских граждан, «чтобы избежать постыдных разоблачений», касающихся участия правительства США в становлении террористического режима и попытках подорвать программы, осуществлявшиеся во время короткой демократической передышки. Администрация Клинтона отозвала свои вооруженные силы в 1996 году, после того как заместитель госсекретаря Струоб Тэлбот, ныне отличившийся на Балканах, заверил Конгресс в том, что «мы будем сохранять контроль над ситуацией с помощью USAID и частного сектора»⁷⁰.

Вероятно, следует вспомнить и то, что Гаити когда-то было одной из самых изобильных колоний мира и источником изрядной доли богатства Франции, стоящим в одном ряду с Бенгалией (ныне Бангладеш); подобные наблюдения могли бы навести нас на кое-какие мысли, будь мы достаточно свободными от плена «сознательного игнорирования». Весьма показательным, однако, является уже то обстоятельство, что Гаити считается хорошим примером, призванным демонстрировать искреннюю озабоченность Вашингтона ситуацией с правами человека, а в данном случае — достоинства его «гуманитарной интервенции».

Кроме того, Гаити позволяет нам глубже понять функциональное назначение статьи 14 Всеобщей Декларации прав человека, которая гарантирует политическим беженцам право убежища. Двадцать лет назад администрация Картера предприняла насильственное возвращение на милость диктатора Дювалье бежавших по морю в лодках людей. Это нарушение 14 статьи было формально ратифицировано договором между Рейганом и Дювалье. Во время короткого и ненавистного обеим сторонам демократического промежутка, когда создалась видимость прекращения террора и поток беженцев уменьшился до размеров тонкой струйки, воцарилась совершенно противоположная политика, и статья 14 снова оказалась в почете. Но как только в результате военного переворота террор возобновился, Вашингтон вернулся к своим «заслуживающим порицания, противозаконным и безответственным мерам в отношении беженцев» (Америкас Уотч). Эти меры решительно осудил кандидат в президенты Билл Клинтон, чьим первым действием на посту главы государства явилось их дальнейшее ужесточение. Верховный Суд утвердил решение о насильственном возврате гаитянских беженцев, очевидно, опираясь в своем толковании международного закона о беженцах на аргументы Швейцарии в пользу барьеров для еврейских эмигрантов, пытавшихся спастись от Холокоста. Так в 1998 году прокомментировал ситуацию главный редактор «Американ Джорнал оф Интернэйшнл Ло», делаясь своим наблюдением о «тревожно обострившемся» в последние десять лет упорстве Вашингтона в несоблюдении своих договорных обязательств, — даже более опасном, чем радикализм Рейгана, ставший своего рода новым шагом как в этом, так и в других аспектах⁷¹.

Короче говоря, «достойные всяческих похвал примеры» на поверку оказываются не самой мощной поддержкой для образа «нового гуманизма», хотя они проливают свет на ценности, которыми он руководствуется.

3.3. «Гуманитарная интервенция»

Теперь давайте обратимся к третьему варианту политики на случай гуманитарных кризисов: попытке смягчить катастрофу. Она может принимать форму мирных средств (дипломатии, конструктивной помощи) или включать в себя применение силы, то есть то, что называется «гуманитарной интервенцией».

Найти примеры, иллюстрирующие гуманитарную интервенцию, всегда очень просто, по крайней мере, если верить официальной риторике. В ее царстве почти универсальной истиной является положение о том, что применение силы диктуется гуманитарными намерениями. Однако мир за ее пределами выглядит немного иначе.

Здесь проблемы естественным образом возникли вместе с началом натовских бомбардировок. Существует режим, определенный международным законом и мировым порядком, созданный в основном Соединенными Штатами и обязательный для всех государств. Его основы были отражены в Хартии Объединенных Наций, затем в последующих резолюциях Генеральной Ассамблеи и решениях Международного Суда. Вкратце речь идет о запрете на угрозу силового вмешательства или его применение, кроме тех случаев, когда таковые недвусмысленно одобрены Советом Безопасности, предварительно установившим, что мирные средства исчерпали себя, или когда они предпринимаются в порядке самозащиты от «вооруженного нападения» (в узком смысле слова) и продолжаются до соответствующих действий Совета Безопасности (статья 51).

Конечно, здесь все далеко не просто. Так, взять хотя бы неувязку, если не прямое противоречие, между правилами мирового порядка, заложенными в Хартии, и правами, выраженными во Всеобщей Декларации — втором столпе мирового порядка, установленном по инициативе США после Второй мировой войны. Хартия запрещает применение силы, которое нарушает суверенитет государства; Всеобщая Декларация гарантирует права человеку в репрессивных государствах, хотя ни в Декларации, ни в резолюциях, привязывающих ее к реальности, не определен механизм принудительного воздействия на нарушителей прав. Проблема гуманитарного вмешательства связана именно с этой неувязкой. А не что иное, как право на гуманитарную интервенцию и было истребовано США и НАТО в отношении Косова при общей поддержке прессы и самых обширных комментариях разных экспертов.

Этот вопрос сразу же был поставлен в статье «Нью-Йорк Таймс», озаглавленной «Ученые-правоведы в данном случае одобряют применение силы»⁷². В качестве примера приводилось мнение Ал-лена Герсона, бывшего юрисконсульта американской миссии в ООН. Цитировались и слова еще двух ученых-юристов. Один из них, Тед Галлен Карпентер,

«насмехался над аргументами администрации» и отказывал ей в заявленном праве на вмешательство. Другой, Джек Голдсмит, специалист по международному праву в Чикагской школе права, говорит, что у критиков натовских бомбардировок «есть весьма веские аргументы», но «многие полагают, будто [исключения, допускающие гуманитарную интервенцию] все-таки существуют, и они определяются практикой и обычаями». Вот это обобщенное доказательство и лежит в основе того положительного вывода юристов, который отражен в заголовке материала. Больше вопрос об основаниях авторами практически не освещается, поскольку суждение, вынесенное в заголовок, таким образом считается доказанным.

Наблюдение Голдсмита весьма резонно, по крайней мере, мы можем согласиться с тем, что данные факты действительно говорят о «практике и обычае». При этом нам не стоит забывать еще одну прописную истину: право на гуманитарную интервенцию, если таковое существует, должно основываться на добросовестности тех, кто ее совершает, и свидетельствовать должна не риторика, а собственная история вторгающейся стороны. Это действительно прописная истина, по крайней мере, если судить по другим примерам. Взять, скажем, Иран, предлагавший вмешаться в ситуацию Боснии и предотвратить кровопролития в тот период, когда Запад был еще не готов сделать это. Его предложения были отвергнуты как несерьезные (точнее сказать, всецело проигнорированы), и это несмотря на то, что они действительно могли спасти мусульман от резни в Сребренице и других местах. Причиной такого ответа явилось если не нарушение Ираном субординации, то неверие в добросовестность иранцев, имеющее под собой законные основания: так, помимо вины в разных преступных акциях, Иран является одним из двух государств, отказавшихся выполнять решение Международного Суда. В связи с этим у мыслящего человека возникает ряд законных вопросов: а что, разве иранская история интервенций и террора хуже, чем таковая у Соединенных Штатов Америки — второй из двух стран, отказавшейся исполнять решение Международного Суда, и также виновной в разных других преступлениях?⁷³ И еще вопрос: во что, например, следует оценивать добросовестность единственной страны, не согласной с резолюцией Совета Безопасности, которая призывает все государства к соблюдению международных законов? И насколько безупречна ее собственная история? Не получив ответа на эти первостепенные вопросы, честный человек поневоле устранился от обсуждения проблем гуманитарной интервенции, поскольку оно будет целиком подчинено известной доктрине.

Было бы весьма полезно заняться исследованием того, а много ли авторов публикаций на эту тему — в прессе и прочих изданиях — отваживается на столь элементарные соображения.

Самое обширное из последних академических исследований «гуманитарной интервенции» было предпринято Шоном Мёрфи, профессором права из Университета Джорджа Вашингтона и бывшим советником по правовым вопросам американского посольства в Гааге. Оно охватывает два периода истории: после подписания в 1928 году пакта Келлога-Бриана об отказе от войны как орудия национальной политики и после принятия Хартии ООН, которая закрепляла и ясно формулировала его условия. На первой из этих стадий, пишет Мёрфи, самыми яркими примерами «гуманитарной интервенции» явились нападение Японии на Маньчжурию, вторжение Муссолини в Эфиопию и оккупация Гитлером части

Чехословакии; все они сопровождалось возвышенной гуманитарной риторикой и оправданиями, в основе которых лежали реальные факты. Япония собиралась создать в Маньчжурии «рай на земле», защищая ее жителей от «китайских бандитов» при поддержке ведущего китайского националиста, личность которого заслуживала куда больше доверия, чем любая из тех фигур, на которые могли уповать США, атакуя Южный Вьетнам. Муссолини, неся очередному народу цивилизующую миссию Запада, якобы избавлял от рабства тысячи людей. Гитлер объявил о намерениях Германии положить конец этническим трениям и насилию и способствовать «сохранению национальной индивидуальности немецкого и чешского народов» посредством операции, в основе которой лежит «искреннее желание служить реальным интересам народов, населяющих данную область», отвечающее их собственной воле. Словно узаконивая его намерения, словацкий президент попросил Гитлера объявить Словакию своим протекторатом⁷⁴.

Другим полезным интеллектуальным упражнением явилось бы сравнение этих лживых оправданий с мотивами тех интервенций, которые совершаются в эпоху после принятия Хартии ООН — в том числе интервенций «гуманитарных».

Вероятно, в данную эпоху прежде всего должен приковывать к себе внимание такой яркий пример третьего выбора, как вьетнамское вторжение в Камбоджу, предпринятое в декабре 1978 года с целью остановить полпотовский террор, который вскоре возобновился и достиг своего пика. Вьетнам предварительно испросил для себя права на самооборону от вооруженного нападения, причем это был один из немногих примеров за всю эпоху после принятия Хартии, когда основания для такой просьбы были достаточно весомыми: режим красных кхмеров (так называемой Демократической Кампучии, ДК) вел кровопролитные атаки в приграничных районах Вьетнама. Весьма поучительна реакция Америки на эту просьбу. Пресса осудила азиатских «пруссаков» за неслыханное нарушение международных законов. Они были жестоко наказаны за свое преступление, состоявшее в прекращении зверств Пол Пота, — сначала вторжением китайцев, которых поддерживали Соединенные Штаты, затем навязанными США крайне суровыми санкциями. Вашингтон признал правительство ДК в изгнании законной властью в Камбодже: Госдепартамент объяснил это его «преемственностью» с режимом Пол Пота. Не мудрствуя лукаво, Вашингтон продолжал оказывать поддержку красным кхмерам в их непрекращающихся атаках в Камбодже.

Данный пример еще более красноречиво говорит о «практике и обычае», лежащих в основе столь актуальных «формирующихся правовых норм гуманитарной интервенции».

Другой иллюстрацией третьего выбора является индийское вторжение в Восточный Пакистан, произошедшее в 1971 году. Оно положило конец жестокому кровопролитию и гигантскому потоку беженцев (по оценкам того времени, составившему более десяти миллионов человек). США осудили Индию за агрессию, пригрозив ей войной. Киссинджер пришел в крайнюю ярость от действий Индии, видимо, главным образом потому, что это совпало с его тщательно подготовленной тайной поездкой в Китай через Пакистан, в ходе которой можно было бы сделать отличные снимки, рассчитанные на публику⁷⁵. Вероятно, это один из тех эпизодов, которые имел в виду историк Джон Льюис Гэддис в своем восторженном отзыве на последний том мемуаров Киссинджера, где он указывает, что бывший госсекретарь «признает здесь более явно, чем прежде, что на его личность

повлияли воспитание, полученное в условиях нацистской Германии, и пример его родителей, вследствие чего он не мог совершать поступки, выходящие за нравственные границы»⁷⁶. Что ж, логика железная, — как и примеры из биографии, слишком хорошо известные, чтобы перечислять их.

Снова те же уроки.

Летопись «гуманитарных интервенций» начинается, конечно, не с пакта Келлога-Бриана, принятого в 1928 году. У них вообще примечательная родословная. Как уже отмечалось, гуманитарная интервенция, по-видимому, является почти всеобщим признаком агрессии и насилия. Конечно, есть и исключения, когда о гуманитарных намерениях вообще речь не идет. Наиболее известные из таких исключений восходят к истокам нашей морально-этической традиции, в свою очередь, вытекающей из божественных наставлений, которые повелевают увековечивать запечатленный в Библии геноцид и истово реализуются представителями избранного народа и их ретивыми преемниками, — это, например, франкские рыцари, которые тысячу лет назад опустошили Левант, следуя все тому же божественному велению, и «дети Израиля», повиновавшиеся воле Господа в «новом мире», а также бесчисленное количество других эпизодов «священной войны».

Если бы в нашем распоряжении были соответствующие письменные документы, мы наверняка бы нашли свидетельства того, что Чингисхан и Аттила заявляли о своих гуманитарных намерениях. В одной только истории США полно таких иллюстраций: например, Теодор Рузвельт приводил гуманитарные мотивы в оправдание покорения Дальнего Запада, в ходе которого было практически истреблено коренное население (такой же результат к тому времени был уже достигнут на Востоке): «справедливейшей из всех войн, безусловно, является война с дикарями» или установление господства «преобладающих мировых рас»⁷⁷.

Когда завоеватели оканчивали свои «безусловно, справедливейшие» войны — «дело выкорчевывания лесов и индейцев и установления своих естественных границ», как это описывается в самой популярной современной книге по истории дипломатии⁷⁸, они выходили во внешний мир, неизменно руководствуясь возвышенными гуманитарными мотивами. В 1898 году им очень своевременно удалась интервенция на Кубу, позволившая предотвратить ее освобождение от Испании и превратившая ее «фактически в колонию» Соединенных Штатов (по словам двух гарвардских историков), — тем самым была достигнута изначальная цель новоиспеченных свободных Штатов в области внешней политики⁷⁹. Это вторжение самонадеянно объяснялось «интересами цивилизации, гуманности и свободы». «Мы взяли в руки оружие, подчиняясь исключительно соображениям гуманности и желая исполнить свои высокие общественные и моральные обязательства», — ораторствовал президент Мак-Кинли, действовавший «во имя гуманности», «во имя цивилизации». Очевидно, что Теодор Рузвельт и Вудро Вильсон были совершенно согласны с ним, равно как и все ведущие ученые и интеллектуалы американской истории вплоть до наших дней.

Несколько труднее было представить в подобном свете завоевание Филиппин, поскольку в этой очередной «безусловно, справедливейшей» из войн старые борцы с «индейцами»

оставили за собой сотни тысяч трупов. Но и эта задача оказалась осуществимой — ко всеобщим аплодисментам, которые слышатся до сих пор⁸⁰. Президент признался, что он не полностью заручился согласием филиппинцев, чтобы «исполнить великий акт во благо гуманности», который он и предпринял. Но в этом не было необходимости: «Мы повиновались высокому моральному обязательству, возложенному на нас и не требующему чьего-либо согласия. Мы поступали как должно по отношению к ним, ибо это Бог пролил свет на то, что нам должно делать, это было согласно с нашим разумом и одобрено цивилизацией... Освободителю некогда обсуждать с освобождаемыми важные вопросы, касающиеся свободы и власти, когда освобождаемые стреляют в своих спасителей».

Здесь США не делали ничего нового, они только обогащали опыт применения собственных моделей и методов своих предшественников. После нескольких столетий подобной практики в конце девятнадцатого века появилось соглашение европейцев об обязанности цивилизованных наций делать все возможное для облегчения положения отсталых народов мира — от Китая до Африки и Среднего Востока, включая сербов, то есть всех «жителей Востока, а значит лгунов, ловкачей и мастеров по части отговорок», как германский кайзер брякнул в самом сердце Европы⁸¹. Последствия подобной позиции в комментариях не нуждаются.

Более рассудительные лидеры отдавали себе отчет в том, что они делают, и порой описывали свои действия с большой точностью, как, например, Уинстон Черчилль, в январе 1914 года представивший своим коллегам по кабинету министров записку, в которой разъяснялась необходимость повышения военных расходов: «Мы не юный народ с невинной историей и скудным наследием. Мы сосредоточили в своих руках... непропорционально огромную долю мировых богатств и торговли. Мы полностью удовлетворили свои территориальные претензии, и когда мы требуем, чтобы нас оставили в покое и не мешали наслаждаться своей большой и роскошной собственностью, в основном приобретенной посредством насилия и с помощью силы же главным образом сохраняемой, то другим подобное требование часто кажется менее обоснованным, чем нам самим».

Черчилль понимал, что даже в свободном обществе эти откровения не предназначены «для широкого потребления». Фразы, выделенные курсивом, не вошли в вариант, представленный в его книге «Мировой кризис», написанной в 1920-х гг. Ставшие известными лишь недавно, они едва ли заняли более заметное место в интеллектуальной культуре и системе образования, чем многие другие им подобные слова и дела, — например, энергичные выступления того же Черчилля в пользу применения отравляющих веществ против курдов и других нецивилизованных племен и реализация такой возможности, ныне благополучно вымаранная из его биографий⁸².

Поскольку история богата и разнообразна, и многие ее факты хорошо известны, то было бы весьма интересно проследить, как беспечно развивают и даже превозносят идею «нового гуманизма» люди с большими заслугами в области защиты прав человека. Взять, к примеру, Майкла Гленнона, который пятнадцать лет назад осудил механизм «сознательного игнорирования», созданный для того, чтобы закрывать глаза на ужасные вещи, творимые в то время главным цивилизованным государством, хотя оснований для подобного осуждения было не меньше и до, и после того периода. Занимая такую же позицию и сегодня, Гленнон

представляет знакомые «досточтимые» идеи как новую точку отсчета, верно избранную цивилизованными государствами, которые теперь должны отказаться от непригодной «анти-интервенционистской» структуры, созданной после Второй мировой войны, и признать, что «провалы старой системы были катастрофическими»⁸³. Катастрофическими они были без всякого сомнения. Достаточно вспомнить только один ярчайший пример: тогда такие массовые бесчинства, как войны в Индокитае, США не могли бы даже начать под носом у Объединенных Наций из боязни того, что действия главного цивилизованного государства могут лишить смысла само существование ООН, — и это едва ли единственный пример (но единственный не упомянутый Гленном, хотя он вполне обоснованно вспоминает советское вторжение в Афганистан). И еще можно вспомнить, что произошло после того, как Международный Суд осмелился оскорбить хозяина, обвинив его в «незаконном применении силы» и обязав прекратить это применение и выплатить существенную компенсацию пострадавшей стороне, а также известные нам — по крайней мере, мы должны это знать, — два государства, заблокировавшие своим вето акцию ООН, когда более тридцати лет назад в процессе освобождения колониальных государств Данная организация вышла из-под их контроля.

Но эти примеры — не из тех, которые имеют в виду Гленнон и другие. Те, что приводит он, поучительны, но я оставляю их в стороне, отметив только основной пример, который он предлагает в доказательство радужных перспектив «нового интервенционизма»: натовская задача восстановления «международной справедливости» в Косове и прекращения «этнических чисток», которая «очевидно, является тем, что США и НАТО как раз недавно начали выполнять». Это настолько «очевидно», что не требует каких-то доказательств или свидетельств, — все та же знакомая нам позиция, как и констатация совпадения по времени этнических чисток и акций НАТО, предпринятых якобы с целью их прекращения.

В свете истории, который едва ли можно считать недостаточно ярким, вероятно, несколько странно читать о том, что «цивилизованные государства» открывают новую эру человеческих отношений, в рамках которой они присваивают себе право использовать вооруженные силы там, где «это кажется им справедливым», — даже если такая хвала в собственный адрес слегка смягчается следующими разъяснениями⁸⁴: «Новым интервенционистам предстоит примирить свою потребность в широком одобрении их порядков с неизбежностью сопротивления ему со стороны непокорных, инертных и раскольников. Сторонники нового режима должны решить, не превосходит ли цена отречения от неповинующихся ту выгоду, которую может принести им более упорядоченное состояние мира. В конечном счете этот вопрос будет решаться на практике, если некая критическая масса наций не одобрит решения, которое настойчиво предлагают НАТО и Соединенные Штаты Америки, то это решение вскоре вызовет волну негодования. Но новых интервенционистов не должно сдерживать то обстоятельство, что они могут разрушить величественный воображаемый храм закона, ревностно оберегаемый запретами Хартии ООН, которые направлены против интервенционизма».

Приподнимая вуаль сознательного игнорирования, мы обнаруживаем, что «новый интервенционизм» — это все тот же «старый интервенционизм», и что нет ничего нового и в различии между «цивилизованными государствами» и теми, кто противится их справедливым деяниям — «непокорными, инертными и раскольниками» (кому, как не им

возражать против цивилизующей миссии первых?). Традиция соблюдается и в определениях категорий: здесь непреложные истины и доказательства становятся неуместными, и требование таковых, вероятно, является вульгарным проявлением «закоснелого антиамериканизма»⁸⁵. И нам едва ли следует ожидать «в конечном счете практической» проверки следствий данной доктрины — или, если уж на то пошло, хотя бы единственного вопроса, который возникает в рамках просвещения, и для ответа на который уже представлена калькуляция выгоды и цены. Запасы свидетельств, в основе которых лежат последствия доктрин, вновь восстанавливаемых сегодня в своих правах, весьма обширны, поскольку эти доктрины уже не раз реализовывались цивилизованными государствами, ныне вновь претендующими на ту же миссию, которую они с такими «ценными» результатами несли народам в течение многих веков.

В практических пособиях по международным гуманитарным законам и других научных источниках признается, что сложно назвать подлинными случаи интервенции, предпринятой с гуманитарными намерениями, хотя гуманитарные претензии в таких ситуациях являются обычным делом, а весьма плодотворные последствия порой имеют и военные действия, осуществляемые по иным основаниям, как это было в ряде упомянутых нами случаев или в поражении нацистской Германии, если уж брать какой-то классический пример. Одной из постоянно приводимых иллюстраций поистине гуманитарной интервенции (о ней всегда говорят в таких случаях) является французская интервенция в Левант 1860 года. Но как-то маловероятно, чтобы история могла предложить нашему вниманию всего одно исключение из этого правила, и как, наверное, следует ожидать, этот пример не выдержит более тщательной проверки, о чем уже достаточно красноречиво свидетельствует научная литература⁸⁶.

История была бы более безупречной, имей мы в своем распоряжении по меньшей мере один, но прозрачный пример таких намерений. Понятие истинно гуманитарной интервенции в буквальном смысле может оказаться блефом, если только исследованию этого вопроса не воспрепятствует наша привычка к «сознательному игнорированию». Даже если мы и раскопаем ее истинные примеры, в силу озабоченности данной темой мы, видимо, все равно будем поднимать определенные вопросы, кажущиеся нам важными в свете прошлого и настоящего.

Данная тема вообще заслуживает более полного рассмотрения. Но это не так легко осуществить по одной простой причине — из-за «всеобщего молчаливого согласия с тем, что говорить о таких вещах „неприлично“», включая сюда и наиболее относящиеся к делу факты, и поразительное нежелание провозвестников «нового гуманизма» выдвинуть в защиту своих выдающихся требований хотя бы какой-нибудь, пусть самый незначительный, аргумент, кроме утверждений о том, что их правота «очевидна». Несколько примеров этого мы с вами уже рассмотрели, а к другим еще обратимся впоследствии.

Глава 4. Синдром отречения

Как мы уже выяснили, обращение к бомбардировкам, с какими бы намерениями они ни совершались, «чрезвычайно ускорило убийства и выселение» косовских албанцев¹, — то есть привело к «результату», который с уверенностью предвидел главнокомандующий объединенными силами НАТО, не только с самого начала считавший эти последствия «полностью предсказуемыми», но и информировавший прессу, что «политическое руководство» никогда не «собиралось» положить конец «сербским этническим чисткам», и что военные планы, которые ему было приказано подготовить, «никоим образом» «не предназначались» для достижения такого эффекта. Оставив в стороне это любопытное свидетельство преступного пренебрежения, давайте обратимся к методам, с помощью которых факты выставлялись в более привлекательном свете.

Проще всего было обвинить оппонентов во лжи, заняв ту же позицию, что и президент, подобным образом «ответивший своим критикам в Соединенных Штатах и Европе, которые говорят, будто отзыв из Косова наблюдателей за соблюдением прав человека [произошедший 19 марта] и начало воз-Душных атак [24 марта] привели к тому, что господин Милошевич изгнал из Косова людей несербской национальности». «Этническая чистка в Косове не являлась реакцией на бомбежки», — заявил Клинтон, давая понять, что вопрос закрыт².

Далее Клинтон характеризовал этнические чистки, последовавшие за бомбежками, как «накопившееся за десять лет и бешенство г. Милошевича», которого «таким образом, было невозможно удержать от выселения албанцев с их родной земли». Очевидно, что подобная трактовка событий только усугубляет вину Клинтона, который в 1995 году предпочел пойти на сделку с Милошевичем, принеся в жертву косовских албанцев. Кроме того, он утверждает, что еще задолго до бомбежек действия Милошевича в Косове красноречиво говорили о намерении сербского лидера очистить край от албанского населения, и если Клинтон и впрямь это понимал, то его позиция заслуживает еще большего осуждения, особенно если учесть, что ожидало этот гигантский поток беженцев, который «было невозможно удержать». Чуть меньшая проблема возникла в связи с его речью по случаю победы, состоявшейся несколькими днями позже: в этой речи он информировал нацию, что военная кампания достигла своих целей, т. е. создала такие условия, при которых беженцы могли бы вернуться домой. Подобное заявление «несколько расходится с тем фактом, что этнические чистки приняли только более массовый характер после бомбардировок, начавшихся 24 марта», когда «господин Клинтон провозгласил, будто целью НАТО является предотвращение „гуманитарной катастрофы“»³.

С самого начала Вашингтон одновременно настаивал на том, что он и знал, и не знал о предстоящей катастрофе. Двадцать восьмого марта «на вопрос репортера о том, не ускорили ли бомбардировки кассовых расправ, [президент Клинтон] ответил: „несколько“». Он придерживался такой же позиции первого апреля в своей речи на базе морской авиации в Норфолке: «Если бы мы ничего не предприняли, то агрессивные действия сербов так и остались бы безнаказанными». На следующий день представитель Пентагона Кеннет Бэйкон заявил, что все на самом деле совсем наоборот: «Я не думаю, чтобы кто-либо мог предвидеть, какой широкий размах примет жестокость»; это «первое признание» администрацией Клинтона того, что «она оказалась недостаточно готовой к кризису», сделанное прессе (к кризису, который был «полностью предсказуемым», как неделей раньше сообщил журналистам главнокомандующий силами НАТО). С самого начала в сообщениях с места событий говорилось о том, что «администрация была застигнута врасплох» реакцией сербских военных⁴.

Кроме того, нельзя забывать об «операции „Подкова“»: ее тщательный, заблаговременно подготовленный план тоже мог указывать на неизбежность кровопролитного вытеснения албанцев из Косова; как мы уже говорили, если это чистая правда, то данное доказательство существенно усугубляет вину „новых гуманистов“».

Отрицанию очевидных (и даже ранее уже признававшихся) фактов и попытке оправдаться, уйти от ответственности за собственные решения непременно должны сопутствовать и старания похоронить все прочие неудобные эпизоды недавнего прошлого, — таким манером, как было показано выше. Сделав это, мы сможем, наконец, исполнить свой Долг, целиком сосредоточившись на сербских бесчинствах и утверждая, что бомбардировки, «несомненно», предпринимались для предотвращения «геноцида и изгнания» албанских косоваров, — которые они внезапно «колоссальным образом ускорили», как это можно было предвидеть, — и присоединившись к журналистам «Уолл Стрит Джорнал», разглагольствующим о том, что «основной импульс военной интервенции в Косово, безусловно, был гуманитарный»⁵.

Однако ссылки на «Уолл Стрит Джорнал» не совсем корректны. С одной стороны, у авторов этой газеты есть нечто общее с теми, кто желает таким образом оправдаться, но, с другой стороны, полезнее обратиться к либеральному отрезку этого спектра, например, к «Нью-Йорк Таймс». Вот типичный выпуск, в котором читателю разъясняют, что нам не стоит проводить аналогию между Косовом и Вьетнамом, где интересы нации были невнятными, а цена, наверное, «слишком дорогой» для нас; невозможно представить, по каким иным причинам можно было возражать против атак на Южный Вьетнам, а затем и на остальной Индокитай, в результате которых погибли миллионы человек, десятки миллионов стали беженцами, и три страны постигло полное разорение. В своей редакторской колонке на первой странице Крэг Уитни размышляет над «иронией» того факта, что интервенция в Косово нашла поддержку у либералов, выступавших против вьетнамской войны — ими же, либералами, и развязанной, — против которой они в конце концов начали возражать по причинам, изложенным в том же самом выпуске: по сути, это те же причины, которые заставили некоторых членов немецкого генштаба возражать против войны на два фронта после Сталинграда. И, дабы разрешить последние сомнения, Джудит Миллер приводит слова «уважаемого дипломата», который объясняет политику США тем, что эта «„идейная“

нация, у которой национальная солидарность прежде всего происходит из „озабоченности своими ценностями“, чем наоборот... давно и энергично утверждает человеческие права». Вот, например, еще одна «очевидная» истина, о которой говорят факты, — пресловутая «озабоченность своими ценностями» в царстве доктрины Монро сотню лет проявлялась в энергичном утверждении прав человека повсюду, где для этого были неограниченные возможности и где «холодная война» являлась скорее предлогом, чем причиной; можно взять и более близкие события: к примеру, именно тогда же «Международная амнистия» начала кампанию по выявлению «постоянных и повсеместных нарушений прав человека в США», и Хьюман Райтс Уотч только что опубликовало большое исследование под заголовком «Нарушения прав человека в Соединенных Штатах Америки». На чужой территории любое государство «энергично утверждает права человека»⁶.

Зная, как всемогуща максима Оруэлла, можно сказать, что успех подобным методам гарантирован. Хотя можно представить и более весомые аргументы. Вероятно, самыми убийственными из них будут заявления о том, что этнические чистки в Косове уже шли полным ходом, и что бомбардировки явились попыткой — к сожалению, неудачной, — остановить их. Затем мы должны будем решить, что генерал Кларк позабыл об этом, и что данные Верховного комиссариата ООН по делам беженцев (ВКДБ) неверны, а журналисты, работающие на месте событий, которые постоянно и настойчиво сообщали, что сразу после бомбардировок зверства резко усугубились, просто фальсифицировали реальную последовательность событий. Именно такое героическое усилие было предпринято Государственным Департаментом и нашло отражение в его докладе, опубликованном в мае и заслуживавшем более пристального внимания, чем то, которое ему было уделено⁷.

В резюме Госдепартамента говорится, что этнические чистки в Косове «приняли драматические масштабы в середине марта 1999 года», то есть за десять дней до бомбардировок, которые поэтому можно понимать как реакцию на эти самые драматические масштабы. Однако в основном тексте это подается иначе. Хронология отсчитывается «с отъезда из Косова наблюдательской миссии ОБСЕ (КНМ), произошедшего 19 марта» в связи с готовящимися бомбардировками и вопреки возражениям Сербии, не нашедшим отражения в докладе, хотя о них, безусловно, следовало сказать⁸. Хронология строго придерживается данных временных рамок, и, согласно ей, с 4 апреля до середины мая были сожжены более 300 деревень, и еще около 500 мест проживания албанцев выжжены по крайней мере частично. О других зверствах также сообщается, что они происходили «с конца марта».

«Сербские силы превратили Приштину, столицу Косова, в город-призрак», — именно после бомбежки, как упрямо сообщали с места событий корреспонденты: это еще один факт, не упомянутый в докладе, хотя через много страниц в нем появляется информация о том, что жители Приштины изгонялись из города с первого апреля (по другим сообщениям — с четвертого). Аналогичная судьба постигла и Печ, но тоже только после бомбардировок (в докладе это также опущено). Сообщается, что «после воздушных ударов НАТО» начались и другие бесчинства. В докладе приводятся оценки Верховного комиссариата по делам беженцев, согласно которым «после того, как 19 марта 1999 года Косово покинули» наблюдатели ОБСЕ, из него «бежали 700 000 косоваров»; на самом деле, по данным ВКДБ, это началось с 27 марта. Сообщается и о многих других жестокостях, последовавших за натовскими бомбардировками.

Хотя хронология, указанная в докладе, начинается с 19 марта, в нем сообщается о том, что «обширная мобилизация сербских сил национальной безопасности, превышающих силы, которые были развернуты ранее, велась за несколько дней до отъезда наблюдателей КНМ, состоявшегося 19 марта», «вслед за неудачей парижских переговоров и в предчувствии воздушных ударов НАТО». Это звучит очень правдоподобно, даже несмотря на отсутствие доказательств. Кроме того, «ситуация, которая в гуманитарном смысле несколько поправилась в феврале, к середине марта опять значительно ухудшилась». И этот вывод правдоподобен, особенно ввиду того, что он согласуется и с другими сообщениями, в частности, Марка Уэллера, удачно назначенного юрисконсультантом косовской (албанской) делегации на конференции в Рамбуйе, который пишет, что после отъезда КНМ, «количество переселенцев за несколько дней возросло до более чем 200 000 человек»; это две трети от численности беженцев Колумбии за тот же год⁹. Госдепартамент предоставляет данные только за конец марта, не считая упоминаний об убийстве одного человека 18 марта и нападениях на три города, произошедших 20 марта — «под предлогом того, что здесь были совершены атаки ОАК на полицейские участки», — пример того самого «терроризма», который годом ранее резко осудили США. Двадцатого марта, после отъезда наблюдателей, сербские силы «начали серьезную операцию против сил ОАК», а 23 марта они «выбрали» Приштину, Печ и другие города для «этнических чисток», которые и провели после бомбардировок.

Допустив, что в данном докладе нет ни одной неточности, мы приходим к выводу, что Милошевич (еще раз) показал себя как главный военный преступник. Но и преступления Клинтона, Блэра и иже с ними вновь налицо.

Вторым основным источником информации об этом периоде является обвинительный акт, предъявленный Милошевичу и его приспешникам Гаагским международным трибуналом по военным преступлениям в Югославии¹⁰. Вынесение обвинительного заключения сербскому лидеру было гарантировано на сто процентов, но на самом деле оно изрядно запоздало. И его содержание сильно ограничено — лишь узкими рамками косовских событий 1999 года. Согласно представителям суда, НАТО, «открыв [прокурору Луиз] Арбор доступ к разведывательной и иной информации, в котором ей долго отказывали западные правительства, тем самым способствовало чрезвычайно скорому вынесению обвинительного заключения». Если быть более точными, то, как мы можем догадаться, именно США снабдили госпожу Арбор такой «разведывательной и иной информацией», или, как говорится в другом сообщении того же периода, должно быть, «администрация Клинтона и правительство Великобритании предоставили разведывательную информацию, которая использовалась при формулировке обвинения».

Благодаря подобным инициативам США и Соединенного Королевства, «суду удалось преодолеть политическое сопротивление, оказываемое обвинительному приговору представителями западных столиц в связи с тем, что сроки его подготовки могли нанести им дипломатический урон». В частности, «Соединенные Штаты, сообщая о предстоящем вынесении вердикта, выразили серьезную озабоченность сроками его подготовки», хотя сами усердно содействовали его появлению. Госпожа Арбор также заверила мировую общественность в том, что суд полностью независим в своих действиях, что на него не влияет все, что говорят и делают правительства разных стран, в том числе, конечно,

Соединенных Штатов, которые облегчили работу над обвинительным заключением и в то же время «выразили серьезную озабоченность» тем, что суд не поспешил вынести его тотчас же и продолжил свое разбирательство. Днем ранее «американские официальные лица уверяли, что... Соединенные Штаты не давили на суд с тем, чтобы он отложил или ускорил вынесение обвинительного заключения мистеру Милошевичу», которое Трибунал «расследовал годами» (но без решающей разведывательной и иной информации, внезапно предоставленной США и Великобританией)¹¹. Обвинительное заключение «заклеймило Югославское правительство как преступный режим, Уродливый путь развития». Британские официальные лица выразили надежду своего правительства на то, что «обвинение, возможно, будет способствовать более твердой воле» администрации Клинтона, при этом характеризуя дипломатический курс относительно Югославии, проводимый российским представителем Виктором Черномырдиным, как «не самую привлекательную ставку».

Не совсем понятно, как можно примирить столь разноречивые тезисы, но давайте закроем на это глаза и условимся считать, что США одновременно и противились быстрому вынесению вердикта, и содействовали ему, и что суд доказал свою независимость «чрезвычайно стремительной» реакцией на беспрецедентные действия США и Великобритании по ускорению подготовки обвинительного заключения, хотя этому и противилась администрация Клинтона, т. е., как рассчитывал Вашингтон, заключение не будет вынесено после того, как он снабдит суд информацией и разведывательными данными, в которых международной Фемиде прежде отказывали.

Британский министр иностранных дел Робин Кук отреагировал на это повторением основного тезиса «нового гуманизма»: «По военным преступлениям не может быть никаких соглашений, никакой амнистии», — сказал он, имея в виду, вероятно, своих партнеров по НАТО Турцию и США, а может быть, даже сам Лондон. Кто бы сомневался: те, у кого имеются пушки и доллары, должным образом отреагируют на любые преступные действия.

Возвращаясь к обвинительному заключению, мы обнаруживаем, что оно «основано исключительно на преступлениях, совершенных с начала 1999 года». Оно относится к преступлениям, которые «имели место примерно после января 1999 года». К этому прилагается большой список инцидентов, каждый из которых произошел после 24 марта — даты начала натовских бомбардировок. В акте указывается, что «с момента первого нанесения воздушных ударов силы ФРЮ и Сербии еще более ужесточили свою агрессивную кампанию и насильно вытеснили из края сотни тысяч косовских албанцев». Не вмещаются в эти временные рамки лишь кровавая бойня в Рачаке, случившаяся 15 января 1999 года, и «декларация нависшей угрозы войны», прозвучавшая 23 марта, когда НАТО делало последние приготовления к бомбежкам, назначенным на следующий день (встречается здесь и несколько расплывчатая ссылка на «конец марта»).

Итак, обвинительный акт следует той же логике, что и только что рассмотренный нами доклад Госдепартамента, где утверждается, что натовские бомбардировки служили ответом на преступления, начавшиеся почти тремя месяцами ранее, — но, с другой стороны, приходится приводить свидетельства о преступлениях, которые последовали за бомбовыми ударами.

Другие аргументы в пользу бомбардировок не более убедительны, а зачастую и просто нелепы, поскольку охватывают события, которые случились уже после того, как было принято решение о налетах¹². Основным аргументом здесь служит то, что НАТО должно было нанести удары для предотвращения этнических чисток, являвшихся «результатом» этих самых ударов, причем предвиденным; пример подобного толкования мы уже приводили. Обычно сопровождающие его уверения в том, что беженцы, насильственно изгоняемые со своей земли (после бомбежек), взывали к НАТО с просьбой уничтожить своих мучителей, являются поистине сюрпризом. Помимо очевидного отсутствия логики, стоит заметить, что почему-то почти никто не слышал, чтобы подобные просьбы и по тем же основаниям звучали в отношении Анкары, Тель-Авива, Вашингтона и других столиц, или чтобы пресса призывала бомбить американские посольства либо всемирный торговый центр, если уж следовать этой логике.

Ведущий интеллектуальный журнал похвалил Вацлава Гавела за «аргументированное объяснение» того, почему натовские бомбардировки надо поддерживать. «По Гавелу война в Югославии служит своего рода рубежом в международных отношениях: это первый случай, когда права человека и народа — косовских албанцев — недвусмысленно вышли на первый план»¹³.

Сначала Гавел подчеркнул огромное значение и суть интервенции в Косово. Эта интервенция показывала, что мы, возможно, наконец вступаем в эру истинного просвещения, в которой станем свидетелями «отмирания нации-государства», и последнее больше не будет считаться «кульминацией истории всякой национальной общности и ее высшей ценностью на земле», как это было в прошлом. «Просвещенные помыслы многих поколений демократов, страшный опыт двух мировых войн... и развитие цивилизации в конце концов привели человечество к признанию того факта, что человек важнее государства», — вот о чем, по Гавелу, говорит интервенция в Косово.

Затем Гавел представил свое «аргументированное объяснение» того, почему эта интервенция справедлива. Звучит оно следующим образом: «Есть нечто такое, что не может отрицать ни один здравомыслящий человек: это, вероятно, первая война, которая была развязана не во имя „национальных интересов“, а скорее во имя принципов и ценностей... [НАТО] сражается здесь, заботясь о судьбе других. Оно сражается потому, что всякий порядочный человек не может оставаться в стороне и наблюдать, как по указке государства систематически убивают других людей... Альянс действовал так, как велит уважение к правам человека, как диктуют и совесть, и закон. Это прецедент, имеющий большое значение для будущего». «Отныне ясно прозвучало, что просто недопустимо убивать людей, выгонять их из своих домов, издеваться над ними и отнимать у них имущество». Однако внимательное отношение к фактам реального мира требует внести уточнение: когда так велит Вашингтон. Потому что вполне допустимо и даже необходимо не только мириться с подобными действиями, но и в полном масштабе способствовать им, чтобы ярость — например, внутри того же НАТО, — достигла уж и вовсе небывалых высот, и, конечно, если потребуется, даже взять на себя инициативу по их проведению. И вполне допустимо, а то и необходимо, хранить благородное молчание о вещах, «упоминать о которых было бы неприлично». Вот и результаты, достигнутые на Балканах, также уходят в прошлое, не удостоившись комментариев, — поистине мудрое решение!

Гавел дал понять, какие моральные нормы лежат в основе его прозрений и нравственных наставлений еще десять лет тому назад — сразу после зверского убийства его соратников-диссидентов в Сальвадоре и вторжения США в Панаму, сопровождавшегося убийствами и разрушениями. В ознаменование этих грандиозных событий Гавел полетел в Вашингтон, чтобы выступить на объединенной сессии Конгресса, где ему аплодировали стоя за его дифирамбы «защитнику свободы», который вооружил и обучил убийц интеллектуалов-иезуитов и десятков тысяч других людей: Гавел превозносил Вашингтон за «понимание ответственности, которая вытекает» из силы и власти, и настоятельно просил и далее «ставить мораль впереди политики», что Америка так эффектно делает в своих традиционных владениях, и не только в них одних. Основой наших действий должна быть «ответственность», заявил Гавел: «Ответственность перед чем-то более высоким, чем наша семья, наша страна, наши друзья, наш успех», — ответственность перед народами, страдающими у наших южных границ, в Юго-Восточной и Западной Азии и Африке, и многими другими им подобными, которые могут представить самые прямые доказательства великих трудов «защитника свободы». То есть теми, кто выжил, — в отличие от «гласа вопиющего в пустыне», заглушённого все тем же защитником свободы, ради того, чтобы открыть десятилетие яростного террора, пример которого показался Гавелу столь вдохновляющим, и шести ведущих диссидентов, которых заставили замолчать за несколько недель до того, как Гавел приехал в Вашингтон, чтобы восславить «защитника свободы»¹⁴.

Этот спектакль восторженно приняли интеллектуалы либерального толка; можно представить себе их реакцию, если бы ситуация сложилась противоположным образом. Возвышенная риторика Гавела послужила «ошеломляющим свидетельством» того, что его страна является «основным источником» «европейской интеллектуальной традиции», так как его «голос совести» говорил «убедительно об обязанностях, которые налагают друг на друга большие и малые государства», приучая нас к мысли, что мы живем в «романтическую эпоху» (Энтони Льюис из «Вашингтон Пост» и целый сонм других авторов)¹⁵. С тех пор эти обязанности выполняются таким образом, что дают еще более «ошеломляющие свидетельства» «романтической эпохи», в которой мы жили все последнее десятилетие, и которая теперь, когда на Балканах достигнуты величественные высоты просвещения и цивилизации, выходит на новые величественные рубежи.

«Аргументированное объяснение» бомбардировок, данное Гавелом, вновь было принято на ура, хотя прежней пылкой реакции на его оду тем, кто ответственен за убийства диссидентов-интеллектуалов, не считая других подвигов, здесь не последовало. Обозревая более удаленную область инакомыслия, Энтони Льюис и здесь был движим и очарован тем аргументом, который «красноречиво выразил» Гавел и который устраняет последние сомнения в благородстве дела Вашингтона и «рубеже международных отношений», о котором оно свидетельствует¹⁶. Все прочие сомнения также были преодолены силой этой аргументации.

Мы можем пока оставить на будущее аргумент (предлагаемый Гавелом, повторяемый Льюисом и его подпевалами), согласно которому благородство этого дела доказывается тем фактом, что НАТО не имело на Балканах ни «территориальных помыслов», ни интереса к их природным ресурсам, — аргумент, который является поистине «ошеломляющим свидетельством» неспособности тех, кто его лелеет, понять подлинные причины военных

вмешательств, как прошлых, так и настоящих.

В этот список входят и другие моральные лидеры, и среди них Элайя Уайсел, которому было поручено посетить лагерь беженцев в Македонии, — как сказали представители администрации Клинтона, для того, «чтобы сосредоточить внимание на нравственном аргументе, который считается лежащим в основе натовской кампании бомбардировок». Представитель американского посольства объяснил это следующим образом: «Если вы хотите, чтобы ваша моральная философия не пошатнулась, вам нужен такой человек, как Уайсел». В Косове идет «нравственная война», утверждал Уайсел: «Когда дьявол показывает свое лицо, вы не можете ждать, пока он станет еще сильнее. Вы должны вмешаться»¹⁷.

По крайней мере, в некоторых случаях Уайсел остался верен своему руководящему принципу, согласно которому даже перед лицом реально творящихся жестокостей, каковы бы ни были их масштабы, необходимо хранить молчание, если на них дается добро свыше. В этом он был абсолютно последователен. В частности, он сообщил израильской прессе, что его коллега, нобелевский лауреат, предоставил ему материалы (из той же израильской прессы) о решающей роли Израиля в совершении диких жестокостей в Гватемале в качестве поверенного США, поскольку прямое участие США в судьбе этой страны в тот момент было затруднено из-за контроля со стороны Конгресса и общественного мнения. Передавая данные материалы, коллега высказал предположение о том, что Уайсел мог бы использовать свой престиж и связи с тем, чтобы не дать «дьяволу стать еще сильнее» и творить уже самый настоящий геноцид. В ходе интервью в Израиле, отвечая на вопрос об этой встрече, Уайсел, как пишет корреспондент, «вздыхнул» и сказал: «Обычно я отвечаю сразу, но что я мог ответить ему?». Дело не в том, что эти материалы могут оказаться сомнительными, — поскольку он сам признал, что это не так, а в том, что даже личная связь может выходить за границы субординации государственной власти и насилия, в которых предписано действовать «пророку из Нью-Йорка»¹⁸.

Верность закону молчания Уайсел хранил и ранее. Так, в 1982 году он отказался от поста председательствующего на Тель-Авивской (неправительственной) конференции по геноциду — по просьбе правительства, которое боялось рассердить своего турецкого союзника, включив в исторический обзор геноцид армян. Широко известный историк Холокоста Иегуда Бауэр впоследствии сообщил прессе, что он покинул конференцию, — этот шаг, как он впоследствии осознал, явился «очень серьезной ошибкой», — под давлением со стороны израильского министерства иностранных дел и после «телефонного звонка из Нью-Йорка от Элайи Уайсела, который настаивал, чтобы я не участвовал в ней»¹⁹. Так что теперь понятно, почему, когда началась война, «в Белый Дом была приглашена небольшая группа гостей, чтобы вместе с Элайей Уайселом, — [человеком, пережившим Холокост, и лауреатом Нобелевской премии, — обсудить первостепенные проблемы нового тысячелетия. Здесь, в этих стенах, где Когда-то дети Теодора Рузвельта весело резвились на своих пони, Клинтон слушал ученого из Бостонского Университета, который делал сообщение под названием „Опасности безразличия“, а затем вел разговор о связи нравственности и политики»²⁰, — также, как в Гватемале, Ливане и на оккупированных территориях, то есть поистине повсюду, где в свете ранее рассмотренных нами прописных истин морали особенно четко проступают опасности безразличия. Нетрудно догадаться, что

эти факты не стали главным предметом дискуссии, и все, что о них говорилось, не вышло за рамки того искусства, которое с большим мастерством практикуют одобренные «наверху» моралисты, чему есть масса готовых примеров.

Мы вспомнили о Теодоре Рузвельте, потому что «Клинтон возродил нравственную мощь, которая восхищала его» в выдающемся предшественнике, не без помощи мудрых и принципиальных наставлений Уайсела. В оценках личности Клинтона часто приводится пример Теодора Рузвельта, взять хотя бы вдохновенные слова министра обороны Уильяма Когена, который представлял президента на базе морской авиации в Норфолке перед его первым официальным обращением, состоявшимся через неделю после начала бомбардировок. Коген открыл свое выступление словами Теодора Рузвельта, произнесенными «на заре этого века, когда Америка пробуждалась, чтобы занять новое место в мире». Вот что сказал тогда Теодор Рузвельт: «Если вы окажетесь не готовыми сражаться за великие идеалы, то эти идеалы погибнут». И «сегодня, на заре нового столетия, нас объединяет президент Билл Клинтон», который так же, как и его кумир, понимает, что «стоять в стороне... и быть свидетелем невыразимого кошмара, который должен был вот-вот начаться [в Косове] и реально затронул бы интересы мира и стабильность НАТО, для нас является просто неприемлемым»²¹.

Любопытно было бы узнать, что должно твориться в голове человека, взывающего к духу этого знаменитого фанатика расизма и маниакального патриота как к примеру «нравственной мощи» и «американских ценностей», — достаточно вспомнить всего одно его деяние, проиллюстрировавшее милые его сердцу «великие идеалы» сразу по выходе громкой декларации, которую цитирует Коген: убийство сотен тысяч филиппинцев, стремившихся к освобождению из-под власти Испании, которое последовало вскоре после того, как Рузвельт лично постарался удержать от достижения аналогичной цели кубинцев.

Еще один распространенный аргумент заключается в том, что, хотя мы «должны разумными способами содействовать защите человеческих прав всякого народа, который этого добивается, при этом, конечно, не ухудшая его положения», в Косове мы должны действовать резко противоположным образом, а именно творить насилие в его чрезвычайных формах (на минуточку, очень сильно «ухудшая положение» косоваров), — «потому что это происходит в Европе — Европе, уже целых пятьдесят лет, по сути, оккупированной односторонне нашим, собственным органом безопасности — НАТО. События в Косове разворачиваются, так сказать, под нашим надзором»²². При всех своих достоинствах, данный аргумент а fortiori является аргументом в пользу тех бесчинств, которые совершаются внутри самого НАТО и формально под юрисдикцией Совета Европы и Европейского Суда по правам человека, который, как уже отмечалось, продолжает выносить свои приговоры тем, кто ответственен за ужасные преступления, — т. е. местной же ответственной стороне, а не «защитнику свободы», который направляет просвещенные государства, в данном случае совершая жестокости издалека. Этнические чистки и зверства в Турции, творимые при поддержке США, совершенно определенно находятся «под нашим надзором» и должны быть объектом основного внимания в куда большей мере, чем бесчинства в регионах, которые вовсе не являются частью НАТО, по самым элементарным соображениям, уже приведенным ранее: из-за нашей ответственности за них и вытекающей отсюда нашей власти смягчить или вовсе остановить эти жестокости.

Другая попытка уйти от обвинений выражается в рассуждениях о том, что Милошевича никто не принуждал отвечать на натовские бомбардировки массированными зверствами. Это абсолютная правда. По той же логике, мы не несем никакой ответственности за последствия, когда вкладываем оружие в руки отъявленных убийц, а затем бьем их до полусмерти, угрожая еще худшим, провоцируя на убийства, которые мы предвидели. В конце концов, они могли бы и поблагодарить нас за доброту.

Вероятно, существуют и другие аргументы, но, если так, то значит, я просто не смог вычленив их из стремительного потока слов, которые сопровождали решение о бомбардировках. Возможно, эти события действительно являются «рубежом в международных отношениях». Странно, что использование силы опирается на столь слабые аргументы.

Можно предположить, что сторонники эскалации жестокости в Косове на каком-то этапе были вынуждены признать, что выдумывание обоснований ставит перед ними ряд непростых проблем. Этим, наверное, следует объяснить вспышки злобного расизма и шовинизма — феномен, с которым я ни разу в жизни не сталкивался со времен истерии, раздутой по поводу «япошек» во время второй мировой войны — паразитов, которых надо давить, в отличие от немцев — всего лишь заблудших наших братьев.

С самого начала Вашингтон понимал, что «для поддержки воздушных атак необходима демонизация образа Милошевича»²³. В соответствии с этим тезисом, удары по гражданским объектам толковались как «налеты на собственность сербской элиты». Как например, удары, разрушившие автомобильный завод «Застава»: его директором был соратник Милошевича, министр приватизации, который, как мы узнаем из зарубежной деловой прессы, являлся «беспартийным предпринимателем, привлекательным для западных правительств как главный реформист среди всех представителей сербских властей и излюбленный гость на званных дипломатических ужинах». «Наша цель в том», сказал один из высших военных чинов США, «чтобы внушать страх всем, чье экономическое положение зависит от мистера Милошевича». Но случилось так, что разрушенные заводы давали средства к существованию и тысячам рабочих, как, например, завод «Застава», — тех рабочих, которые провели самую мощную забастовку в стране с антиправительственным подтекстом. Но этот факт был подан как случайный, а действия НАТО — как борьба против демонического Милошевича²⁴.

Когда натовские удары получили более отчетливую направленность непосредственно на гражданские цели, настала необходимость модифицировать структуру пропаганды, на сей раз демонизировав образ народа Сербии, а не только их лидера. Признавая, что «лишение Сербии электричества, подрыв системы водоснабжения, коммуникации и гражданского транспорта, являлись частью этой программы»²⁵, либеральный обозреватель Уильям Плафф делает вывод, что было бы ошибочно характеризовать войну, которую ведет НАТО, как войну «только против сербских лидеров»: Милошевича и его окружения. «Сербских лидеров выбрал сербский народ», — далее указывает Плафф, и, пусть это были несовершенные выборы, «лишь немногие полагали, что их общий результат не отразит волю сербского электората». Поэтому мы не должны расценивать Милошевича как диктатора, он является истинным представителем сербского народа, и этот последний, стало быть, «не стоит

оберегать от горечи таких же страданий, которые он сам навлек на своих соседей» (судя по Вашингтонской сделке с преступником в Дэйтоне, касающейся, вероятно, непосредственно Косова, ни о каких подобных действиях речь не шла). И раз уж налеты на системы жизнеобеспечения гражданского общества приходится изображать как проявление Нового Гуманизма, то теперь и облик этого народа, а не только избранного им лидера, должен приобрести демонические черты²⁶.

Плафф не расшифровал, какую именно тактику он рекомендует, но ранее он давал понять, что здесь могло иметься в виду. Размышляя о разрушенном Вьетнаме, он пришел к выводу, что Соединенные Штаты Америки последовали «разумной стратегии», но это была «стратегия тех, кто богат, кто любит жизнь и боится „издержек“». «Мы хотим жить, быть счастливыми, состоятельными и могущественными», но не сумели понять «стратегию слабого», который «мыслит абстрактными категориями, в том числе полагая, что страдание и смерть неизбежны». Как и сама жизнь, «счастье, богатство, могущество», которые мы столь ценим, являются «критериями нашего опыта, недоступными азиатскому бедняку», который «стоически смиряется с потерей богатства и смертью», побуждая нас осуществлять свою «стратегию до логического конца, который есть геноцид». Но мы медлим, не желая «разрушить самих себя... то есть идти против системы собственных ценностей»²⁷.

Идея, кажется, ясна: разрушения и кровопролития «разумны» до тех пор, пока они не достигнут уровня настоящего геноцида, который будет уже неприемлемым, потому что мы «разрушим самих себя», если зайдем так далеко. Вероятно, такие же моральные ценности стоят и за «новым гуманизмом». Плафф не сообщил, на чем основаны его прозрения относительно ментальности азиатского бедняка, но, что бы ни лежало в их основе, они, несомненно, вполне сгодятся и для удовлетворения сегодняшних требований.

Во-первых, Плафф адресует свое нравственное негодование главным образом Милошевичу, поступки которого говорят о том, что «он обладает моральным воображением, позволяющим сравнить его с Гитлером и Сталиным. Он действует в грандиозных масштабах»²⁸. Как и все, кто проводит такие сравнения, Плафф не идет дальше и не ставит очевидные вопросы, касающиеся тех, кто осуществлял свою «разумную стратегию» в Индокитае, действительно не переступая грани настоящего геноцида, но организуя и совершая, безусловно, жестокости куда более «грандиозных масштабов», чем демон, подобный Гитлеру и Сталину. Это еще одна из тем, о которых «было бы неприлично упоминать».

Интересно наблюдать, как беспечно замалчивались эти, в конце концов, вполне очевидные вопросы в то самое время, когда акции Милошевича изображались как «абсолютно сопоставимые с насильственной депортацией целых этнических групп во времена Сталина и Гитлера» (Тимоти Гартон Эш)²⁹. Это распространенное сравнение открывает перед нами двери в совсем иной период, выходящий далеко за рамки того отрезка времени после холодной войны, которым мы ограничены в оценке «нового гуманизма», и поэтому оно, по идее, должно побуждать нас ставить вопросы о том, куда следовало бы отнести «насильственные депортации целых этнических групп», производимые Вашингтоном, например, в Индокитае. Скажем, в Камбодже, где в начале 1970-х только в Пном-Пене были изгнаны полтора миллиона человек. Или около десяти миллионов жителей Южного Вьетнама, которые подверглись «насильственной депортации», спасаясь бегством от

интенсивных бомбардировок и зачисток после того, как стараниями Джона Ф. Кеннеди война в Южном Вьетнаме запылала пожаром: начавшись с крупномасштабного государственного террора, в 1961-62 гг. она вылилась в откровенный разгул агрессии³⁰. Если действия Милошевича «абсолютно сопоставимы» с действиями Гитлера и Сталина, то мы, вероятно, ошибаемся, когда объявляем этих чудовищ величайшими преступниками нашего страшного века, — вот какое необычное умозаключение явственно вытекает из доктрины «нового гуманизма», развиваемой применительно к Сербии, хотя было бы весьма полезно рассмотреть его посылки подробнее.

Учитывая необходимость демонизации коллективного образа сербов ради оправдания атак на гражданские объекты, не удивительно, что и Даниэлю Голдхагену пришлось поддерживать тезис о том, что мы в ссоре с сербами вообще, а не только с их лидером. Это «исполнители воли Милошевича», чьи глубоко укорененные культурные недуги нам предстоит лечить. Защитники данного тезиса подчеркивали «в первую очередь, молчание интеллектуалов о военных преступлениях» (Стэйси Салливан)³¹. Подобное молчание особенно шокирует западных интеллектуалов, чей «нормальный мир», надо понимать, вполне естественно считает себя морально обязанным уделять внимание тем преступлениям, ответственность за которые лежит и на нем самом, и которые он поэтому смог легко довести до логического конца, в соответствии с вышеупомянутыми моральными трюизмами и их решающим следствием.

Но опять-таки «было бы неприлично упоминать» практику «нормального мира» относительно военных преступлений и преступлений против человечности, которые восходят к Вашингтону, Лондону и другим центрам мировой цивилизации. Примеры тому дает и собственный дом Салливан (Гарвардская школа Кеннеди), и журнал, где она работает корреспондентом («Ньюсуик»), а также многие другие институты — из числа наиболее уважаемых. Скажем, журнал, в котором появляется такая статья, не довольствуется «молчанием» о страшных преступлениях, а усиленно защищает их, по крайней мере в государствах, опекаемых США. Так, его издатели дали «Рейгану и компании положительные оценки» за их вклад в государственный террор, достигший своего пика в Сальвадоре в 1981 году, и, обозревая кровавые события, произошедшие три года спустя, дали совет, что мы должны оказывать военную помощь «фашистам латиноамериканского образца... независимо от того, сколько человек они убили», поскольку «у Америки есть более высокие приоритеты, чем права человека в Сальвадоре»³². Поддержка журналом государственных преступлений и террора Израиля, доходящая до упреков в адрес тех американских и израильских изданий и телеканалов, многочисленные сообщения которых «просто неверны»³³, настолько нелепа, чтобы едва ли заслуживает комментариев.

Следующим логичным шагом в этом процессе стал призыв к «очистке Сербии», своевременно прозвучавший в передовице «Нью-Йорк Таймс» («Обзор событий недели» Блэйна Хардена), которая была озаглавлена «Что нужно для того, чтобы очистить Сербию»³⁴. Целью «очистки» должно было стать «подавление заразы» и «искоренение крайнего сербского национализма», желательно посредством прямой военной оккупации, как после Второй мировой войны. Особенно неприятным является «мистический смысл жертвоприношения в Сербии», «отнюдь не новшество» в рамках этой больной культуры, считает Харден. Он цитирует Голдхагена, который пришел к выводу, что «действия Сербии,

по сути, отличаются от действий нацистской Германии только масштабами», вновь оставляя открытым чрезвычайно неудобный вопрос о том, куда следует отнести преступления самих США, — ответу на который препятствует «молчание интеллектуалов по вопросам о военных преступлениях» их любимых государств. Подобно Плаффу, Харден напоминает нам, что Милошевич был «избранным лидером», «популярность которого возрастала по мере натовских бомбардировок» (Западу, как мы, очевидно, должны предположить, подобный феномен незнаком: например, во время бомбежек Лондона). Следовательно, «вычистить» нужно именно сербов как народ. Данный призыв уже был элегантно сформулирован ведущим интеллектуалом «Таймс» Томасом Фридманом: «Нравится нам это или нет, но у нас уже идет война с сербской нацией (так же, несомненно, думают сербы), и ее ставки должны быть совершенно ясны: за каждую неделю ваших бесчинств в Косове мы отбрасываем вашу страну назад на целое на десятилетие. Хотите в 1950 год? Можем устроить вам 1950-й. Хотите 1389-й?[1] И это нам по плечу»³⁵.

Призыв «очистить» Сербию особенно уместен в Соединенных Штатах Америки — стране, которая выросла на принципе этнической чистки, и для которой была характерна странная, если не уникальная привычка неизменно праздновать успех своих основателей в решении «задачи выкорчевывания деревьев и индейцев и округления наших естественных границ»³⁶, — достижение, которое и сейчас никоим образом не кануло в лету. Если бы Геринг называл боевые машины Люфтваффе «Еврей» и «Цыган», или лучшая футбольная команда колледжа в Германии именовалась бы «Мюнхенские евреи», то на это общественность реагировала бы всплесками негодования. Но нам пришлось бы изрядно потрудиться, чтобы найти хоть одну нечаянную ноту, которая нарушала бы «молчание интеллектуалов» по поводу такой же практики у лидеров цивилизованных государств³⁷.

Чтобы оценить культуру цивилизованных государств, достаточно спросить, сколько апачей, команчей, и т. д. можно встретить, путешествуя по стране, что когда-то была их родиной (вероятно, миллионов десять этих индейцев жило здесь до операций по «этнической чистке», о которых вспоминают сегодня с таким цинизмом), или сколько здесь можно встретить обладателей томагавков. Еще мы можем напомнить себе, что талисманом чемпионов колледжа по футболу служит шайка тех самых «развязных негров и необузданных индейцев», которых надо истреблять, — в порядке самозащиты, как уверяли джентльмены ныне чтимые как герои (Джон Куинси Адаме, Томас Джефферсон и т. д.) и которые, между прочим, воспользовались возможностью забрать у Испании Флориду и в нарушение Конституции сформулировали доктрину «президентской войны», таким образом создавая порядок, отныне вводимый «согласно практике и обычаю». «Мистический смысл жертвоприношения», требующий «очистить» Сербию (Харден), — вот что является ключевым элементом национальной культуры «цивилизованных», которым предстоит провести очистительную операцию, или почти трехвековым рефлексом чрезвычайно плодотворного насилия³⁸.

Воочию эта картина кажется еще уродливей, чем можно себе представить. «Новое поколение» вертолетов «Команчи», подобно «Черным ястребам», которые в 1990-х гг. так эффективно применялась в операциях по этническим чисткам внутри НАТО, производится на заводе Сикорского в Стрэтфорде, штат Коннектикут. Завод собирался продавать «Команчи» Турции еще до того, как получил заказ на них от американской армии. Этот факт

тоже представляется весьма показательным. В Стрэтфорде произошла первая крупная резня, совершенная с целью очистить американский Север, — разгром Пеквотов в 1637 году, совсем недавно, тридцать лет назад все еще фигурировавший в школьных учебниках как славная дата. Здесь пуритане следовали божественной заповеди в собственной интерпретации самонадеянных триумфаторов и «покарали» ханаанцев, совершив предрассветный набег и изгнав их с обетованной земли, пока большинство их мужчин были вдали от дома, — на ветхозаветный манер они вырезали женщин, детей и стариков, так что и след их пропал в этом терроре, и «в поднебесном мире не осталось ни имени Пеквота (как это случилось с Амалеком), ни человека, который был бы или (хотя бы) осмеливался называть себя Пеквотом», — возглашали герои-завоеватели. Таковы же были и заявленные мотивы операций по этнической чистке в Турции, проведение которых должны были значительно облегчить последние модели машин-убийц Сикорского, посылаемые из обители мировой цивилизации³⁹.

Отцы-основатели отдавали себе точный отчет в своих действиях. Первый Военный секретарь писал, что английские колонисты осуществляли «полное истребление всех индейцев в наиболее населенных частях Союза» средствами «более жестокими для коренных жителей, чем конквистадоры при завоевании Мексики и Перу». Сразу по завершении своего собственного великого вклада в данный проект, Джон Куинси Адаме стал выдающимся критиком как рабства, так и «полного истребления всех индейцев», — политики, причисленной им «к гнуснейшим грехам этой нации, за которые Бог, по моему убеждению, однажды призовет ее на свой суд» (и заодно, возможно, осудит оные грехи образца 1999 года). Адаме надеялся, что его запоздалое прозрение каким-то образом поможет «несчастному племени коренных американцев, которых мы истребляем с такой беспощадной и вероломной жестокостью»⁴⁰.

Операции по этнической чистке повсеместно проводились во имя великих моральных ценностей. Классическое описание их дал Алексис де Токвиль, который наблюдал, как армия США «посреди зимы» выгоняла индейцев из собственных домов в «помпезном спектакле» убийства и унижения, «триумфального шествия цивилизации по пустыне». Больше всего его поражало то, что завоеватели лишали людей всяких прав и истребляли их «со своеобразным удовольствием, хладнокровно, по закону, из человеколюбия, не проливая кровь и не нарушая ни одного великого принципа нравственности в глазах мира». Невозможно убивать людей с «большим почтением к законам гуманности», — писал он.

Когда задача по очистке континента от его коренных жителей была выполнена, завоеватели продолжили в том же духе на Филиппинах — опять «во имя гуманности» и «во исполнение своих высоких общественных и нравственных обязательств». Этнические чистки продолжаются до сих пор и в огромных масштабах, иногда посредством прямого насилия со стороны США, как, например, в Юго-Восточной Азии, иногда через их доверенных представителей, как в Центральной Америке, порой — по общим государственным соображениям, как это было внутри НАТО в годы правления Клинтона, но всегда с абсолютным «почтением к законам гуманности» и безупречной документацией, не считая случайных «ошибок», совершенных с «добрыми намерениями», или столь «больших преступлений», как проявленная в Косове неспособность перейти непосредственно к наземной войне.

Ни один из государственных мужей США не выразил раскаяния по поводу вьетнамской войны, кроме сожалений о том, что она нанесла ущерб самим американцам. Мы ничего не должны вьетнамцам, отметил главный гарант прав человека Джимми Картер, и не обязаны предоставлять им какую-либо помощь, потому что «разрушения были взаимными». Ни один благовоспитанный американец не выразил по этому поводу протеста и даже не подумал сказать хоть что-нибудь, заслуживающее комментария. Никому не показалось необходимым и отметить слова Джорджа Буша, который великодушно сообщил вьетнамцам о том, что мы не грозим им никаким «возмездием» за преступления, которые они против нас совершили, а только хотим получить честные ответы на единственный моральный вопрос, остающийся нерешенным в Индокитае: нам нужны останки американских летчиков, сбитых при самообороне, еще одна иллюстрация «мистического смысла жертвоприношения», который дал повод к зачистке Сербии⁴¹.

Если быть точным, то традиционная политика США состоит не просто в «этнических чистках». Сгодятся любые жертвы, — не только из людей определенной расы, религии, цвета кожи или других особенностей. Вообще целью является вселенская зачистка. Вот какова в действительности официальная политика, носящая имя «подавления переворотов» или «уменьшения силы конфликта».

Цивилизованным государствам в силу их истории и культуры не впервой возвращаться к традиционной задаче «зачистки» нестоящих, недостойных. Именно этот опыт на самом деле и позволил им выработать самые действенные способы отречения и ухода от многих вопросов. Восхищение лидерами и их благородными трудами здесь логично вытекает из тех интеллектуальных ухищрений, к которым еще на заре исторической эры прибегали придворные льстецы, — особенно после успешного применения силы, обычно вызывавшего дифирамбы в адрес правителя, «стоящего на высоких моральных позициях»⁴².

Высокие оценки этого специфического опыта цивилизованных становятся особенно актуальными в момент, когда бывает трудно измыслить другие аргументы, которые оправдывали бы проявление силы. Именно в подобных случаях часто приходится читать о «нравственном императиве», лежащем в основе благих дел «общества, которое ставит свободу личности превыше всего, лелеет гуманитарные идеалы и строится на культивировании неких обязательных качеств», и конечно, «проявлений не только обязательных качеств, но и благородных добродетелей». Столь возвышенное общество не может «терпеть массовых вспышек жестокости и страданий, остановить или хотя бы существенно уменьшить которые в наших силах». Наше благородство велит защищать «те нормы, которые, как учит наша политика, следует считать универсальными. Косово — именно такой случай»⁴³.

О том, что Косово якобы тот самый случай, уже проникновенно заявляли Гавел, Уайсел и другие моральные вожди, салютующие главам центра мирового могущества. Продолжают ли подобные заявления тысячелетнюю традицию придворных льстецов? Или в данном случае они действительно оправданы, и то, что похвалы звучат в адрес сильного, — простое совпадение? Ответ на данный вопрос уже есть. Для этого достаточно проследить историю наших призывов в защиту благородных и универсальных норм средствами, могущими и немало навредить осознанным интересам сильного, которому мы выказываем свою

лояльность; такое исследование не потребовало бы от нас чрезвычайных усилий.

Сравнивая благородных себя с ущербными другими, мы вносим существенный вклад в решение задачи о том, как продемонстрировать всем достоинства какого-нибудь очередного своего дела. В конце концов, мы же живем в «нормальном мире», который постоянно омрачается «способностью человека ко злу», чуждой нашим «практике и обычаю». «Мы хотим жить, быть счастливыми, богатыми, сильными» и не можем понять менталитет тех созданий, которые «стоически смиряются с потерей богатства и жизни», побуждая нас совершать геноцид, хотя мы останавливаемся у последней черты, не желая «разрушить самих себя».

Но подобные мысли порой приводили кое-кого и к сомнениям в необходимости предпринять благородное дело. Например, Генри Киссинджер по тем же причинам верил, что интервенция будет не только ошибочной (война станет бесконечной, безнадежной, как трясина), но и попросту бесполезной мерой: «Эти конфликты [на Балканах] веками решались с беспримерной жестокостью, потому что ни один из народов не был знаком — и, по сути, не верил — в западные концепции терпимости». Наконец-то нам стало понятным, почему не только армяне, но и европейцы в целом «веками» относились друг к другу с такой благородной заботой и «веками» же столь упорно пытались донести друг до друга свои идеи ненасилия, терпимости и любви к добру. В своих академических статьях Киссинджер более глубоко исследует различия между «нами» и «ими», определяя «глубочайшую проблему современного мирового порядка» как «различие в философских воззрениях», которые отличают Запад, «всецело преданный идее о том, что реальный мир является внешним для наблюдателя», от «культур, в свое время избежавших влияния ньютоновского образа мысли» и по-прежнему верящих в то, «что действительность полностью принадлежит к внутреннему миру субъекта», — как, например, крестьяне, которые выращивают свой урожай, предаваясь иллюзиям о том, что дождь и солнце подвластны их уму (до русских, объясняет Киссинджер, уже начало доходить прозрение Запада, но пока только в ограниченной степени)⁴⁴. Вероятно, этим можно объяснить даже неспособность вьетнамцев принять логику постепенной эскалации жестоких реалий войны, они расценили бомбежки только как лишнюю головную боль и предпочли аспирин логике, которую ожидали от них в нашем «нормальном мире».

Другие аналитики также воспринимают «балканскую логику» как противоположную логике гуманной разумности «нормального мира» или цивилизованного Запада. Историки напоминают нам об «отвращении к войне или вмешательству в чужие дела», являющемся «нашей наследственной слабостью», и о нашей тревоге по поводу «неоднократных нарушений норм и правил, которые установлены международными договорами, конвенциями о правах человека», непокорными еретиками этого мира. Косово — это «новое столкновение Запада с Востоком», как гласит заголовок обзорной статьи в «Нью-Йорк Таймс», раскрывающей суть «Конфликта цивилизаций» Сэмюэла Хантингтона: образ «демократического Запада, его гуманитарные инстинкты, вызывающие неприязнь варварски бесчеловечных православных сербов», «понятны американцам», но непонятны другим, — и этот факт американцы должны учитывать вместе с теми «глубоко отрезвляющими уроками о способности человека ко злу», которые так шокируют общественность в центрах цивилизации⁴⁵.

Когда война подошла к концу, все эти противопоставления превратились в настоящую пропасть между «нами» и «ими», и «американцы, довольные победой над коммунизмом и бесчеловечностью, стали еще более отчетливо сознавать, что их ценности — это ценности всего мира». Но напрасно: «Два толкования бесчеловечности раскололи мир даже на фоне победы», — читаем мы в заголовке статьи, характерной для «Обзора событий недели» в «Нью-Йорк Таймс»⁴⁶. Есть еще более «глубоко отрезвляющие уроки», которые предстоит усвоить американцам. «Они» должны прийти к пониманию того, что отнюдь не все «разделяют взгляды Запада, согласно которым Косово является поворотным пунктом от кровавых этнических битв к гармонии: даже под прицелом Запада эти события могут не стать таким пунктом. Здесь все в точности до наоборот: война только подчеркнула глубокое идеологическое различие между идеалистическим „новым миром“, призванным поставить преграды проявлениям бесчеловечности, и „старым миром“, также фатально предопределенным к нескончаемому продолжению конфликта».

К сожалению, какие-то части фатально конфликтного «старого мира» все еще имеют возможность наблюдать, как «идеалистический новый мир» «ставит преграды проявлениям бесчеловечности» на территории своего партнера по НАТО и опекаемых государств, а также в прочих своих владениях, и эта недостойная картина удерживает «старый мир» от того, чтобы полностью достичь тех вершин, которые уже взяты интеллектуальными и политическими лидерами идеалистического государства, призванного положить конец проявлениям бесчеловечности. И что еще хуже, некоторые отступнические элементы могут так до конца и не убедиться в том, что идеалистический «новый мир» был призван положить конец бесчеловечности в Косове и что именно так он и сделал.

Но столь странные мысли не должны вторгаться в наш «нормальный мир». Нам скорее надлежит прийти к осознанию «зияющей пропасти между Западом и большей частью мира, не признающей ценности отдельной жизни». Мы должны с сожалением признать, что «множество людей... просто не разделяет западных концепций прав и обязанностей». В этом свете нам может стать понятней поведение России, где «этнические чистки и вынужденная миграция достаточно известны» в ее истории, особенно это относится к погромам, «на склоне века заставившим полтора миллиона российских евреев бежать из страны». В рамках нашей собственной истории или практики последнего времени невозможно представить ничего хотя бы отдаленно напоминающего такие события. Безусловно, «было бы неприлично упоминать», что самый страшный в истории царской России еврейский погром в Кишиневе был практически продублирован в рамках режима, опекаемого США, который привел к почти полному разорению Ливана — хотя все подобные преступления просто блекнут в сравнении с куда более жуткими фактами, но по-прежнему недоступными для расследования и упоминания⁴⁷.

Подлинная история, излагаемая в статье с таким усердием, заключается в том, что «идеалистический новый мир» всегда придавал высокую ценность каждой «отдельной жизни», хотя «для того, чтобы изменить взгляды Запада на гуманность, потребовалась Вторая мировая война» (при этом под Западом имеются в виду Великобритания, Германия и Франция), — «и еще пятьдесят лет, чтобы эти новые взгляды превратились в обязательства». Русские же сегодня «с натяжкой находятся там, где Британия, Германия и Франция были восемьдесят один год назад», а все прочие еще более далеки от того, чтобы

приступить к освоению гуманистических ценностей, которые мы неизменно отстаиваем, и в этом к нам сегодня, по-видимому, наконец-то присоединилось несколько западноевропейских народов⁴⁸.

Отсюда самым непосредственным образом следует, что наше дело, в чем бы оно ни состояло, не может не быть справедливым. Как ангелы могут быть не правы? Было бы оскорбительно предлагать доказательства или свидетельства в оправдание их поведения, так что вопросы о таковых следует отправить туда же, где им традиционно и место. А мы тем временем можем наслаждаться картинами прекрасной новой эры, открывающейся перед нами сейчас, когда к нам присоединились другие, пусть немногие, чтобы вместе перейти этот «рубеж в международных отношениях», возвещая о триумфе человеческого духа.

«Универсальные принципы и ценности, поддерживаемые лидерами [Европейского Союза] и собственно НАТО», превозносились и многими другими авторами, хотя с некоторой тревогой насчет того, что эти принципы и ценности «затерялись в гуле расхожих уличных разговоров», где, по-видимому, не встретишь подлинно одобрительных слов в адрес миссии «нравственной интервенции» (Тони Блэр), благодаря которой «впервые в новой истории... права человека перевесили суверенитет государственных границ» (Вацлав Гавел)⁴⁹, — чего не было в период борьбы «азиатских пруссаков» с преступлениями красных кхмеров или спасения Бангладеш индийскими передовыми отрядами «российского гегемонизма», да и в рамках других действий народов, которых еще не коснулась длань западной цивилизации.

Только отъявленные злопыхатели заметят, что мы все это уже слышали много-много раз, и по-прежнему будут надеяться, что завоеватели докажут собственное величие, выдержав одну-единственную, пустячную проверку, то есть предприняв некий бескорыстный шаг, без расчета на любые приобретения — скажем, какую-нибудь поистине «гуманитарную интервенцию». Эту простую проверку им очень легко устроить хоть прямо сейчас. Лишь немногие из народов, не принадлежащих к царству цивилизации, с воодушевлением ожидают от них завтрашних доказательств того, что «новый гуманизм» отличен от старого.

Глава 5. Дипломатическая летопись

Как уже отмечалось, обвинительный акт, который вынес Милошевичу и его соратникам Международный Трибунал по военным преступлениям в Югославии, был расценен как «разрушительное» препятствие для дипломатического процесса, протекавшего между «западными столицами», хотя в сообщениях о данном факте, по-видимому, есть разночтения. Когда 27 мая было объявлено о решении предъявить Милошевичу обвинение, представитель суда сказал, что «это решение выдернуло ковер переговоров из-под ног у договаривающихся сторон». По сообщению Стивена Эрлангера из Белграда, новости об обвинительном заключении «сегодня просто оглушили сербов, убавив их надежды на окончание войны», особенно если учесть момент: обвинительный акт был оглашен судом (независимым) в тот самый день, когда российский специальный представитель в Югославии Черномырдин «должен был обсуждать вопрос о мирном урегулировании». Обвинение «значительно усложнит» задачу Черномырдина, считал Эрлангер. Вдобавок дело осложнялось еще тем, что НАТО решило избрать день, на который планировались и оглашение заключения, и приезд в Белград Черномырдина, для проведения «жесточайших бомбардировок, которые когда-либо видела Югославия»¹.

В такой модели поведения нет ничего неожиданного. Она привычна и понятна для тех, кто сосредоточивает в своих руках власть и средства насилия, чтобы, выходя на дипломатическую арену, интенсивно применять собственное оружие — по собственному же усмотрению или иным обстоятельствам: переговоры о прекращении войн в Индокитае и Центральной Америке 1980-х служат наглядной иллюстрацией этой политики, к которым я впоследствии ненадолго вернусь.

Черномырдин отреагировал на усиление бомбардировок неожиданно жестким заявлением². Он решительно опроверг утверждение Клинтона о том, что «Россия сейчас помогает Белграду найти возможность принятия условий [НАТО]» и что стратегия НАТО способствует укреплению отношений между США и Россией. Напротив, «новая стратегия НАТО, первый практический пример которой мы наблюдаем в Югославии, привела к серьезному ухудшению взаимных связей России и США», развитие которых задержалось на «несколько десятилетий». Усиление бомбардировок, и особенно их нацеленность на гражданские объекты, также радикально изменили российское общественное мнение, понизив долю людей, позитивно настроенных по отношению к США, с 57% до 14%. Русские перестали расценивать Соединенные Штаты как модель, «достойную подражания», и теперь считают, что Америка «утратила моральное право называться лидером свободного демократического мира». Черномырдин предупреждал, что, если события и дальше будут развиваться подобным образом, это приведет к самым печальным последствиям. Он также выразил уверенность в том, что Китай и Индия входят в число государств, согласных с позицией

России, ибо позиция эта правильна. Судя по намекам, которые мелькали в средствах массовой информации и читались между строк, Индия и Китай, по-видимому, в этом не одиноки, и действиями цивилизованных государств обеспокоено или даже напугано все международное сообщество, — таково еще одно отражение великой пропасти, отделяющей «идеалистический новый мир» с его случайными попутчиками от «упрямых раскольников».

Давайте же проследим дипломатическую летопись, задавшись вопросом о том, каким образом события дошли до такой стадии, на которой Черномырдин и Клинтон стали интерпретировать их в столь различной манере.

Бомбовые удары, видимо, были предприняты в первую очередь по инициативе США и Соединенного Королевства после того, как делегация ФРЮ отказалась принять условия соглашения (промежуточного) в Рамбуйе. Внутри НАТО так же были разногласия, которые отразил заголовок статьи «Нью-Йорк Таймс», звучавший так: «Между большими державами на переговорах по Косову появились серьезные разногласия». Одна из проблем возникла по поводу развертывания наблюдательских отрядов ОБСЕ. Европейские державы хотели просить Совет Безопасности дать санкцию на их развертывание, что соответствовало договорным обязательствам сторон и международному законодательству. Однако Вашингтон отказался утвердить «чреватые головной болью» слова «дать санкцию», сообщила «Нью-Йорк Таймс», хотя в итоге согласился с формулировкой «одобрить». Администрация Клинтона «стояла на своем, полагая, что НАТО должно быть способно действовать независимо от Организации Объединенных Наций». Ведущий стратегический аналитик объяснял позицию США тем, что «просить одобрения от Совета Безопасности все равно что вынудить его наложить вето на наши действия» в согласии с принципами Хартии ООНЗ.

Разногласия в рамках НАТО на этом не кончились. Кроме Британии (ныне независимой в своих действиях не более, чем Украина в догорбачевские времена), страны НАТО, как оказалось, скептически относились к тому, что Вашингтон предпочитает действовать силой, и были раздосадованы тем, что госсекретарь Олбрайт «бряцала оружием» — они сочли это «неуместным на такой хрупкой фазе переговоров», хотя «представители США неумолимо придерживались жесткой линии»⁴.

На сегодняшний день мы располагаем весьма скудной информацией о дипломатических взаимодействиях⁵. По-прежнему не освещаются даже решающие элементы их летописи, абсолютно доступные для обозревателей, в том числе условия Соглашения в Рамбуйе, которые в итоге были переданы Сербии и ФРЮ в виде ультиматума, т. е. «примите их или вас разбомбят» и, стало быть, несостоятельные с точки зрения международного законодательства, — но ведь последнее есть старый, дискредитированный стиль, от которого мы сегодня наконец избавляемся и поэтому можем делать то, «что кажется нам справедливым». Однако условия соглашения так и не стали доступными для широкой публики. Чтобы понять, почему это произошло, важно рассмотреть, в чем они, собственно, состояли.

Соглашение в Рамбуйе призывало к полной военной оккупации Косова и существенному политическому контролю над ним со стороны НАТО, которое рассматривает Косово как

область ФРЮ, а также, по желанию НАТО, к эффективной военной оккупации остальной территории ФРЮб. НАТО должно было «сформировать и возглавить вооруженные силы» (KFOR), которые оно «введет и развернет» внутри и вокруг Косова и которые «будут действовать под эгидой Северо-Атлантического Совета (НАК) и подчиняться его приказам и политическому контролю, осуществляемым через цепь команд НАТО»; «командующий KFOR является высшим авторитетом в рамках театра военных действий, определенного в настоящем разделе (раздел „Реализация военного соглашения“), и его указания обязательны для всех сторон и индивидов»⁷. Гражданские дела должны находиться под наблюдением и надзором ОБСЕ (в котором преобладают представители НАТО) и главы его миссии по реализации военного соглашения, координирующих свои действия с KFOR, натовскими оккупационными силами в Косове; координация действий ОБСЕ с оккупационной армией в переводе с дипломатического языка означает подчинение первой второй. В рамках краткого и конкретного временного распорядка всем силам югославской армии и внутренней полиции надлежало развернуться в иных, «утвержденных местах расквартирования», а впоследствии отбыть в Сербию, за исключением небольших подразделений с лимитированным вооружением (это все конкретизировано в договоре), которым предписывается нести охрану границ. Данные подразделения будут заняты только охраной границ от нападения и «не допускать их незаконного пересечения», и кроме как для исполнения этих функций, въезд в Косово для них будет закрыт.

«Через три года после того, как данное соглашение вступит в силу, будет проведена международная встреча с целью определения механизма окончательного урегулирования в Косове». Данный параграф был истолкован как призыв к референдуму о независимости, хотя конкретно о нем не упоминалось.

Что касается остальной части Югославии, то условия ее оккупации определялись в приложении Б — «Статус Многонациональных вооруженных сил, обеспечивающих реализацию военного соглашения». Его определяющий параграф гласит: «8. Личный состав войск НАТО вместе с его наземными транспортными средствами, судами, самолетами и оборудованием должен иметь свободный и неограниченный проход и беспрепятственный доступ по всей территории ФРЮ, включая ее воздушное пространство и территориальные воды. В сферу его прерогатив входит, хотя не исчерпывает ее, право на расположение, постой и маневры на данной территории, на использование любых зон или средств, необходимых для обеспечения, подготовки и проведения операций».

Далее расшифровываются условия, которые позволяют силам НАТО вместе со всеми их средствами свободно передвигаться по территории ФРЮ, не беря на себя никаких обязательств и не беспокоясь о соблюдении законов страны или юрисдикции ее властей, которые, однако, должны выполнять приказы НАТО «на приоритетной основе и всеми возможными средствами». Личный состав войск НАТО обязан «уважать законы, действующие в ФРЮ», — но с оговоркой, по сути, лишаящей данное условие всякого смысла, — «сохраняя за собой привилегии и свободы, определенные в данном Приложении».

Все это наводило на мысль, что условия соглашения специально были сформулированы таким образом, чтобы партнеры по переговорам отклонили их. Трудно представить себе страну, которая стала бы рассматривать подобные условия, иначе как требование

безоговорочной капитуляции.

Во всем потоке материалов, освещавших эту войну в США, я не нашел ни одного хоть сколько-нибудь точного сообщения о данных условиях, ни одной яркой статьи о только что процитированном приложении Б. Информация появилась тогда, когда на события уже не мог повлиять демократический выбор широких масс, т. е. сразу после 3 июня — даты принятия мирного соглашения. Пресса тотчас сообщила о том что согласно приложению к Договору в Рамбуйе «передвигаться по Югославии по своему усмотрению и без всякой юридической ответственности могут лишь представители натовских сил». В согласии с утвержденным соглашением планом, суть которого сводилась к требованию: «принимайте эти условия или выходите из игры», как сообщил в Лондоне Гай Динмор, «войска НАТО, фактически получали свободу перемещения по всей Югославии, а не только по Косову»⁸.

Очевидно, что в отсутствие ясных и неоднократных разъяснений того, в чем, собственно, состояли основные условия соглашения в Рамбуйе, или, говоря официальным языком, «процесса мирного урегулирования», широкая аудитория не могла понять серьезный смысл происходящих событий.

Спустя несколько недель мнения прессы свелись к тому, что соглашение в Рамбуйе (по-прежнему покрытое таинственностью) «столь фатально раскололо стороны, и только ускорило то, что, по идее, должно было предотвратить, — а именно этническую чистку в Косове». Газетчики ретроспективно оценивали весь процесс как «очевидное дипломатическое фиаско». «Более разумный дипломатический подход, который удерживал в Косове наблюдателей Организации за Безопасность и Сотрудничество в Европе (ОБСЕ) и привел стороны к по-настоящему политическим переговорам, вероятно, предотвратил углубление косовской катастрофы», но «грубая сила возобладала над искусством дипломатии и, по-видимому, одержала победу на переговорах»⁹.

Возможно, когда-нибудь будет признано и то, что тезис, согласно которому соглашение в Рамбуйе и бомбардировки «должны были предотвратить» углубление косовского кризиса, нуждается не только в регулярных повторах, но и в солидной аргументации, хотя такую аргументацию весьма нелегко построить в свете известных фактов. И, может быть, даже есть смысл спросить, не являлось ли «дипломатическое фиаско» сознательно избранным курсом, который привел к предсказуемой победе во имя значимых ценностей; интерес же к судьбе народов был только побочным, как и ранее, в последовательно замалчиваемом прошлом.

Сербская Национальная Ассамблея отреагировала на ультиматум США и НАТО двадцать третьего марта. В ее резолюции отвергалось требование военной оккупации Югославии силами НАТО и звучал призыв к ОБСЕ и ООН способствовать мирному Дипломатическому урегулированию. Как уже отмечено, резолюция осудила отзыв из Косова наблюдательской миссии ОБСЕ, приказ о котором был издан 19 марта, в преддверии бомбардировок, последовавших через пять дней.

Резолюция Национальной Ассамблеи призывает к переговорам, которые приведут «к достижению политического соглашения по многим аспектам автономии Косова и Метохии

(название края, официально принятое в ФРЮ), гарантиям полного равенства всех граждан и этнических общностей и уважения суверенитета и территориальной целостности Республики Сербия и Федеративной Республики Югославия». Кроме того, хотя «парламент Сербии не согласен с присутствием в Косове и Метохии иностранных военных формирований», он «готов рассмотреть размеры и характер международного присутствия в Косове и Метохии, необходимого для реализации достигнутого соглашения, непосредственно после подписания политического договора о самоуправлении, согласованного и одобренного представителями всех национальных общностей, проживающих в Косове и Метохии».

Основные положения резолюции распространили крупные информационные агентства, поэтому они, безусловно, были известны всем отделам новостей. Однако поиск в базах данных дал весьма скромный результат: публикаций на сей счет немного, причем в национальной прессе и крупнейших журналах эти положения не упоминались совсем¹⁰.

Двадцать четвертого марта на брифинге, организованном для прессы Государственным департаментом, его представителю Джеймсу Рубину был задан вопрос о резолюции Сербской Ассамблеи, в частности о том, что касалось «международного присутствия». Рубин сказал только следующее: «Я не слышал, чтобы кто-либо в нашем ведомстве нашел в этом какие-то светлые стороны». По-видимому, он вообще был не в курсе того, что «это» такое. Вероятно, «это» рассматривалось в его «ведомстве» как нечто несущественное, что вполне объяснимо в том случае, если США намеревались послать в Косово свои бомбардировщики.

Об этой части брифинга Рубина тоже, очевидно, ничего не сообщалось; насколько я знаю, «Обзор текущих событий» (рассылаемый основным изданиям) не содержал информации о данном брифинге¹¹.

Ответы на то, что бы «это» значило, с уверенностью могут дать фанатики, — их ответы будут разными, в зависимости от разновидности фанатизма. Но и для всех остальных есть способ найти ответ: он состоит в простом рассмотрении возможностей такого присутствия. Однако тандем США/Соединенное Королевство и его союзники не сочли возможным прибегнуть к этому способу, они выбрали бомбардировки со всеми их предвиденными последствиями.

Согласно общепринятой версии, «отказ Милошевича принять... и даже обсуждать международный миротворческий план (а именно соглашение в Рамбуйе) стал сигналом к натовским бомбардировкам, последовавшим 24 марта»¹². Термин «миротворческий план» обычно применяется к любым планам, которые в данный момент поддерживают США. Слово «международный» также требует уточнения. Данная статья — одна из многих, в которых без малейшего сомнения и даже с некоторыми преувеличениями осуждается сербская пропаганда.

Исходя из условий соглашения, мы можем сделать вывод, что 23 марта на столе переговоров лежали два миротворческих плана, неизвестных широкой публике: соглашение в Рамбуйе и резолюция Сербской Национальной Ассамблеи. Таким образом, мы можем придать еще одно измерение запоздалому признанию в том, что соглашение в Рамбуйе

закончилось «таким фатальным расколом», что «способствовало ускорению... этнической чистки в Косове» (см. прим. 9). Двадцать третьего марта, к моменту, когда было принято окончательное решение о бомбежках, существовало два мирных предложения, каждое из которых вело к «фатальному расколу», оставляя, однако, место и определенной возможности согласия, которое, наверное, могло бы привести к «участию обеих сторон в настоящему политических переговорах, способствующих предотвращению косовской катастрофы». Но только в том случае, если бы такой результат был целью. Не нужно большого дипломатического искусства, чтобы это понять, достаточно было одного желания познакомиться с двумя имеющимися планами, хотя американскому народу было отказано в этой возможности, ведь оба плана тогда скрывались от него (а один из них скрывается по сей день) до тех пор, пока не стало так поздно, что критическое вмешательство со стороны других лидеров уже ни к чему бы не привело.

Этот эпизод напоминает многие иные и, в частности, из числа тех, которые приходится на дозволенные нам временные рамки. Первое, что сразу приходит в голову, — события нескольких месяцев, которые в январе 1991 года привели к бомбардировкам Ирака, предпринятым с целью заставить его вывести свои войска из Кувейта. Очень скоро после иракского вторжения, состоявшегося в августе 1990-го, из некоторых источников в Вашингтоне просочилась информация об иракских предложениях по переговорам о выводе войск, которые эти источники расценивали как «серьезные» и «достойные обсуждения», включая предложение, поступившее в начале января, которое эксперты госдепартамента по Среднему Востоку сочли «серьезной позицией, указывающей на возможность переговоров» однако его «немедленно отверг» Вашингтон, несмотря на то, что оно оказалось очень близким к мнению американской общественности, выявленному в ходе опросов, непосредственно предшествовавших бомбардировкам. С необычным для свободного общества успехом эти предложения скрывались от глаз общественности¹³.

Следующий важный шаг в балканском дипломатическом процессе был предпринят 22 апреля, на широко разрекламированной встрече Милошевича с русским фаворитом Вашингтона Виктором Черномырдиным. О встрече сообщалось в материалах под такими заголовками, как «Окончание миротворческого визита русского: слабые признаки прогресса», «США и Великобритания отклоняют предложение сербов о роли ООН в Косове». Черномырдин объявил, что Милошевич согласился на «международное присутствие в Косове под эгидой Организации Объединенных Наций», которое обеспечило бы выполнение условий политического урегулирования, и что он в принципе согласился с «возможностью международного присутствия под эгидой ООН» в случае, если НАТО прекратит свои бомбардировки. Как сообщалось в прессе, «представители США и НАТО едва ли увидели в очевидном согласии Милошевича с Черномырдиным нечто большее... чем первые признаки надежды на то, что вызывающее поведение югославского президента, возможно, и впрямь постепенно сходит на нет под натовскими атаками». В хронологии событий после принятия мирного соглашения происшедшее 22 апреля характеризуется как «первый признак надлома в позиции югославов», поскольку Милошевич, как сообщалось, готов пойти на «международное присутствие» в Косове, но «представители альянса настаивают, что бомбардировки не должны прекращаться до тех пор, пока Белград не примет возглавляемые НАТО миротворческие силы, которые обеспечат защиту возвращающихся на родину беженцев». Считая «прогресс» в позиции Милошевича «недостаточным», США и

Соединенное Королевство тотчас отклонили предложение о международном присутствии под эгидой ООН и усилили бомбовые удары по гражданским объектам (в тот день телевидение было отрезано от эфира)¹⁴.

Вкратце дело было так: 22 апреля Милошевич повторил предложения Сербской Национальной Ассамблеи от 23 марта, на этот раз таким образом, что их нельзя было обойти молчанием, а именно, через российского посланника, фаворита Запада. Поскольку суть первого предложения, высказанного 23 марта, к тому времени еще не всплыла на поверхность и была известна очень незначительному кругу лиц, то его повторение можно было представить как знак того, что сила сработала, и Милошевич с его «вызывающим поведением» сдает позиции под натиском НАТО. А значит, надо применить еще больше насилия.

На другой встрече, состоявшейся неделю спустя, Черномырдин сообщил о «неуклонном прогрессе», — заголовок констатировал «Намеки на прогресс». Таким намеком и послужило повторное изложение сербами резолюции Национальной Ассамблеи, принятой 23 марта, теперь дополненное словами о «международной миссии ООН, невооруженной и гражданской»¹⁵.

В тот же день в «Таймс» было опубликовано интервью ЮПИ с Милошевичем, в котором он настаивал на «политическом процессе» и говорил, что «ООН, если пожелает, может направить в Косово сколь угодно масштабную миссию», свои «миротворческие силы» с «оружием для самообороны», но только не устраивать «оккупацию» в том духе, который «диктовала администрация Клинтона» в Рамбуйе: введение в Косово военного контингента численностью 28 000 человек с тяжелым вооружением. Милошевич также планировал уменьшить численность югославских вооруженных сил до уровня, предшествовавшего бомбардировкам, т. е. до 10–11 тысяч человек, настаивал на «возврате всех беженцев, независимо от их этнической или религиозной принадлежности», «свободном доступе верховного комиссара Объединенных Наций по делам беженцев и Международного Красного Креста» и продолжении переговоров с целью обеспечить «как можно более широкую автономию Косова в рамках Сербии»¹⁶.

Цитируя последнюю фразу, «Таймс» сообщала, что Милошевич «заимствует язык соглашений, предложенных в Рамбуйе». На самом деле, и это очень важно, он повторял язык именно не удостоенной внимания прессы резолюции Национальной Ассамблеи, принятой 23 марта и призывавшей к «политическому урегулированию по многим аспектам автономии» области. Предложения Милошевича, высказанные 30 апреля, в целом не выходили за рамки резолюции от 23 марта, они только конкретизировали ее.

Следующий акт этой драмы разыгрался 6 мая, когда «большая восьмерка» (основные страны Запада и Россия) выступила с официальным заявлением, о котором тотчас раструбила пресса. В нем звучали требования «немедленного и недвусмысленного прекращения насилия и репрессий», отзыва «военных, полицейских и военизированных формирований» (не указывалось, каких конкретно), «развертывания в Косове эффективного международного присутствия гражданского корпуса и сил безопасности, согласованного и утвержденного Организацией Объединенных Наций», «политического процесса,

направленного на создание промежуточного политического рамочного соглашения, обеспечивающего Косову достаточную степень самоуправления, с полным учетом содержания соглашений в Рамбуйе и принципов суверенитета и территориальной целостности Федеративной Республики Югославия, а также других стран региона» и демилитаризации ОАК.

Заявление «большой восьмерки» стало первым шагом к достижению компромисса между двумя планами, лежавшими на столе переговоров 23 марта. Оно модифицировало предложение сербского парламента, внося существенное дополнение о «присутствии сил безопасности», и отвергало основные требования ультиматума о военном и политическом контроле над Косовом, сформулированного в Рамбуйе. В заявлении «восьмерки» никак не упоминалось НАТО и звучали призывы к «учреждению в Косове временной администрации, состав которой будет определен Советом Безопасности Организации Объединенных Наций...», которому ранее Вашингтон отказывал в какой-либо роли в этом процессе¹⁷.

Этот компромисс изображался как победа самих США и Великобритании и оправдание применения силы. Заголовок передовицы «Таймс» звучал так: «Россия согласна с тем, что для надзора над Косовом нужна сила». Под ним помещались две статьи. Одну открывало высказывание о том, что «администрации Клинтона... сегодня удалось заполучить Россию в союзники», а вторую — следующие слова: «Запад и Россия сегодня впервые сошлись на том, что для поддержания хотя бы возможности мира в Косове там необходимо международное военное присутствие». «После достижения согласия усиливается и давление» на Милошевича, который теперь, когда русские оказались «в одной лодке с нами», остался в одиночестве. Ветеран пера «Бостон Глоуб» Джон Йемма отметил как первостатейное достижение то, что удалось «склонить Россию на позиции НАТО» по вопросу о «международном присутствии сил безопасности», которые сменяют на данном посту сербские силы, однако, «до прекращения бомбардировок» Милошевичу «придется хотя бы в принципе согласиться с планом „большой восьмерки“»¹⁸

Со стороны Сербии не последовало никаких официальных комментариев, но ее правительственная газета «опубликовала принципы „большой восьмерки“ на первой полосе»¹⁹. США, в свою очередь, не утвердили формулировки мирного предложения «восьмерки» и продолжили настаивать на своей прежней позиции, истолковывая все достижения в рамках мирного процесса как признаки того, что непокорные «с нами в одной лодке», правда, пока их недостаточно, поэтому бомбардировки надо продолжить.

Как только официальные лица Югославии объявили, что они примут основы плана «большой восьмерки», и потребовали Резолюции Совета Безопасности, которая строилась бы на них, НАТО вновь дало понять, что оно предпочитает бомбардировки, заявив, что «никакого послабления с нашей стороны не будет до тех пор, пока Югославия не примет требований мирового сообщества, которые обсуждению не подлежат». Представитель НАТО Джейми Ши заявил, что Милошевич, «как только мы начали воздушные атаки, стал отходить от своих прежних позиций, когда он почти полностью игнорировал мнение мирового сообщества, и начал, по крайней мере, говорить о том, что принимает ключевые требования „большой восьмерки“, которые воплощают в себе пять условий НАТО». Генерал Кларк добавил к этому следующее: «Я полагаю, что именно бомбардировки подстегивают дипломатию». В тот день

бомбовые удары пришлись на многолюдный мост, санаторий и группу сопровождения европейских журналистов²⁰.

Очень мало было упоминаний в прессе и о письме югославского министра иностранных дел Живадина Йовановича немецкому министру иностранных дел Йошке Фишеру, в котором «повторялось, что Югославия отныне принимает условия достижения мира, несколько недель назад определенные членами „большой восьмерки“». В этом письме, обнародованном Германией 1 июня, утверждалось, что «необходимо сейчас же положить конец воздушным ударам НАТО и сосредоточиться на вопросах политической повестки дня, направленных на достижение прочного и долговременного политического урегулирования», и вновь говорилось, что ФРГ «приняла принципы „большой восьмерки“, включая присутствие сил Организации Объединенных Наций, полномочия и другие аспекты которых будут определены в резолюции Совета Безопасности Объединенных Наций в соответствии с Хартией ООН»²¹.

Третьего июня мирное соглашение по Косову было подписано НАТО и Сербией. Восьмого июня «большой восьмеркой» был одобрен проект резолюции Совета Безопасности, которая предписывала воплотить это соглашение в жизнь²².

Существуют две версии мирного соглашения по Косову и резолюции ООН: 1) их тексты и 2) интерпретации США/НАТО. Как это обычно бывает, они отличаются друг от друга. Давайте рассмотрим сначала тексты (воспользовавшись текстом соглашения, предоставленным Госдепартаментом), а затем обратимся к интерпретациям.

Как, вероятно, и следовало ожидать, Соглашение является компромиссом между двумя миротворческими планами 23 марта.

США и НАТО отказались от своих основных требований, указанных нами выше и побудивших Сербию отклонить ультиматум: полная военная оккупация и полный политический контроль над Косовом со стороны НАТО, а также свободный доступ НАТО по всей остальной территории ФРГ. Санкцию на подобный доступ не получили и силы безопасности, которые планировалось развернуть в Косове. Те формулировки соглашения в Рамбуйе, которые трактовались как призыв к референдуму по вопросу о независимости, также были опущены.

Сербия согласилась на «международное присутствие сил безопасности при существенном участии НАТО», и это было единственным упоминанием Североатлантического Союза.

Что касается Косова, то политический контроль над ним должен был сосредоточиваться не в руках НАТО, ОБСЕ или Сербии, а в руках Совета Безопасности ООН, которому предстояло учредить в Косове «временную администрацию». Военный контроль должно было выполнять «присутствие международных сил безопасности», которые будут развернуты «под эгидой ООН», «под единым командованием и контролем», без более подробных указаний. О выводе югославских вооруженных сил говорилось не столь детально, как в соглашении в Рамбуйе, но аналогично по сути, хотя теперь речь шла о более ускоренном выводе. В остальной части воспроизводились пункты, которые были схожими в обоих планах 23 марта.

В дополнении к тексту, не включенном в версии Государственного Департамента и сербского парламента, формулировалась «позиция России, [состоящая в том, что] российский контингент ВС не будет подчиняться командованию НАТО, и его взаимоотношения с международным присутствием будут регулироваться соответствующими дополнительными соглашениями»²³.

В этой итоговой версии 3 июня предполагалось, что дипломатические инициативы, по-видимому, достигли своей цели еще 23 марта, отведя от человечества ужасную катастрофу, последствия которой, во многих отношениях весьма печальные, еще долго будут сказываться в Югославии и других местах. Ознакомившись с двумя миротворческими планами, открытыми к этому времени для широкой общественности (открытыми в принципе, но фактически доступными далеко не для всех), можно было понять, что перспектива дипломатического решения конфликта с самого начала являлась весьма вероятной, что в конечном счете, спустя несколько недель, было признано и публично, по крайней мере, в некоторых официальных кругах (см. прим. 9). Положение вещей в июне, конечно, отличалось от ситуации 23 марта. Заголовок статьи в номере «Таймс», вышедшем в день принятия итогового соглашения по Косову, точно схватывает типичные черты этого периода: «Косовские проблемы только начинаются». В число «сложнейших проблем», которые ждут впереди, по мнению Серджа Шмеманна, входит репатриация беженцев «в страну могил и пепла, которая была их родиной» и «чрезвычайно дорогостоящая задача восстановления разоренной экономики Косова, всей остальной Сербии и их соседей». Он цитирует историка Балкан Сьюзен Вудворд из Института Брукингса, которая особо упирает на то, «что все люди, которые, как мы полагаем, должны помочь нам в восстановлении стабильности в Косове, совершенно подавлены последствиями бомбардировок», в результате которых контроль над ситуацией оказывается полностью сосредоточенным в руках ОАК. Вспомним, что Вашингтон осудил ОАК, назвав ее «террористической группировкой», когда в феврале 1998 года она перешла в организованное наступление; это, очевидно, было воспринято Милошевичем как «зеленая улица» для жестоких репрессий, которые вылились в почти колумбийский разгул насилия в преддверии натовских бомбардировок, способствовавших еще более резкой их эскалации до уровней, аналогичных тем, что в середине 90-х гг. при помощи Вашингтона были достигнуты внутри самого НАТО.

Это «сложнейшие проблемы» новы. Ведь они возникли уже как «следствия бомбардировок» и яростной реакции на них со стороны сербов, хотя проблемы, предшествовавшие натовскому решению применить силу, тоже были достаточно тревожными.

Резолюция Совета Безопасности, одобренная без существенных поправок, включает в себя соглашение «большой восьмерки» от 6 мая, которое было принято Сербией (Приложение 1), и мирное соглашение по Косову от 3 июня (Приложение 2). В первом нет ни слова о НАТО, во втором НАТО упоминается только так, как мы говорили выше. В самой резолюции НАТО также не упоминается, она в значительной мере воспроизводит основные условия мирного соглашения по Косову.

В информации «Нью-Йорк Таймс» о проекте резолюции ООН несколько раз упоминается «примечание, касающееся доли натовских сил безопасности в их общем международном контингенте», которое не вошло ни в окончательную резолюцию Совета Безопасности, ни в

версию Соглашения, принятую парламентом Сербии. Здесь не сказано, что оно было опущено и в тексте Соглашения, представленного Госдепартаментом и опубликованного в «Таймс». Какую бы роль ни играло это опущенное примечание, нам придется снова вспомнить о разнице между его буквой и его интерпретацией. В оригинальном тексте есть следующая формулировка: «Международные силы безопасности „с существенным участием НАТО“ понимаются НАТО как силы, подчиняющиеся единому командованию и контролю, центром которого является НАТО. Это, в свою очередь, означает единую цепь командования НАТО, находящегося под политическим руководством НАК [Северо-Атлантического Совета]... Подразделения НАТО будут подчиняться приказам НАТО»²⁴.

Эта формулировка в значительной степени воспроизводит условия соглашения в Рамбуйе, указанные нами выше, и радикально расходится с текстом Соглашения, предоставленным Госдепартаментом и принятым Сербией, хотя и в нем, вероятно, отражается исключительно то, как вопрос «понимается НАТО». Через несколько дней это примечание было заново сформулировано в «Нью-Йорк Таймс», чтобы перевести «понимание НАТО» на язык реальности: «Из окончательной версии проекта исчезло примечание к ранней версии, в котором расшифровывалось, каким образом силы безопасности „будут иметь своим „центром НАТО“. Ключевое предложение, в котором говорилось, что это значит подчиняться „единому командованию НАТО“, также было опущено»²⁵.

Как только данный факт получил более удовлетворительную интерпретацию, пресса стала праздновать величайшую победу цивилизованных государств и их лидеров. В резюме «ключевых целей» соглашения, напечатанном на первой полосе «Нью-Йорк Таймс», в числе таковых было названо «учреждение корпуса миротворческих сил под эгидой НАТО». Наконец-то «Милошевич покоряется ключевым условиям НАТО», — гласил заголовок передовицы, — в итоге он вынужден «принять условия НАТО». Благодаря соглашению, «натовские миротворческие силы, известные как KFOR, в конечном счете займут весь край целиком», «что будет означать оккупацию Косова войсками НАТО». Особенно важным было то, что Милошевич соглашается с «натовским контролем» на оккупированной НАТО территории. Как сказал представитель НАТО Джейми Ши, «с контролем НАТО все ясно». Соглашение гарантирует «единство сил, подчиняющихся единой цепи командования» под эгидой НАТО. В сводках новостей восторженно сообщалось, что Милошевичу пришлось сдаться на милость «сил, возглавляемых НАТО» и «пойти на сделку, которая была для него похуже той, что могла бы состояться» прежде, чем бомбардировки «опустошили его страну», хотя сейчас «западные нации обдумывают новые условия военного руководства, призванные смягчить обеспокоенность России относительно ее участия в силах безопасности, развернутых в Косове под эгидой НАТО»²⁶.

Между делом отметим, что ежедневные выходы в эфир господина Ши в качестве британского представителя НАТО совершаются в одной и той же шаблонной манере, пионером которой во время Первой мировой войны стало британское министерство информации: оно тайно формулировало свою задачу как «определение хода мысли большинства людей в мире», — и в первую очередь хода мысли американских интеллектуалов, помощь которых была необходима британцам для того, чтобы вызвать в пацифистски настроенном населении ура-патриотическую лихорадку войны, и по их же собственным самонадеянным заявлениям, такая помощь оказывалась им с большим

успехом²⁷. Вполне вероятно, что Ши следовал данной модели сознательно. Он «талантливо усвоил то, что сам называет „техниками массового убеждения“», как сообщалось в его биографическом очерке, опубликованном в «Вашингтон Пост» по окончании конфликта, и является «автором докторской диссертации о роли европейских интеллектуалов в подготовке общественного мнения в пользу первой мировой войны...»²⁸.

Далее в биографическом очерке говорится о том, что у Ши есть целый список «„охотников за головами“, которые в течение двух последних месяцев звонили ему, предлагая выгодные возможности трудоустройства в частных компаниях» и делая предложения, которые он мог бы принять еще «до того, как начнет блекнуть его загар». Если так, то он продолжит традицию, которая колоссальным образом повлияла на ход двадцатого века. Грандиозная индустрия рекламы и паблик рилэйшнз, приемов политической «войны», которую вела британская консервативная партия, желая отразить нарастающую угрозу демократии, и проекты «выработки согласия», рекомендуемые и осуществляемые с той же целью «ответственными интеллектуалами», как они сами себя называли, вполне целенаправленно строились на успехах англо-американских государственных органов пропаганды. Кое-кому из их участников удалось достичь широкой славы и влияния (особенно Уолтеру Липпману, мэтру американской журналистики и чрезвычайно уважаемому комментатору с полувековым стажем, а также Эдварду Бернайсу, одному из основателей индустрии паблик рилэйшнз).

«Нью-Йорк Таймс» предупреждала Вашингтон о том, что ему следует «опасаться» принятия «слабой» резолюции Совета Безопасности, в котором его роль не будет четко определена, и «обеспечить, чтобы резолюция по Косову прочно придерживалась мирного плана» от 3 июня, который, «помимо всего прочего, означает, что миротворческие силы должны управляться цепочкой командования НАТО», «общее командование должно быть сохранено за западными нациями», хотя им «лучше было бы» получить полномочия от Совета Безопасности, чтобы «рассеять ощущение, будто присутствие [миротворцев] есть дело рук исключительно американцев или НАТО». В другой информации подчеркивался главный урок войны, состоящий в том, что «бомбардировки приносят плоды». Бомбы и снаряды заставили Милошевича «капитулировать», «признать поражение» и принять «условия НАТО»²⁹.

Резолюция Совета Безопасности была принята десятого июня в соответствии с уже рассмотренным проектом, санкционирующим развертывание сил безопасности с участием НАТО и под эгидой ООН. В материале под заголовком «Совет Безопасности поддерживает план мира и присутствия миротворческих сил под руководством НАТО» Джудит Миллер сообщает, что Совет Безопасности принял резолюцию о «направлении в Косово большого контингента возглавляемых НАТО миротворческих сил», резолюцию, которая «делает мирный план и возглавляемые НАТО военные операции в Косове легитимными с точки зрения Организации Объединенных Наций»³⁰.

Это не совсем то, что говорится в подлинных текстах. Это другая история — куда более полезная, чем факты. Поскольку основания для данной версии достаточно тверды, то все попытки придерживаться подлинников будут толковаться как, например, «вызов России НАТО» или «хитрые уловки сербов». А то, что США и НАТО в одностороннем порядке навязывают всем свои собственные правила, напротив, будет расцениваться как их строгая

приверженность тем самым соглашениям, которые на самом деле они нарушают. Так разворачивались события в последующие дни и, вероятно, так они будут происходить и далее в мире, где правит сила, а значения слов определяются игрой мускулов.

Единственным серьезным предметом дебатов стал следующий вопрос: достаточно ли данный результат подтверждает тезис о том, что достичь высокоморальных целей, которым привержены цивилизованные государства, можно только воздушной мощью, или, как заявляли критики, которым позволили вмешиваться в дебаты, это еще требуется доказать. Что касается критиков, то их газета «Бостон Глоуб» признала неправыми, в то время как Клинтон и командование НАТО, с их точки зрения, напротив, доказали свою правоту. Полученные результаты показывают, по мнению газеты, что «только воздушной мощью можно одержать победу... даже несмотря на то, что эта мощь не спасла полтора миллиона косоваров от изгнания» — «изгнания» вследствие бомбежек, как ранее было предсказано, а затем и признано, но вскоре благополучно забыто. Ведущий либеральный обозреватель с восторгом утверждал, будто лидеры цивилизованных государств «сделали верную ставку» на то, что «только воздушная мощь нанесет поражение Милошевичу». который «заварил всю эту кашу, изгнав со своей родины миллион этнических албанцев» — после бомбежек, горячо им поддерживаемых. Многие другие высказывались на эту тему в том же духе, демонстрируя общее согласие с тем, что именно в результате натовских бомбардировок Милошевич «сдался почти безоговорочно, насколько это вообще можно себе представить»³¹.

«Джон Киган, очень авторитетный военный историк и редактор отдела обороны лондонской „Дейли телеграф“, на прошлой неделе благородно признал, что мог быть не прав, говоря, что одной лишь военно-воздушной мощью нельзя выиграть войну», — писал Энтони Льюис в своей победной оде «Когда похвала бывает заслуженной», воздающей триумфальные почести Клинтону. На левом полюсе мнений, в рамках допустимого несогласия, мог быть поставлен только один вопрос: успешны ли тактические приемы, используемые сильными мира сего? Иногда они выглядят неадекватными, как это было во Вьетнаме, когда спустя полтора года после начала войны Уолл-Стрит распорядился прекратить ее, поскольку она оказалась чересчур дорогостоящей, а Льюис благородно признал, что, хотя вмешательство США в данном случае представляло собой «неловкую попытку сделать как лучше», — еще один тезис, считающийся верным по определению и не требующий доказательств, — «к 1969 году почти всему миру, и в том числе большинству американцев, стало понятно, что интервенция явилась „трагической ошибкой“, что Соединенные Штаты неверно интерпретировали культурные и политические факторы, которые действуют в Индокитае, и что США находились в таком положении, которое не позволяло им навязать свое решение иначе как ценой величайших собственных потерь». Данное обстоятельство всегда служило аргументом против этой войны, объясняет Киган. Поэтому совсем необязательно прислушиваться к мнению многочисленной общественности, считающей, что война была не просто «ошибкой», а «в основе своей неверным и безнравственным» решением, — такая позиция тоже существовала на протяжении всех 1990-х годов, не получая открытого выражения³².

Мнение большинства нельзя интерпретировать аналогично мнению элиты. Поэтому его численные показатели трактуются как свидетельствующие о «предпочтении избежать

тяжелой ноши, связанной с интервенциями на иностранные территории», — здесь речь идет о совсем иных «издержках», но по крайней мере звучит такая интерпретация вполне в духе общепринятой идеологии³³.

Киган действительно весьма информированный и авторитетный военный историк, и то, что он говорит, заслуживает внимания: «Победа, одержанная на Балканах военно-воздушными силами, является не просто победой НАТО или победой во имя „моральной причины“, из-за которой велась война. Это победа во имя нового миропорядка, провозглашенного Бушем по окончании войны в Персидском заливе, по поводу которого с тех пор звучало столько иронии... Если Милошевич действительно проиграл, то остальным потенциальным Милошевичам всего мира придется пересмотреть свои планы, [признав], что отныне на земле нет таких мест, жителей которых нельзя было бы подвергнуть столь же жестоким мучениям, какие в последние шесть недель пришлось испытать сербам. Из этого, вероятно, можно сделать вывод, что ни один разумный правитель теперь не выберет таких преступлений, за которые последует подобное наказание. Сегодня мировой порядок выглядит более защищенным, чем еще за день до начала бомбардировок».

Во время войны в Персидском заливе Киган объяснил, почему Англия столь охотно участвует в вашингтонских крестовых походах: «У Британии есть более чем двухсотлетняя традиция совершать военные походы за моря, сражаться с африканцами, китайцами, индийцами, арабами. Такие вещи британцы воспринимают как нечто само собой разумеющееся», и война в Заливе «благодаря британцам огласилась чрезвычайно знакомыми звуками имперских колоколов», поскольку так вообще принято вести войну — по крайней мере у тех, кто не выбирает «сознательного игнорирования»³⁴.

Наблюдения Кигана пронизательны, но требуют некоторых толкований и комментариев. Безусловно, это был первый раз, когда военно-воздушные силы использовались для того, чтобы «разбомбить черномазых» до полной капитуляции. Но, как должны, наверное, понимать британские военные историки, славная победа 1999 года служит примером той самой стратегии, пионером которой после Первой мировой Войны стала Великобритания, применившая ее весьма безуспешно: тогда она уповала на воздушную мощь и отравляющие вещества, используя их с целью усмирить «непокорных арабов» и другие «нецивилизованные племена», вызвавшие гнев Уинстона Черчилля (отравляющие вещества уже применялись британскими вооруженными силами во время интервенции в Россию, причем, согласно отчетам высшего британского командования, довольно успешно)³⁵. Однако средства, доступные в те времена, были примитивными, и современные технологии, несомненно, преодолели большинство их недостатков.

Оценку Кигана, наверное, можно считать реалистической, если понимать цели и значение нового мирового порядка так, как они изложены в важном документальном свидетельстве 90-х, которое, как правило, остается вне поля зрения исследователей (см. главу 6), и как они понимаются в контексте многочисленных эмпирических доказательств, позволяющих нам глубже осознать смысл выражения «Милошевичи всего мира». Касаясь только регион на вокруг Косова, критики обделяют вниманием глобальные операции по этнической чистке и другие дикие жестокости, творящиеся в пределах самого НАТО, в рамках европейской юрисдикции и при решающей и усиливающейся поддержке со стороны США, — причем в

данном случае вовсе не в качестве яростного ответа на удары самых мощных вооруженных сил мира или на реальную угрозу нападения. Подобные преступления в условиях нового миропорядка вполне законны и, видимо, даже похвальны, как и все прочие зверства, совершаемые в соответствии с осознанными интересами правящих кругов цивилизованных государств и так регулярно, как это бывает необходимо. Такие факты, отнюдь не кажущиеся сомнительными, если не смотреть на них сквозь защитную пелену «сознательного игнорирования», доказывают, что в рамках «нового интернационализма... с грубым подавлением целых этнических групп» не просто можно «мириться», но и вполне допустимо ему активно способствовать, — в точности как при «старом интернационализме» «священного союза Европы», самих США и многих других наших выдающихся предшественников.

Вернемся к тому, как «выглядит мировой порядок» снаружи — для тех, кто находится за пределами цивилизованных государств, — а также изнутри, то есть с точки зрения его главных проектировщиков.

Другие исследователи тоже мыслят обобщенными категориями. «Воздушные удары НАТО, возможно, навсегда изменили старые правила ведения войны», — размышляет Филипп Стивене³⁶. Любопытно слышать подобный комментарий от британского аналитика, которому едва ли незнакома британская история «резервирования за собой права бомбить черномазых», и который должен без труда понимать, почему пресса в бывших британских колониях советовала американским вооруженным силам, когда они творили массовые убийства на Филиппинах, продолжать «резню коренного населения на английский манер», с тем чтобы «заблудшие создания», оказывающие нам сопротивление, в конце концов «прониклись уважением к нашей силе», а затем сподобились осознать, что мы желаем им «свободы» и «счастья»³⁷. Новые законы войны остаются законами старой европейской цивилизации, и нельзя говорить, что у них нет аналогов и предшественников.

Некоторые обозреватели выражали тревогу о судьбе ОАК, которую было решено «демилитаризовать», но не «разоружить», как объясняли высокие Должностные лица, — различие весьма туманное, учитывая, что у нее было только легкое вооружение. Вопрос о том, не лучше ли превратить ее в «мирное полицейское формирование», чем оставить «раздражающим для НАТО» фактором, был задан корреспондентом Джоном Йемма, опирающимся на опыт Среднего Востока. Лучшей участью для ОАК стало бы «преобразование ее из партизанской армии в силы безопасности мирного времени, как это было сделано с большей частью Организации Освобождения Палестины»³⁸. Йемма предложил модель, которую жестко осудили международные, израильские и палестинские правозащитные организации как чреватую насилием, пытками, террором и репрессиями и «создающую атмосферу страха и подозрительности»³⁹, — но в данном случае она была делом стоящим, могущим послужить вашингтонскому «процессу мирного урегулирования» палестино-израильского конфликта. Соглашение в Ва-Ривер, заключенное в октябре — ноябре 1998 года в рамках американо-израильской программы эффективного захвата власти на оккупированных территориях, явилось, возможно, первым договором в летописи международных отношений, который фактически санкционировал государственный террор и грубейшее попрание прав человека в целях обеспечения безопасности для определенной части населения. Данное соглашение, разумеется, было встречено со священным

благоговением, а Клинтон превозносился как «незаменимый человек», который «отмечает наши высоконравственные позиции реальными вехами» и делает это в «бравой, по-американски оптимистической» манере, тем самым «привязывая к жизни хваленый американский идеализм»⁴⁰.

Те, кто внимательно следил за эволюцией «мирного процесса», навязываемого США другим странам, придут к пониманию того, что модель, предлагаемая сегодня для Косова, сама по себе создана по образу и подобию функций и поведения «черной полиции» южно-африканских «бантустанов» в худшую пору апартеида — тридцать пять лет назад. Это представляется достаточно очевидным, хотя можно что угодно думать о вашингтонском «процессе мирного урегулирования» палестино-израильского конфликта.

Возвращаясь к мирному соглашению по Косову, можно с уверенностью утверждать, что средства массовой информации и комментаторы занимают реалистические позиции, когда представляют версию США и НАТО как факт. Поскольку, как бы ни различались вашингтонские версии с оригинальными текстами, первые, вероятно, превалируют потому, что непосредственно вытекают из распределения власти и готовности средств формирования мнения обслуживать ее потребности. В частности, различия между соглашением в Рамбуйе и мирным договором по Косову можно уладить с помощью силы, и тогда основные условия Рамбуйе станут действующими условиями договора по Косову: и в самих документах, и в их подаче комментаторами, и, возможно, в будущих учебниках истории. Соглашение по Косову и резолюция Совета Безопасности утверждают, что военно-политический контроль над Косовом сосредоточивается в руках Объединенных Наций, но для тех, кто правит миром, данные условия неприемлемы. Можно не сомневаться в том, что, несмотря на все успокоительные заверения, в итоге победит требование, сформулированное в Рамбуйе, чтобы НАТО оккупировало территорию под политическим и военным наблюдением Североатлантического Совета и поддерживало эффективный контроль над гражданскими делами.

Это явление типичное. Оно обрело классическое литературное выражение еще несколько веков назад, когда Паскаль в своей сатире на казуистику в качестве самого эффективного механизма, посредством которого сильные мира сего могут горделиво отстаивать свои принципы, при этом изменяя им на практике, выделил так называемую «выгодность интерпретаций». Более грубая разновидность данного механизма, характерная для современных тоталитарных государств, была обозначена Оруэллом как «новояз»⁴¹. На практике это явление нам хорошо знакомо, — в частности, можно назвать недавние убедительные примеры из истории Индокитая и Центральной Америки, где дипломатические инициативы в мгновение ока отменялись посредством силы.

Применение силы с видимой целью спугнуть дипломатию или придать ей определенную форму обсуждалось и в период войн в Индокитае⁴². После заключения в январе 1973 года парижского мирного договора, который должен был положить конец этим войнам, такая практика из кажущейся стала откровенной. В октябре 1972-го между США и Северным Вьетнамом было достигнуто тайное соглашение, но затем Вашингтон отказался от него, обвиняя в этом Вьетнам. Рождественские бомбардировки декабря 1972 года были предприняты для того, чтобы заставить Ханой отклонить октябрьское соглашение и пойти

на условия, которые в большей мере устраивали Вашингтон. Поскольку эта тактика не достигла цели, США, хотя и чисто формально, согласились примерно на те же условия, которые были определены в январе 1973 года Киссинджер и Белый Дом сразу сделали прозрачное заявление о том, что они собираются нарушать все значимые пункты мирного договора, который согласны подписать в данный момент и который представляет собой версию, совершенно отличную от их условий. Это последнее мнение было подхвачено прессой и комментаторами.

США оперативно прибегли к насилию, достаточному для того, чтобы переформулировать Договор с учетом условий, которые больше устраивали их самих. Когда вьетнамский враг, наконец, ответил на серьезные нарушения договора Соединенными Штатами и режимом, находящимся под их покровительством, о Ханое стали отзываться с большим негодованием как о неисправимом агрессоре, которого следует наказать еще раз. Суровым наказаниям, предлоги для которых менялись по мере обстоятельств, в последующие годы был подвергнут весь Индокитай, и они продолжают до сих пор, а версии событий, навязываемые сильными мира сего, в интеллектуальной культуре с успехом занимают место фактов. Перед нами подлинный триумф «выгодности интерпретаций»⁴³.

Подобные трагедия и фарс были разыграны вновь в пору центрально-американских войн 1980-х гг. Администрация Рейгана стремилась подорвать многократные дипломатические попытки решать конфликты и делала это посредством процедуры, которую пресса и правительство часто определяли как «содействие мирному процессу». Нужда в подрыве мирного урегулирования стала особенно острой, когда центрально-американские президенты, несмотря на сильные позиции США в регионе, в августе 1987-го ратифицировали соглашение в Эскипуласе (так называемый «план Ариаса»). Вашингтон тотчас начал эскалацию своих войн в нарушение одного из «неотъемлемых элементов» соглашения, безнаказанно, благодаря содействию средств массовой информации. Одновременно с помощью угроз и силы он продолжал отменять и другие условия данного соглашения, преуспев настолько, что через несколько месяцев, к январю 1988 года, от первоначального текста документа ничего не осталось, и на смену ему пришла американская версия. Вашингтон и далее подрывал дипломатические попытки, предпринимаемые обитателями этих «не самых значимых» уголков мира, покуда не одержал окончательную победу над полностью разоренным регионом. Вашингтонская версия соглашения, которая резко отличалась от оригинала в самых существенных аспектах, стала общепризнанной версией. Подобный результат мог быть возведен только в таких заголовках, как «Победа честной игры США» и американцев, «Единых в радости» на крови и руинах, а обозреватели фонтанировали заявлениями типа «мы живем в романтическую эпоху», что в совокупности должно было отражать всеобщую эйфорию по поводу удачно исполненной миссии⁴⁴.

Другим подходящим, уже упоминавшимся нами примером, служит вторжение Израиля в Ливан, совершенное при поддержке США в 1982 году, цель которого состояла в подрыве «угрозы» дипломатического решения конфликта, что могло бы спутать США и Израилю планы относительно интеграции выгодных частей оккупированной территории с Израилем. С самого начала эта ситуация широко обсуждалась израильскими учеными, политическими деятелями и комментаторами. Однако она не вошла в летопись более опытного лидера

свободного мира, где возобладала иная версия, согласно которой это государство, патронируемое США, просто стремилось защитить себя от международного терроризма⁴⁵.

Неблагодарная задача — рассматривать эти и многие другие подобные им примеры в ретроспективе. Есть основания полагать, что и в случае Косова события вряд ли будут развиваться иначе, — правда, при неизменном и решающем условии: если мы позволим им развиваться как всегда.

Не успели высохнуть чернила подписей под мирным соглашением по Косову, как в ход пошли традиционные методы. НАТО провозгласило, что «усилит бомбардировки», так как сербы пытаются уклониться от выполнения «безоговорочных» требований, выдвинутых его представителями, а пресса запестрела заголовками: «Сербы упорствуют в деталях» и «Похоже, что сербы хотят настоять на роли ООН». «По сути Югославия, [как сказал заместитель министра иностранных дел ФРЮ], усмотрела в соглашении требование „развернуть международное присутствие сил безопасности под эгидой ООН или присутствие таковых, учрежденное под мандатом Совета Безопасности“». Эти факты можно было представить иным образом: «По сути Югославия настаивала на нынешней формулировке мирного соглашения по Косову, которое призывало „развернуть в Косове эффективное присутствие международных гражданских сил и сил безопасности, находящихся под эгидой ООН и действующих так, как определит Совет Безопасности ООН, отвергающий „безоговорочные“ требования НАТО, которые противоречат мирному соглашению, объявленному представителями США недействительным“». По официальной же версии, Милошевич «встает в позу» и пробует «выгадать время», пока югославские генералы пытаются «передать контроль над провинцией Сербии Объединенным Нациям, а не НАТО», лицемерно призывая якобы к соблюдению пунктов подписанного Соглашения, и таким образом предпочитая «настаивать на роли ООН», чем подчиняться приказам сверху⁴⁶.

Дополнительное сообщение было озаглавлено «Сложный момент для сербов: ни слова о роли ООН». В нем как бы подразумевается, что для США и его средств массовой информации этот момент вовсе не сложный, поскольку официальные договоренности, которые не только упоминают «о роли ООН», но и отводят ей ключевое место во всем процессе, в свете всегдашней привычки Вашингтона к немедленному дезавуированию подписанных им документов являются не более чем пустой бумажкой, в то время как сама эта привычка — очередным выражением традиционного презрения сильных мира сего к серьезным договорам, Организации Объединенных Наций и институтам международного законодательства в целом. Поэтому сербы и «увеливают», когда их представители на переговорах «упорствуют из-за отсутствия всякого упоминания о роли Объединенных Наций в развертывании миротворческих сил в Косове», не желая смириться с шестью страницами «безоговорочных» натовских требований, которые были «вычленены» из мирного соглашения по Косову — на самом деле посредством подмены его ключевых условий совершенно противоположными требованиями НАТО.

По верному наблюдению корреспондентки Элизабет Беккер, «как бы политики ни решали вопрос относительно Организации Объединенных Наций, НАТО все равно будет командовать» миротворческими силами. Это очень похоже на правду и является очередной

демонстрацией принципа «нового гуманизма», равно как и принципов его выдающихся предшественников: миром правит сила, прикрываемая вуалью нравственных целей, которую ткнут представители образованного сословия, во все исторические периоды проникновенно вещающие нам о «рубеже в международных отношениях», «новой эре» справедливости и правоты, торжествующих под чутким руководством цивилизованных государств и по чистой случайности принадлежащих именно им⁴⁷.

Привычка «увиливать» и лицемерить, по-видимому, характерна не только для сербов, но и для славян в целом. О русских тоже сообщалось, что они «упорствуют» в поддержке резолюции ООН, которая вменяет политический и военный контроль над Косовом Совету Безопасности. «Упорство» русских выразилось в их стремлении настоять на том, чтобы «Объединенным Нациям была отведена определенная роль в миротворческом процессе», как того требуют соглашение по Косову и резолюция Совета Безопасности, — точнее говоря, главная роль. Но русские не такие плохие, как сербы: «во всяком случае, русские помогли достичь договоренности с Югославией», даже несмотря на то, что в целом они препятствуют процессу своей грубой тактикой, то есть попытками настаивать на условиях ранее подписанных документов.

Некоторую дозу реальности в эти трактовки внес «высокопоставленный член администрации президента Клинтона», который заявил, что согласно резолюции мы в итоге должны получить единое командование и контроль под эгидой НАТО и смиренное согласие Объединенных Наций с этой неоспоримой данностью. «Пусть слово „НАТО“ и не упоминается в резолюции, — заявил сей государственный муж, — но в одном из разделов проекта говорится, что операция будет осуществляться заинтересованными международными организациями и государствами, входящими в их состав». Именно так там и говорится, но без указания на особую роль НАТО, а с указанием на то, что за проведение операции ответственна Организация Объединенных Наций; нет в этом разделе и «опущенного примечания», гласящего, что суть договоренностей «понимается НАТО» как «учреждение единой цепочки командования НАТО под политическим руководством» Североатлантического Совета и при условиях соглашения в Рамбуйе, от которых НАТО отказалось чисто формально. В реальном мире, в отличие от мира торжественных договоренностей, «мы уже перешли Рубикон, приняв бесповоротное решение, что ООН не будет руководить операцией», — объяснил представитель Государственного департамента Джеймс Рубин. Поэтому, что бы там буквально ни гласили положения резолюции, она требует от нас «ввода войск численностью 50 000 человек под командованием НАТО», — сообщает Джон Броудер в материале под заголовком «Оптимизм и новый реализм на переговорах о выводе югославской армии»⁴⁸.

«Милошевич пытается искать в своем поражении зерна победы», — с грозным осуждением говорил британский министр обороны Джордж Робертсон, упрекая сербского лидера в «вероломстве» и «процедурном ловкачестве» и выражая «возмущение американцев и британцев по поводу отказа югославских военачальников принять военные условия НАТО», то есть «безоговорочное» требование, согласно которому именно НАТО должно руководить оккупацией Косова, чтобы там ни говорили подписанные документы. Россия по-прежнему «видимо, поддерживает» попытки сербов «вернуться к договору», сообщалось в прессе, поскольку Россия настаивает на том, что «Совет Безопасности... является единственным

институтом, ведающим масштабами, формами и полномочиями международного присутствия» во ФРЮ, «в соответствии с политическими договоренностями и принципами, определенными в Белграде» финским президентом Марти Ахтисаари, представлявшим там требования «большой восьмерки»⁴⁹.

Пусть НАТО действительно не упоминается в резолюции, — кроме текста приложения, воспроизводящего содержание мирного соглашения по Косову, — но под диктатом Вашингтона значение обоих документов получает однозначную трактовку. Относительно «примечания» к соглашению по Косову, опущенного в тексте резолюции (и в тексте соглашения для Госдепартамента), то его содержание вскоре было усовершенствовано: как мы уже видели, из него исчезла еще и фраза «понимается НАТО». Теперь «ключевое предложение из примечания» звучит так: «Это, в свою очередь, означает единую цепочку командования НАТО под политическим контролем Североатлантического Совета». В данных словах (опущенных) текста и заключается то, что «понимается НАТО»; теперь же натовская трактовка превратилась в факт, несмотря на то, что хитрый Милошевич «мог бы использовать такую неконкретность, чтобы не спешить соглашаться с любыми из мер, которые не были расшифрованы в резолюции». Высокий чиновник НАТО предупреждал, что сербы могут не принять ничего такого, «что будет выходить за рамки резолюции Совета Безопасности». Как и в те времена, когда «священный союз Европы» выполнял свою цивилизующую миссию, сербы остаются «восточными людьми, а значит лгунами, ловкачами и мастерами по части отговорок»⁵⁰.

События шли своим чередом, и «натовские миротворческие войска были введены в Косово» на «вертолетах „Чинук“ с британскими и гуркхскими (непальскими) десантниками на борту», за которыми следовали колонны тяжелого вооружения и пехоты. В беззастенчивом упоминании в этом контексте таких народностей, как чинуки и гуркхи, не удостоившемся ни малейшего комментария, вновь проявилось торжество имперского насилия и этнических чисток. Но «возглавляемая НАТО миротворческая миссия, утвержденная на прошлой неделе Советом Безопасности Объединенных Наций», испытала сильнейший шок, когда «непокорная Москва вновь бросила вызов Западу», несколькими часами ранее направив в Косово небольшой контингент своих войск. «Сегодня всех встревожило... публичное предупреждение высокого чиновника [российского] Министерства обороны о том, что Москва, вероятно, примет одностороннее решение об отправке своих войск в Косово в случае, если НАТО не прекратит настаивать на том, чтобы ему подчинялись все развернутые там силы», — т. е. упорствовать в нарушении мирного соглашения и резолюции Совета Безопасности. Русские «поддержали Белград в его требовании, чтобы миротворцы служили под флагом ООН» в соответствии с формальными договоренностями, но в нарушение корректной интерпретации документов. В связи с этими событиями встал ряд серьезных вопросов о том, «кто решает» в России, и сможет ли все еще опасный медведь по-прежнему жить согласно своим обязательствам, точнее их интерпретации правящими казуистами⁵¹.

Итак, все системы, по-видимому, оказались на своих местах и заработали так скоро, как этого и можно было ожидать, исходя из не столь давних прецедентов. Требования США и НАТО стали фактами, из чего, конечно, не следует, что Сербия не попытается продолжить свою игру, хотя, не имея достаточно власти и силовых средств, она вряд ли преуспеет в этом больше, чем все те, кто в свое время также нарушил волю хозяина.

Пресса же с неизменной корректностью продолжает осуждать сербскую «пропагандистскую машину, которая настроила общественное мнение в пользу войны в Косове», а теперь «готовит сербов к мирной сделке». «В обществе, где все выпуски новостей контролируются государством, между властной риторикой и реальностью пролегает огромная пропасть»⁵². Воистину так, но в связи с этим хочется задать два вопроса:

- 1) Возможна ли пропасть между риторикой и реальностью в свободных обществах?
- 2) Какая ситуация сложилась в Сербии перед бомбежками?

Оставим в стороне первый вопрос и перейдем ко второму. Мы обнаружим, что эта пропасть была, конечно, весьма реальной, но доступность для югославов зарубежного радио и телевидения существенным образом сужает ее. А до того, как «демократическую активность» не «подкосила война», в стране, по сообщению британского филиала Хельсинкской группы правозащитников, было и «несколько оппозиционных газет, а также радио- и телевизионных каналов», и к тому же там «действовали многочисленные неправительственные организации, несогласные с политикой Милошевича и финансируемые из-за рубежа», — большинству из которых после бомбардировок пришлось прекратить работу. В самом же Косове албанская сепаратистская пресса, а также венгероязычные средства массовой информации продолжали открыто публиковать свои материалы в течение всего процесса переговоров в Рамбуйе в феврале 1999 года, сообщая о зверствах сербов и поощряя «готовность [НАТО] применить силу» и «отправить танки и пехотные войска в Косово», где «Сербия может лишиться своего суверенитета»⁵³.

Вероятно, полезно вспомнить, как вели себя американское правительство и средства массовой информации во все периоды войн, когда самим США вообще никакие атаки внешнего врага не грозили, или, если уж на то пошло, и поведение самого свободного и демократичного из всех опекаемых ими государств — Израиля, которому в этом смысле далеко до США, но которое тем не менее весьма репрессивное, значительно превосходящее в этом, например, Никарагуа в пору, когда последнее подвергалось жестоким атакам американцев. Поучительным будет и сопоставление реакций средств массовой информации и аналитиков на свободу прессы, утвердившуюся в 80-е годы в опекаемых США государствах Центральной Америки (где мало упоминалось о жестоких и смертоносных репрессиях), в Израиле (высоко ценимом его покровителями за фактически полное отсутствие сообщений о давлении на прессу) и Никарагуа — которое сурово осуждалось при том, что в нем могла свободно выходить ведущая газета «Ля Пренса», открыто поддерживавшая атаки на Никарагуа и требовавшая их усиления, — немыслимое поведение для клиентских режимов США и самих Соединенных Штатов даже в куда менее тягостных обстоятельствах. Данный факт настолько не укладывается в головах граждан цивилизованных государств, что ему, наверное, никогда не преодолеть барьеров, о которых говорил Оруэлл⁵⁴.

Пропасть между риторикой и реальностью в сербской прессе дала повод оправдывать бомбовые удары НАТО по сербскому радио и телевидению, которые наносились с 8 апреля, а 23 апреля при помощи реактивных снарядов наконец сровняли с землей большинство центров телевидения, — «в канун празднования 50-летия НАТО», как писала «Файнэншиал таймс». Мы вновь тактично оставим в стороне все возможные соображения, относящиеся к

нашему первому вопросу. Военный представитель НАТО, капитан ВВС первого ранга Дэвид Уилби, обосновывал воздушные атаки тем, что сербские средства массовой информации «заслужили того, чтобы стать их мишенью: они наполняли эфир ненавистью и ложью в течение многих лет», хотя НАТО сначала предложило дать прессе возможность «избежать дальнейшего наказания», если Милошевич «предоставит шестичасовой ежедневный эфир для западного информационного вещания», как это принято в США⁵⁵.

На тех же основаниях натовские силы способствовали закрытию и оказывали иное давление на Сербское радио и телевидение (СРТ) в республике Сербска — «этническом мини-государстве сербов» в составе Боснии. Конкретные обвинения в адрес СРТ сводились к тому, что оно опустило тридцатисекундный фрагмент из заявления Мадлен Олбрайт, «говорившей о своих теплых чувствах к сербам», «не сумело объяснить, что войска НАТО бомбят Югославию с целью положить конец этнической чистке в Косове, и создавало впечатление того, что весь мир против этих ударов». Короче говоря, СРТ отказывалось транслировать откровенно лживую натовскую пропаганду и создавало в основном довольно верные впечатления, хотя они удостоились здесь скудного упоминания. Другая вина СРТ состояла в том, что оно концентрировалось на приоритетных потребностях собственной аудитории, то есть боснийских сербов, а не НАТО. В 1997 году высший представитель в Боснии от Европейского Союза, Карлос Уэстендорп, «арестовал передатчики СРТ» и «передал станцию в руки политиков, выступавших за улучшение отношений с Западом», вместе с ее директором, которого они теперь травят за неповиновение. Седьмого апреля 1999 года Уэстендорп пошел дальше, попросив НАТО «перекрыть источник оскорбительных материалов», т. е. разбомбить государственное телевидение Белграда, что и было сделано на следующий же день⁵⁶.

Стремление к контролю над информационными источниками является неотъемлемой частью более глобальной модели поведения. Красноречивым примером этого служит фактический роспуск ЮНЕСКО, произошедший из-за того, что оно начало рассматривать предложения по демократизации международной системы массовой информации, что позволило бы сделать ее более доступной для большинства населения мира. Данная инициатива вызвала сногшибательный поток осуждений со стороны американских прессы и правительства, насыщенный ложью и лицемерием, которые даже после опровержений, редко допускаясь к публикации, воспроизводились в неизменном виде. «Потрясающая ирония этого достижения, — заметил академический ученый, историк отношений США и ЮНЕСКО, — состояла в том, что Соединенные Штаты, доказавшие, что в области идей нет места свободному рынку, обрушились на ЮНЕСКО именно из-за ее планов преодолеть такое положение». Более подробный обзор лжи, пропагандируемой средствами информации и властью, публиковался университетскими издательствами, но также остался гласом вопиющего в пустыне. Все эти события дают нам очередную долю поучительных примеров того, как по-разному можно понимать основные принципы свободы и демократии⁵⁷.

Глава 6. Зачем действовать силой?

Разобравшись с неоднократно подтвержденными и в целом неоспоримыми фактами, мы можем вернуться к нашим размышлениям и, в частности, задаться вопросом: почему случилось то, что случилось? В центре нашего внимания будут решения тех, кто готовил косовские события в США — ведь этот фактор должен быть интересен нам в первую очередь по самым элементарным моральным соображениям, и к тому же он является основным, если не самым решающим в свете столь же элементарных интересов силы и власти.

Для начала можно отметить, что роспуск «в угоду Милошевичу» демократического правительства Косова едва ли явился для кого-то сюрпризом. Он нимало не противоречит традиционной модели. Достаточно упомянуть лишь немногие примеры, приходящиеся на отведенные нам временные рамки: скажем, после того, как в 1988 году Саддам Хусейн неоднократно травил курдов газом в угоду своему другу и союзнику, США прекратили официальные контакты с курдскими лидерами и иракскими демократами-диссидентами (каковыми их считали в США), кроме того, им практически был отрезан доступ к средствам массовой информации. В марте 1991 года это табу было официально возобновлено, сразу после войны в Персидском Заливе, когда Саддам получил негласное добро на резню шиитских мятежников на юге, а затем и курдов на севере. Резня происходила под строгим наблюдением участника «Бури в пустыне» «неистового» Нормана Шварцкопфа, который объяснял, что Саддам «надул» его: генерал и не думал, что Саддам может ввести в бой военные вертолеты, на что его благословил Вашингтон. Администрация Буша, в свою очередь, объясняла, что поддержка Саддама была необходима ради сохранения «стабильности»; ее предпочтение в пользу военной диктатуры, которая будет держать Ирак в «железном кулаке», именно так, как и делал Саддам, вызвало одобрительную реакцию среди уважаемых американских комментаторов.

Молчаливо признавая старую политику США, госсекретарь Олбрайт в декабре 1998 года объявила следующее: «Мы пришли к выводу, что иракский народ только выиграет, если получит правительство, которое будет реально его представлять». За несколько месяцев до этого, 20 мая, Олбрайт сообщила индонезийскому президенту Сухарто, что он уже не является «нашим парнем», поскольку слишком далеко зашел и не подчинился приказам ВМФ, а посему он должен уйти в отставку, тем самым обеспечив в стране возможность наступления «демократического переходного периода». Через несколько часов Сухарто уже передавал свои формальные полномочия собственному вице-президенту и единомышленнику. Продолжением перехода к демократии в Индонезии стали июньские выборы 1999 года, о которых трубили как о первых демократических выборах за последние сорок с лишним лет, хотя ничего не говорилось, почему все это время выборы в стране вообще не проходили. А не проходили они потому, что индонезийская парламентская

система была подорвана крупномасштабной тайной военной операцией США в 1958 году, предпринятой главным образом из-за того, что демократическая система в стране оказалась не просто открытой, а недопустимо открытой: она позволяла участвовать в выборах даже такой политической партии, как ПКИ (Партия коммунистов Индонезии), которая «снискала широкую поддержку не как революционная партия, а как организация, отстаивающая интересы обездоленных элементов существующей системы», создавая себе «массовую опору среди крестьянства» посредством «яростной защиты» их интересов. Несколько лет спустя партия была уничтожена вместе с сотнями тысяч безземельных крестьян и других непокорных. ЦРУ поставило эту резню в один ряд с массовыми убийствами, совершенными Гитлером, Сталиным и Мао. Цивилизованные государства приветствовали ее с неистовой эйфорией, превознося «индонезийских умеренных», которые провели успешную чистку своего общества, и принимая их в «свободный мир», где они сохраняли высокие рейтинги вплоть до начала 1998 года, пока Сухарто не начал проявлять непокорство¹.

Все дальнейшие заметки, которые можно было бы написать на полях этой драмы, таковы, что «их было бы неприлично упоминать», поскольку «идеалистический „новый мир“, имеющий целью положить конец проявлениям бесчеловечности», заручился в этом поддержкой по меньшей мере нескольких европейских государств.

Нет нужды останавливаться на том, насколько правдоподобны были «открытия» Вашингтона по поводу достоинств и недостатков демократии в 1998-м. Тот факт, что его представители могут произносить любые слова, на которые не последует никаких комментариев, уже говорит о многом. В любом случае, пренебрежение Вашингтона мирными демократическими силами в Косове ничуть не удивительно, равно как и тот факт, что бомбардировки были предприняты с явной надеждой на то, что это серьезно подорвет мужественное демократическое движение в Белграде, и именно о таком эффекте докладывали сразу и многократно повторяли в дальнейшем средства массовой информации: сербы «едины волей небес — но волей не Бога, а бомб», как сказал Алекса Джилас, историк и сын югославского диссидента Милована Джиласа. «Бомбежки создали угрозу для жизней более 10 миллионов людей и остановили развитие едва опережающихся демократических сил Косова и Сербии», — писал сербский диссидент Веран Матич, — они «погубили... [их] нежные ростки и, можно с уверенностью сказать, что теперь эти силы очень нескоро смогут прорасти вновь»; Матич возглавлял независимую радиостанцию Б-92 (запрещенную после бомбежек) и только что получил от шведского правительства премию Улофа Пальме за выдающийся вклад в развитие демократии (30 января 1999 года). Как мы уже писали, к таким же последствиям привели бомбовые удары по почти полностью диссидентскому региону Воеводины, значительно удаленному от Косова, где они были особенно разрушительными. Бывший редактор «Бостон Глоуб» Рэндольф Райэн, который работал на Балканах и жил в Белграде несколько лет, писал, что «отныне, благодаря НАТО, Сербия за одну ночь превратилась в тоталитарное государство, неистово готовящееся к войне», что НАТО, вероятно, и ожидало, точно так же как оно «должно было знать, что Милошевич немедленно отомстит за бомбежки, удвоив свои атаки в Косове», которые НАТО уже никак не сможет остановить².

Опираясь на уже известные нам базовые факты, можно представить, как принимались и последние решения Вашингтона. Представить — это единственное, что нам остается за

недостаточностью свидетельств.

Беспорядки на Балканах расценивались как «гуманитарный кризис» в конкретном значении: в отличие от кровопролитий в Сьерра-Леоне или Анголе, а также преступлений, которые совершаем или поддерживаем мы сами, они могли повредить интересам богатых и привилегированных людей. Поэтому задача состояла в том, чтобы удерживать кризис в «надлежащих» рамках.

Традиционный подход к гуманитарным кризисам заключается в том, чтобы вооружить и обучить силы государственной безопасности, которые будут подавлять нежелательные беспорядки, как это было в Турции, Колумбии, Сальвадоре и множестве других государств. Но этот метод пригоден только в том случае, если государство является покорным сателлитом США. Сербия, что бы о ней ни говорили, — последний независимый «игрок» в Европе, потому и дисквалифицированный за свою смелую цель. Если стандартные методы исключены, то есть и другой путь — твердое соблюдение договорных обязательств, «верховного закона страны» и обращение к институтам мирового порядка. Но все это Вашингтон не приемлет. Еще один возможный выбор — НАТО: по крайней мере, США в нем доминируют. Разделение обязанностей внутри НАТО обоснованно: первоочередным преимуществом Вашингтона является обладание средствами насилия, и то же самое, хотя в гораздо меньших масштабах, справедливо относительно его младшего партнера. Во всякой конфронтации участники, как правило, сперва разыгрывают свою сильную карту, а затем уже ведут себя по обстоятельствам. Что касается «предвидений» главных стратегов, то нам нелегко разделить их уверенность, выраженную Кариесом Лордом и другими. Если вообще есть смысл опираться на летопись прошлых акций, то надо сказать, что последствия для людей, живущих в «не самых важных местах» планеты, их зачинщикам представлялись случайными³.

В течение кризиса лидеры НАТО почти единодушно подчеркивали, что решение провести бомбардировки 24 марта было необходимым по двум причинам: 1) остановить насильственную этническую чистку, которую натовские бомбардировки только ускорили, как это можно было предвидеть; и 2) создать «доверие к НАТО». Первую причину во внимание можно не принимать, а вторая вероятна.

Политические лидеры и обозреватели упорно говорили о необходимости гарантировать «доверие к НАТО». «Одной из непривлекательных сторон почти любой альтернативы» бомбардировкам, писал в «Вашингтон пост» Бартон Геллман в обзоре «событий, приведших к конфронтации в Косове», «было бы унижение НАТО и Соединенных Штатов Америки»⁴. Советник по национальной безопасности Сэмюэл Бергер «в числе принципиальных целей бомбардировки назвал „демонстрацию того, что НАТО — серьезная организация“». Ему вторил европейский дипломат: «Бездействие повлекло бы за собой „существенную утрату доверия, особенно сейчас, в преддверии саммита НАТО, посвященного его 60-летию“». «Устраниться сегодня значило бы разрушить доверие к НАТО», — сказал на выступлении в парламенте премьер-министр Тони Блэр. Позицию Клинтона разъяснил «представитель Белого дома»: «Он (президент — Н. Х.) с самого начала говорил, что мы должны победить. Это было абсолютно ясно. Учитывая возможные последствия данной войны для США, для НАТО, для него самого как главнокомандующего, мы должны были ее

выиграть».

«Поэтому единственной альтернативой для НАТО были бомбардировки — причем мощные», — комментирует корреспондент «Таймс» Блейн Харден в своем длинном ретроспективном обзоре планов Белого дома⁵.

В другой подробной аналитической статье «Таймс» о том, как и почему Белый дом решился на войну, приводились слова министра обороны Уильяма Коэна, сказанные им на неофициальной встрече министров обороны НАТО в октябре 1998 года, — то есть в период, когда НАТО предлагало весьма нечеткие трактовки собственных обязанностей и интерпретировало возобновившиеся бесчинства сербов как реакцию на то, что в предыдущие месяцы относительного сдерживания конфликта контроль над 40% территории Косова находился в руках ОАК. Коэн очертил планы Клинтона по нанесению воздушных ударов и «призвал своих коллег принять новую для альянса роль. Если все силы НАТО в этой ситуации не смогут напугать господина Милошевича, то для чего тогда нужен такой альянс?» — спрашивал он. Угрозы бомбардировок «очень скоро стали своего рода тестом на доверие к НАТО, который оказался своевременным, поскольку альянсу предстояло праздновать свою 50-летнюю годовщину» в конце апреля. Дипломатия тем временем «сошла с рельсов» из-за просчетов ее участников и всеобщего замешательства из-за скандалов в Белом доме⁶.

Британский военный историк Джон Киган не поддержал апелляцию к «сентиментам», избранную Блэром и другими политиками, которые «надеялись на сочувствие британцев». Кризис есть, но это «кризис доверия к альянсу, от которого в течение 50 лет зависели наша целостность и сохранность». Эту позицию в основном разделяли и американские комментаторы. Так, Уильям Плафф еще раньше писал о том, что «споры об интервенции больше не являются обсуждением средств для достижения цели. Это споры об отказе от НАТО и американской претензии на международное лидерство». «Если не будет победы НАТО над Сербией, то не будет и самого НАТО», поэтому «единственно верное решение» для натовских военных состоит в «вытеснении организованных сербских сил из Косова и сокрушении их и нынешнего сербского руководства»⁷.

После того, как 3 июня было подписано мирное соглашение, политические лидеры и аналитики признавали, что это не самый лучший результат, — но были единодушны в том, что один решающий успех в этом все-таки налицо, поскольку «достигнута такая цель, как поддержание доверия к НАТО»⁸.

Чтобы верно интерпретировать эту хвалу себе за хорошо сделанную работу, мы, как обычно, должны перевести ее на язык реалий. Когда Клинтон, Блэр и иже с ними говорят о «доверии к НАТО», они сражают заботу отнюдь не о доверии к Норвегии или Италии: речь скорее идет о единолично правящей сверхдержаве и ее верном цербере. Понятие «доверия» легко расшифрует любой крупный мафиози. Если лавочник не платит своей «крыше», то подосланные к нему рэкетеры не просто отнимут у него деньги, но и превратят его лавку в развалины в назидание следующим «клиентам». «Доны» мировой мафии рассуждают таким же образом, и их логика прозрачна.

Для «Дона», конечно, важны вовсе не деньги лавочника. Типичный аргумент в пользу интервенции, согласно которому она якобы была гуманитарной, потому что Косово нужно Западу из-за кое-каких значимых ресурсов или что-то еще, указывает на некоторые серьезные изъяны в понимании базовых элементов политики и недавней истории. Разве настойчивое стремление США лишить поддержки правительство Бишопа в Гренаде и затем вторгнуться в страну было продиктовано заботой о торговле мускатным орехом? Разве США дорожили ресурсами Гватемалы, Индокитая, Кубы, Никарагуа и длинного ряда других объектов насилия последних лет? Да, в целях заручиться поддержкой общественности американцы действительно делали подобные заявления (например, об олове и каучуке Индокитая и пр.), но воспринимались они, разумеется, не слишком серьезно. Конкретные интересы бизнеса иногда могут влиять на политику (скажем, Интересы «Юнайтед Фрут» в Гватемале), но они редко являются ее основным фактором. Цели бизнеса и политики, несомненно, различны.

Одна из постоянных забот последней — создание «доверия», требование, которое становится особенно настоятельным в свете явной опасности того, что какая-нибудь «ложка дегтя» может «испортить всю бочку меда», что «вирус» независимости может «заразить» других, как принято говорить среди тех, кто вершит судьбы мира. Обеспокоенность интеллектуалов круга Кеннеди «распространением идеи Кастро о том, что собственные дела нужно взять в собственные руки» — именно такой случай. Как правило, подобные соображения, с поправками на конкретные обстоятельства, лежат в основе интервенции и конфликта, и даже самого начала «холодной войны», которое датируется 1917 годом: Россия воспринималась как именно такая «ложка дегтя», внушавшая опасения, которые решающим образом влияли на политику Запада вплоть до 60-х гг., когда в советской экономике начался период застоя, из которого она так и не вышла. Безусловно, часто делается и ставка на контроль над ресурсами и другие аналогичные интересы, но на сколько-нибудь существенном политическом уровне она редко имеет непосредственное отношение к главной цели нападения (за немногими исключениями, такими, как например, интересы производителей нефти, которые, в частности, лежали в основе вторжения в Индонезию 1958 года).

Более того, события собственно холодной войны обычно слабо влияли на решения об интервенции, поэтому модели таких решений, принимавшихся до холодной войны, во время и после нее очень мало отличаются друг от друга. Иногда этот факт даже акцентируется, но только «для служебного пользования»: например, в 1958 году, когда речь шла о трех основных мировых кризисах, о которых Эйзенхауэр и Даллес говорили на Совете по национальной безопасности: Индонезия, Северная Африка, Ближний Восток, т. е. все исламские регионы и, что важнее, все главные производители нефти. Согласно секретным документам, Эйзенхауэр особо подчеркивал то обстоятельство, что Россия не имеет к этим кризисам никакого, даже теневого, отношения.

Равно понятно и то, что насилие не способно привести к немедленному успеху, но стратеги могут быть уверены, что у них еще многое остается в резерве. Если необходимо, сойдет и карфагенский вариант. Тому, кто в этом сомневается, мы бы посоветовали проехаться по широким просторам Индокитая. Этому региону, давно уже ставшему их мишенью, и всем тем, кого также посещает сумасбродная идея поднять голову, приходится быстро

признавать данный факт. Именно такое доверие и нужно.

Помимо удовлетворения этой неизменной потребности, применение силы на Балканах сулит еще и побочные выгоды. Об одной из них уже говорилось: Сербия была раздражающим фактором, досадной помехой усилиям Вашингтона получить существенный контроль над Европой. Хотя ресурсы Балкан большого интереса не представляют, по своему стратегическому положению они близки не только к Европе, Западу и Востоку в целом, но и Ближнему Востоку в частности. Первая большая послевоенная кампания по усмирению непокорных, развернутая в Греции, в значительной степени мотивировалась стремлениями заполучить контроль над ближневосточной нефтью, которые в те же самые годы стали одной из причин свержения итальянской демократии¹⁰. Греция вообще продолжала оставаться в ведении ближневосточного отдела Госдепартамента до тех пор, пока в ней не пал режим фашистской диктатуры, поддерживаемый США (двадцать пять лет назад). Аналогичные интересы сегодня распространяются и на Центральную Азию, хотя там их роль второстепенна; ее близость к Турции, которая наряду с Израилем является основной военной базой Вашингтона в регионе, также, вероятно, играет немаловажную роль в принятии его решений. До тех пор, пока Сербия не пополнит число режимов, покорных США, есть смысл наказывать ее за непослушание — причем очень наглядно, чтобы другим послушникам неповадно было. Такая возможность представилась США при кризисе 1998 года в Косове, и теперь можно с достаточной долей уверенности полагать, что данный процесс продолжится до тех пор, пока Сербия либо не уступит, либо не будет сокрушена, как это было с Кубой и прочими непокорными.

Для целей «контроля над населением» в собственном доме идеологи США, в зависимости от обстоятельств, предпринимают попытки играть на самых разных струнах души («щупальца русских», наша «тоска по демократии» и т. д.). Однако если мы не окажемся в рядах твердых приверженцев «сознательного игнорирования», то отпадет и необходимость в применении к нам подобных приемов.

С другой стороны, выгода силового решения косовского кризиса состояла в стимулировании военной промышленности и торговли. Как писала «Уолл-Стрит Джорнал», «похоже, что война вообще всегда подстегивает расходы на оборону», в первую очередь расходы на высокотехнологичные системы вооружений. Одна только компания Raytheon надеялась получить заказов на миллиард долларов — на пополнение запасов стратегических ракет «Томагавк» и другого оружия, используемого для «сокрушительных ударов по балканским целям». В это число еще не входят новые заказы, ожидаемые от Других стран НАТО. «Истинным победителем в войне» всегда является военная индустрия — гласит заголовок в «Файнэншиал Таймс». В этой статье рассказывается о «весьма обнадеживающих» перспективах аэрокосмического оружия, особенно в области сложных и дорогих технологий: половину стоимости современного истребителя составляют авионика и программное обеспечение, поэтому получается, что война стимулирует развитие высоких технологий в целом¹¹.

Для читателей деловой прессы пересказывать дальнейшее содержание этой статьи было бы излишне. Военные расходы всегда служили главным прикрытием для огромного государственного сектора экономики высоких технологий, были залогом лидерства США в

компьютерной и электронной области в целом, в автоматике, телекоммуникации и Интернете и большинстве других самых динамичных составляющих экономики. В статье делается экскурс к истокам американской системы массового производства, заре ее промышленного развития, хотя своих колоссальных пропорций оно достигло только после Второй мировой войны. В сельскохозяйственном производстве государственный сектор также играл фундаментальную роль, а теперь он преобладает и в отраслях промышленности, основанных на достижениях биологии, которые, как и высокие технологии, опираются на социализацию расходов и рисков и экономическое оружие государственной власти (например, закрепление прав на интеллектуальную собственность и другие формы вмешательства в рыночные отношения в интересах крупных корпораций). Что касается военных расходов как «прикрытия», то руководящий принцип был откровенно сформулирован в 1948 году тогдашним министром военно-воздушных сил Стюартом Саймингтоном: «Ключевое слово здесь — не „субсидии“, ключевое слово здесь — „безопасность“»¹².

«Истинные победители» находятся за рамками сферы высокотехнологичного производства. Ведущие строительные компании США (Brown & Root, Halliburton, Bechtel) «уже дали понять, что полны страстного желания отстраивать мосты и дороги», «стертые в порошок» их партнерами из сферы высоких технологий, а западные энергетические компании имеют виды на «восстановление распределительных сетей». Британцы боятся, что могут в очередной раз «упустить» такую возможность, как это случилось после войны в Персидском Заливе, когда их потеснили американцы и соперники с континента. Департамент торговли и промышленности правительства Великобритании пытается скоординировать действия британских компаний, стремящихся участвовать в «восстановлении Косова», так как этот лакомый кусочек, по самым грубым подсчетам, может принести таким компаниям в ближайшие три года от 2 до 3,5 миллиардов долларов¹³.

По наблюдениям Рэндольфа Бурна, война может быть «оздоровлением для государства», но под «государством» в этом случае следует понимать нечто более широкое, чем просто правительственные функции.

Возможным достоинством силового решения является и то, что оно раскрывает агрессивную позицию НАТО; позитивный итог, учитывая, что натовский контроль над Европой пока не аксиома. Ведь стратеги США, безусловно, питают противоречивые чувства по поводу решения Европейского Союза после войны начать работу над «общей политикой обороны», которая позволит ему действовать независимо от Соединенных Штатов в своих «наблюдательских и миротворческих миссиях», причем понятия «оборона» и «миротворчество» следует интерпретировать в их обычных значениях¹⁴.

Памятуя об этом последнем соображении, мы можем вернуться к замечанию военного историка и аналитика Джона Кигана о том, что результатом войны стала «победа нового мирового порядка», который был «возвещен Джорджем Бушем после войны в Персидском Заливе», и что после победы воздушной мощи на Балканах «мировой порядок выглядит более защищенным». На этом ощущении делал акцент и Клинтон в своей триумфальной речи, сообщая «американскому народу, что мы одержали победу, благодаря которой мир станет более безопасным»¹⁵.

Все эти утверждения правдоподобны только в том случае, если в их основе лежит негласное допущение о том, что из понятия «мир» исключена большая часть мира. Защищенным оказывается «мировое сообщество» в специфическом смысле этого слова: прослойки богатых и привилегированных в индустриальных обществах Запада, а также их партнеры и единомышленники в других частях света.

Аналогичным образом следует трактовать и комментарии Кигана по поводу войны в Персидском заливе. Данную войну тоже приветствовали как торжество «мирового сообщества», и великая победа в ней также сопровождалась пылкой риторикой о грядущей новой эре всемирной нравственности. Но, по крайней мере, отдельные западные обозреватели отмечали, что вследствие своей военной политики США и Соединенное Королевство остались в «жалком меньшинстве в мире», если говорить о реальном мире¹⁶.

Массовые настроения, бытовавшие за пределами богатых индустриальных обществ, точно подметил кардинал Паоло Эваристо Арнс (Бразилия), который в 1991 году писал, что в арабских странах «богачи солидарны с американским правительством, а миллионы бедняков осуждают его вооруженную агрессию». Во всем «третьем мире», продолжал он, «царят ненависть и страх: когда они решат напасть на нас» и под каким предлогом?

Когда по прошествии времени, в декабре 1998 года, два воинственных государства снова решили бомбить Ирак, их изоляция стала еще более очевидной. И хотя в своем последнем крестовом походе за нравственность они заручились поддержкой кое-каких слоев мировой общественности, подавляющее большинство населения мира, по-видимому, все еще продолжает задавать себе вопрос кардинала Арнса.

Даже в государствах, фактически находящихся под покровительством сильных мира сего, далеко не все рукоплещут их политике. Так, полуофициальная египетская пресса выразила серьезную обеспокоенность «новой стратегической концепцией» НАТО, впервые озвученной в апреле, на праздновании его годовщины, в самый разгар войны. Карим Эль-Гаухари расценил ее как «лицензию на всемирный интервенционизм». Открытие НАТО «новых потенциальных угроз для евро-атлантического мира и стабильности» служит зловещим сигналом для тех, кто уже более чем достаточно испытал на себе европейское всемогущество; не только британцам «слышатся до боли знакомые имперские колокола», когда США и Соединенным Королевством в очередной раз овладевает «благородная» ярость. «Для периферии альянса и ее перспектив, например, с точки зрения арабского мира, этот документ звучит как рецепт кошмара», поскольку концепция обороны НАТО подразумевает «безопасность и стабильность Средиземноморского региона» и за его пределами, то есть реанимацию истории, которая благодаря богатому личному опыту хорошо понятна народам вне цивилизованных государств, составляющих официальное «мировое сообщество»¹⁷.

Безусловно, забота о «поступлении жизненно важных ресурсов» и «стабильности» в общепринятом смысле слова «звучит как нечто очень знакомое», продолжают аналитики из «Аль-Ахрам». Как мы уже говорили, подобные заботы служили мотивами для интервенций США в Грецию и даже Италию, состоявшихся в первые послевоенные годы. Но «что в данном документе совершенно ново и весьма радикально», так это то, что, хотя он был создан в

Вашингтоне, «его подписали 18 других государств-членов НАТО», поэтому действия против «любого иного непокорного государства, находящегося на периферии евро-атлантического региона, отныне Могут твориться именем НАТО», что, в свою очередь, придает еще одно значение американскому стилю мирового господства — по крайней мере до тех пор, пока Европа с ним солидарна.

Обращаясь к теме, которая находит отклик во всех «не самых важных местах» планеты, Эль-Гаухари подробнее останавливается на том факте, что «Совет Безопасности ООН как инструмент для поддержания мира во всем мире, в новом документе НАТО упоминается сугубо для видимости», наводя на мысль, что в дальнейшем НАТО «постепенно будет концентрировать контроль над всеми вопросами в собственных руках» согласно своей стратегической концепции, которая «реально охраняет право сильного на такое толкование международных законов, которое отвечает их личным интересам». Все это тоже «звучит как нечто очень знакомое», всегда сопровождающее претензии и экспансию традиционных «практики и обычая», цветущие махровым цветом под вывеской триумфального «нового гуманизма».

В соседнем с Египтом Израиле бывший офицер военной разведки Амос Джильбоа, авторитетный комментатор центристского толка по вопросам войны и безопасности, выразил еще более резкое мнение о «безумных инициативах НАТО и США по созданию новых правил игры», хотя безумными он счел их по иным основаниям. Он реалистично заметил, что данные правила «вероятно, ускорят соревнование за овладение ядерным оружием». Его логика ясна как день. Можно задать очевидный вопрос: «Стало бы НАТО хотя бы только рассматривать идею бомбовых ударов по Югославии, если бы знало, что у Белграда есть доступ к оружию массового поражения?» Всякий знающий ответ поддастся соблазну создать собственное мощное средство устрашения, чтобы защитить себя от хищнической сверхдержавы. «Новые правила игры» США и их «богатых западных союзников», как выяснилось в Югославии, основаны на «праве вмешиваться и посредством силы заставлять непокорных делать то, что „цивилизованные“ считают справедливым. Сейчас, как в колониальную эпоху, применение силы маскируется одеянием нравственной правоты». Когда Представители НАТО хладнокровно расписывают, как они разрушают гражданские объекты, «трудно поверить, что эти слова произносят граждане государств, которые мы считаем „цивилизованными“», хотя, как в эпоху колониализма и все другие исторические периоды, эти самозванные «цивилизованные государства», разумеется, смотрят на себя иначе. Двадцатый век заканчивается при новой разновидности «дипломатии канонеров», подобно тому, как девятнадцатый век закончился «войной колониальных держав Запада, которые во всеоружии своих технологических преимуществ подчиняли себе коренное население беспомощных стран, абсолютно не способных к самозащите»¹⁸.

Для остального мира «нет выбора», заключает Джильбоа. «Им остается только заполучить оружие Массового уничтожения. Война в Косове еще напомнит о себе конкуренцией при распространении оружия массового поражения» в целях самозащиты.

Выводы этого аналитика поддерживает ведущий военный историк Израиля Зеев Шифф. Как и Эль-Гаухари, он пишет, что «новый стиль мышления НАТО», озвученный Тони Блэром на

торжествах по случаю годовщины НАТО, «определенно чреват большими неприятностями для всего мира», поскольку он расходится с принципами Хартии ООН. Уроки, которые НАТО извлекает из собственной военной победы, «могут изменить международную дипломатию и столкнуть общество на опасный путь»: они способны убедить тех, кто в будущем может стать его целью, в том, что им необходимо «запастись ядерным вооружением, дабы „защитить“ себя от проявлений жестокости со стороны НАТО» — или от других планов, таких как «желание [НАТО] ответить на серьезную угрозу мировым энергоресурсам», либо всякого иного начинания, которое еще может придти в голову мировому лидеру¹⁹.

Еще более удаляясь от границ «мирового сообщества», мы обнаруживаем, что индийское правительство тоже «давало понять, что всерьез обеспокоено новой доктриной НАТО, позволяющей ему проводить свои операции за пределами евро-атлантического региона и вне территории альянса. Любое такое действие, сказал индийский официальный представитель, будет противоречить международным законам, нормам мирного сосуществования наций и Хартии ООН». Индийское правительство осудило «нарастающую тенденцию НАТО к узурпации власти и функций Совета Безопасности ООН», подчеркнув, что «склонность НАТО расширять сферу собственных действий расценивается как источник беспокойства для всех стран, больших и малых». Официальные комментарии тоже «были близки к строгому осуждению этой склонности, возобладавшему в разных секторах общественного мнения, в которых НАТО воспринимается как злодей на мировой сцене». Индия в очередной раз подчеркнула, что она резко осуждает натовскую операцию в Югославии, вновь приводилась позиция ее правительства, заявленная еще в конце 1998 года, согласно которой «проблема должна решаться путем совещаний и диалога, а не только конфронтации». В этом Индия была в основном согласна с Россией и Китаем и, как видно, с немалой частью всего остального мира, хотя здесь вряд ли можно о чем-то уверенно говорить, учитывая, что в прессе практически отсутствует информация о «не самых важных местах» планеты²⁰.

В «Таймс оф Индия» также резко критиковалось НАТО, прибегнувшее к силе «до того, как были исчерпаны все возможности дипломатического урегулирования». Здесь тоже звучали предупреждения об «очень серьезных последствиях [этого шага] для будущего контроля над основными видами ядерного оружия». Вторая по значимости индийская газета «Хинду» осуждала НАТО за действия, являющиеся «неправомерными, подчиненными личным интересам, самонадеянными и противозаконными», поскольку «НАТО стремительно вытесняет Организацию Объединенных Наций с позиций гаранта мира во всем мире», предлагая свою силовую поддержку «всякой стране или религиозному движению, которое считает себя союзником Америки, независимо от того, получает ли подобное действие Официальное одобрение ООН». «Нам нужен механизм, с помощью которого можно было бы положить конец преступлениям против человечности. Но такую систему нельзя строить на американских интервенциях, осуществляемых силами НАТО и в собственных интересах этой страны», акциях, которые стали особенно наглыми после того, как Международный Суд по случаю Никарагуа недвусмысленно «запретил» США предпринимать военные интервенции в одностороннем порядке. США превратились в «хулиганское государство, всякий раз Нарушающее нормы международного права, где бы они ни были определены — в решениях Международного Суда или резолюциях ООН, — как только эти нормы оказываются противоречащими его интересам», а их нынешние действия вообще не имеют сколько-

нибудь «серьезного или истинно юридического, морального, политического оправдания»²¹.

Кроме того, индийская пресса призвала ООН «утвердить свой авторитет и взять на себя прямую ответственность» за реализацию планов по политическому урегулированию в Косове в соответствии с резолюцией Совета Безопасности²², вариант, который быстро был послан в известном направлении, поскольку США и НАТО в своей обычной, уже не раз описанной манере, навязали участникам собственную интерпретацию соглашения и прилагавшейся к нему резолюции Совета Безопасности.

Тревоги бывшего колониального мира признают и в некоторой степени разделяют (хотя с разных точек зрения) наиболее проникательные военные аналитики (ястребы). В ведущем журнале истеблишмента, «Форин Эффэрз», Сэмюэл Хантингтон предупреждает, что Вашингтон встает на опасный путь. В глазах многих людей планеты или, как он полагает, даже большинства, США «становятся злодейской сверхдержавой», рассматриваемой как «единственная и серьезнейшая внешняя угроза любому обществу». Как предрекает реалистическая теория международных отношений, считает он, в мире могут возникать новые коалиции с тем, чтобы противостоять злодейской державе на равных. Поэтому позиции этих стран нельзя игнорировать хотя бы по прагматическим соображениям²³.

Американцы, предпочитающие иной образ своего общества, вероятно, обеспокоены данными тенденциями по другим причинам, но вершителям судеб мира они едва ли могут быть интересны, поскольку у этих причин и масштаб не тот, и к идеологии отношение слабое.

Вопрос о ядерном оружии сегодня имеет особое значение в связи с тем, что с недавних пор уже не действует договор о его нераспространении в Южной Азии — точнее то, что от него осталось после отказа ядерных держав соблюдать положение о том, что «цель договора определяется как уничтожение ядерного оружия», и отклонения ими даже «скромных предложений по реализации условий договора, касающихся ядерного разоружения»²⁴.

Обеспокоенность этой критической ситуацией наряду с нарастающей тревогой по поводу возобновленного экспансионизма «злодейской сверхдержавы» и ее партнеров приобретают особенно мрачную тональность в свете нынешнего стратегического планирования. Некоторые интересные соображения на сей счет приводятся в исследовательском отчете американской Стратегической Группы (STRAT-COM), изданном в 1995 году и уже отчасти утратившем свою актуальность. Он называется «Основы политики сдерживания после холодной войны» и включает «выводы, полученные в результате семилетних размышлений о роли ядерного оружия в эпоху после холодной войны»²⁵.

Главный вывод сводится к тому, что надежды конфликтующих сторон на ядерное оружие существенно не поколеблются и в ближайшем будущем; основные положения Договора о нераспространении по-прежнему работать не будут, разве что расширится диапазон его потенциального применения и теперь в него войдут отнюдь не только «враги» времен холодной войны, сегодня считающиеся уже несколько прирученными. Список новых мишеней пополняется «злодейскими» государствами «третьего мира» — «злодейскими» значит не агрессивными либо опасными, а непокорными (как, например, Куба или Ирак,

после того, как Саддам перестал подчиняться приказам, но не после того, как он начал творить свои ужасающие преступления и с помощью США и Соединенного Королевства накапливать горы оружия массового уничтожения). Скажем, Израиль не относится к таковым, поскольку он рассматривается как довесок американской мощи, причем даже несмотря на то, что, с точки зрения бывшего командующего STRATCOM (1992–1994) генерала Ли Батлера, «это крайне опасно, что в котле взаимной вражды, который мы называем Ближним Востоком, одна из наций, по-видимому, до зубов вооружена ядерным оружием, исчисляющимся, возможно, сотнями единиц, и это вдохновляет другие нации на то, чтобы делать то же самое»²⁶.

В отчете STRATCOM подчеркивается необходимость доверия Вашингтону: его «позиция сдерживания» должна быть «убедительной» и «отчетливо видной». США следует иметь в своем распоряжении «все средства ответа», но ядерное оружие самое важное, потому что «в отличие от химического или биологического оружия, ядерным взрывом колоссальные разрушения причиняются немедленно, и смягчить подобный эффект, скорее всего, нельзя ничем». «Хотя (внимание!) маловероятно, что мы применим ядерное оружие в обстоятельствах, не имеющих величайшего значения для судьбы нации, тень ядерного оружия всегда будет лежать на всяком кризисе или конфликте», поэтому оно должно быть доступно нам, быть наготове. Один из разделов исследования озаглавлен «Оставляя место неопределенности». Важно, чтобы «авторы глобальных планов не слишком тщательно рассуждали... о том, какими ценностями оппонент дорожит больше всего», ибо все они должны стать мишенью. «Было бы себе дороже выставляться этакими сверхрационалистами с холодной головой». «Способность американцев становиться иррациональными и мстительными, если кто-то покушается на их жизненные интересы, должна стать одной из составляющих национального идеала, который мы формируем». Для нашей стратегической позиции только «выгодно», если «некоторые элементы окажутся потенциально способными „терять контроль над собой“».

Эти концепции воскрешают «теорию сумасшедшего», приписываемую Ричарду Никсону, но на сей раз есть все безусловные признаки того, что данная теория пришлась как никогда к месту. Наши враги должны осознать, что «злодейская» сверхдержава опасна, непредсказуема, готова наброситься на «ценности, которыми они дорожат больше всего». Тогда они склонятся перед нашей волей, убедятся в наших «иррациональности и мстительности», и осознав, какая разрушительная сила сосредоточена в наших руках, испугаются нашей «кредитоспособности». Данная концепция, по-видимому, была придумана в Израиле в 1950-х гг. в период правления Рабочей партии, лидеры которой «проповедовали в пользу актов безумия», как писал в своем Дневнике премьер-соглашатель Моше Шаретт, предупреждая, что, если к нам кто-то вторгнется, «мы пойдем на безумие», наше «секретное оружие» направлено отчасти и против США, которые тогда не рассматривались как непререкаемый авторитет, как крестный отец. Если же подобную позицию занимает единственная сверхдержава мира, которая поставила себя как государство над законом и согласна терпеть только немногие ограничения, исходящие от собственной внутренней элиты, это естественным образом порождает тревогу у тех, кто не может позволить себе роскошь удовольствоваться «личиною нравственной правоты», вызывающей усмешку у всех сколько-нибудь серьезных аналитиков²⁷.

Ядерное оружие «вероятно, предназначено для того, чтобы в обозримом будущем играть главную роль в американской стратегии сдерживания», — такой вывод делается в отчете STRATCOM о «политике сдерживания после холодной войны». Поэтому нам следует отказаться от программы «неприменения его первыми» и дать ясно понять своим противникам, что нашей «реакцией» может быть «как ответ, так и упреждение». Мы должны отказаться и от цели, заявленной в Договоре о нераспространении (ДНР) и не соглашаться на «негативные гарантии безопасности», которые не допускают использования ядерного оружия против безъядерных государств, являющихся участниками ДНР.

Президент Клинтон действительно издал в 1995 году документ под названием «Негативные гарантии безопасности», но, как свидетельствуют отчеты BASIC (см. прим. 24), гарантии эти было фактически дезавуированы другим документом, из области внутренней политики — «Позиции США по ядерному оружию». Последующее Директивное Решение Клинтона, от ноября 1997 года, сформулировано в духе планов холодной войны, разве что список возможных целей теперь стал шире.

В отдельный параграф в отчете STRATCOM выделена тема «Конструктивное сдерживание», где приводится один пример: когда в Ливане похищали и убивали советских граждан, «Советы прислали лидеру революционного движения пакет с ячком его старшего сына». «Подобная пронизательная игра на том, что более всего значимо в рамках данной культуры, и ее вплетение в идею сдерживания представляет собой именно тот тип конструктивного подхода, который побуждает противника взвешивать, чем он рискует, выбирая цель устрашения», например, такую, как беззащитные советские «враги» в Ливане.

После окончания холодной войны в ноябре 1989 года существенной переменной в «стратегии сдерживания» стал ее адресат: раньше это были Россия и Китай, а теперь — «третий мир» в целом. Об этой перемене свидетельствовало очередное ежегодное послание президента Конгрессу с требованием колоссального увеличения военного бюджета (март 1990 года)²⁸. Впрочем, это требование отличалось от всех предыдущих только предлогом: теперь большой бюджет диктуется не тем, что «русские идут», а тем, что «усложняются технологические возможности» стран «третьего мира». Перед лицом этой новой угрозы мы должны поддерживать «производственную базу обороны» (читай: индустрию высоких технологий) и мощные интервенционистские силы. Все это в основном по-прежнему необходимо именно для применения на Ближнем Востоке, где за «угрозы нашим интересам», которые уже потребовали от нас непосредственного военного участия, «теперь не спросишь с Кремля». Не спросишь за них и с Ирака: Саддам пока еще наш друг и союзник.

Подобная фразеология характерна именно для конца холодной войны. Директива Совета национальной безопасности, выпущенная в октябре 1989 года, в которой рекомендовалось оказывать Саддаму дальнейшую поддержку, призывала к «применению американской военной мощи» там, где это «необходимо и уместно» для защиты наших «жизненных интересов... от Советского Союза или других держав региона...». За месяц до падения Берлинской стены за посягательство на наши интересы все еще можно было «спросить с Кремля»²⁹.

Когда же адресат «стратегии сдерживания» поменялся, международное окружение, как разъяснило Агентство по особым видам оборонительного оружия, «из кишашего всевозможной смертоносной техникой превратилось в изобилующее потенциальными целями». Россия «кишит смертоносной техникой», а юг вообще «изобилует целями» и «усиливающимися угрозами со стороны третьего мира», — такие оценки, по времени совпавшие с посланием президента Конгрессу, в 1990 году давал этой обстановке Объединенный комитет начальников штабов³⁰. Отныне в списке целей оказываются нации, способные производить оружие массового поражения, т. е. очень широкая категория, включающая страны, которые имеют собственные лаборатории, промышленность и инфраструктуру. Новая «глобальная сила» должна распространяться на регионы «к югу от экватора» (надеюсь, это метафора). Другим новшеством является «адаптивное планирование», позволяющее быстро реагировать на «спонтанные угрозы» со стороны малых стран, прежде не учитываемых при выработке ядерной стратегии. К техническим новшествам относится «миниатюрное ядерное оружие», созданное для применения против непокорных («злодейских наций»).

В соответствии с позицией STRATCOM, «главная роль ядерного оружия в политике безопасности США с окончанием холодной войны осталась неизменной». Однако «подготовка к ядерной войне с „третьим миром“ стала новым шагом в его развитии», утверждает в отчетах BASIC и добавляется, что «Соединенные Штаты дают понять всему миру, что ядерное оружие имеет большое значение для престижа страны на международной арене и достижения их военных и политических целей», и что, когда дело касается интересов США (да и, вероятно, других, «менее» ядерных держав), Договор о нераспространении становится пустой бумажкой.

Основным последствием конца холодной войны, указывают аналитики BASIC, стало «исчезновение важного сдерживающего фактора», а именно советской угрозы. То, что это произойдет, было предсказано военными экспертами незадолго до падения Берлинской стены, а затем стало подтверждаться на практике, даже во время вторжения в Панаму, которое состоялось через несколько недель и свидетельствовало о новых возможностях, особо отмеченных высокими государственными мужами³¹.

Одним из следствий окончания холодной войны явился крах советской экономики, приведший к преждевременной смерти миллионов людей и полному краху общества, кроме его состоятельных элит, связанных с иностранными силами, естественный и предсказуемый результат возвращения России к ее статусу до холодной войны, в качестве, с точки зрения Запада, части «третьего мира», подчиняющегося рыночным принципам, которые в других странах, в отличие от родных пенатов, Запад проводит с неумолимой последовательностью³². Отсюда непосредственно вытекает большая свобода цивилизованных государств в организации военных авантур. Очевидным следствием стал коллапс доктрины неприсоединения: ведь выбора больше нет, вместо двух могущественнейших всемирных мафиозных кланов на планете теперь правит только одна «злодейская» сверхдержава. Этому способствовал и ряд других факторов, среди них — экономическая катастрофа, разорившая многие регионы «третьего мира», но затронувшая и более богатые страны, как это вообще происходит с тех пор, как сильные мира сего в своих интересах навязали народам волну финансовой либерализации и особую форму

«глобализации».

Поскольку советская угроза исчезла, а независимость (неприсоединение) «третьего мира» стала призрачной, то едва ли следует удивляться такому тотальному пренебрежению интересами «третьего мира», которое теперь проявляется в целом ряде политических мер — от ядерной стратегии до иностранной помощи, — и которое тоже было предсказуемым³³.

Ярким примером такого пренебрежения стали события февраля 1999 года, когда проходили две важные встречи на высшем уровне: саммит «большой семерки», то есть государств богатого индустриального мира, и саммит «Пятнадцати», включающих в себя такие «неважные места» планеты, как Индия, Мексика, Чили, Бразилия, Аргентина, Индонезия, Египет, Нигерия, Венесуэла, Ямайка (где проходила встреча) и другие, им подобные.

Встреча семи государств освещалась подробно, причем особое внимание уделялось прошедшему на ней обсуждению «новой финансовой архитектуры», могущей справиться с многочисленными неудачами рыночной экономики, которые уже начали выливаться в «кризис» — в специфическом смысле этого слова, т. е. угрожать интересам богатых и сильных, но более никому.

На встрече пятнадцати государств также стоял вопрос о финансовой архитектуре, но в ином контексте. Участники саммита подчеркивали необходимость ограничения финансовых потоков с тем, чтобы спекулятивный капитал не мог беспрепятственно разрушать экономики, опираясь при этом на МВФ как на «гаранта возврата долгов сообществу кредиторов» (по выражению нынешнего исполнительного директора МВФ), обещающего им большие прибыли по рискованным кредитам, но при условии обобществления рисков, которое в первую очередь, согласно программам строгой экономии МВФ, ложится на плечи населения «третьего мира», а во вторую — на западных налогоплательщиков, которые своими налогами обеспечивают добровольное страхование рисков³⁴. Участники «встречи пятнадцати» предупреждали, что «необузданный капитализм ставит под угрозу саму независимость развивающихся государств, отдавая их на произвол международных кредитных институтов и гигантских иностранных компаний» (Ассошиэйтед Пресс). Генеральный секретарь UNCTAD (Совета ООН по торговле и развитию, основного ведомства ООН по экономическим исследованиям) предсказал, что, если мы не примем это предупреждение всерьез, то подавляющему большинству населения мира будет уготована «печальная участь». Премьер-министр страны, принимавшей участников встречи, отметил, что традиционно двойственные принципы рынка — свободный рынок для бедных и разумное вмешательство государства в рыночные отношения для богатых — «представляют угрозу собственно экономическому выживанию многих стран развивающегося мира». Подобные страхи и заботы выражали и другие выступавшие³⁵.

О том, как мала вероятность того, что цивилизованные государства всерьез отнесутся к таким предупреждениям, говорит их скудное освещение в прессе: всего лишь краткая информация в нью-йоркской «Дейли Ньюс», «Чикаго Трибьюн» и минеа-полисской «Стар Трибьюн»³⁶. Причины такой скудости вполне понятны участникам «встречи пятнадцати». Их сформулировал президент Малайзии Махатир Мохамад: «Парадоксально, но величайшей катастрофой для нас, всегда бывших антикоммунистами, является поражение коммунизма.

Окончание холодной войны лишило нас единственного средства — возможности поступиться своими принципами. Теперь нам примкнуть не к кому».

Таков не парадокс, а нормальный процесс цивилизующего воздействия на реальный мир во все века.

Тема выходит далеко за рамки нашей текущей дискуссии, но ее основные вопросы непосредственно связаны с «лицензией на всемирный интервенционизм» и тем, как к ней относятся в тех многочисленных уголках мира, где балканская авантюра и ее последствия трактуются весьма отлично от того, как это принято в цивилизованных государствах.

Глава 7. Мировой порядок и его правила

«Одно из обвинений, которое редко приводится в американской прессе, но зато поддерживается многими людьми за рубежом, состоит в том, что бомбардировки Югославии явились вопиющим нарушением суверенитета и международного законодательства», — отмечал Сердж Шмеманн в завершении длинной обзорной передовой статьи относительно последствий этой войны¹. Причины такого контраста между национальной прессой и мнением мировой общественности легко понятны тем, кто не может позволить себе «сознательного игнорирования», некоторые примеры которого мы уже приводили.

Несмотря на отчаянные старания идеологов доказать, что дважды два будет пять, нет никаких серьезных причин сомневаться в том, что натовские бомбардировки еще более подрывают и без того хрупкую структуру международного законодательства. США, как мы уже видели, ясно дали понять это еще во время дебатов, предшествовавших принятию окончательного решения НАТО. Чем больше общественность узнавала о регионе конфликта, тем более резкой в целом становилась ее оппозиция Вашингтону, который настаивал на применении силы, причем даже оппозиция внутри самого НАТО (Италия и Греция). Подрыв международного законодательства — явление опять же не новое, другой недавний пример: бомбардировки Ирака, предпринятые США и Соединенным Королевством в декабре 1998 года и явившиеся жестом небывалой наглости и презрения по отношению к Совету Безопасности; даже время этих бомбардировок совпало с его чрезвычайной сессией, призванной решить, как преодолеть данный кризис. А вот еще одна иллюстрация: за несколько месяцев до иракских событий Клинтон разрушил добрую половину фармацевтического производства в маленькой африканской стране, — в качестве очередного подтверждения неоспоримой истины, что стрелка нашего «нравственного компаса» никогда не отклоняется от справедливости и правоты. Этот факт остался практически незамеченным, как какой-то малозначительный курьез, хотя подобные же разрушения американской промышленности исламскими террористами наверняка вызвали бы несколько иную реакцию. Вероятно, это пример того самого «конструктивного сдерживания», к которому советует прибегать STRATCOM, т. е. нацеленности на то, что сейчас «более всего значимо в рамках данной культуры», — здесь это судьба детей, умирающих от легко излечимых болезней.

Было бы излишне в очередной раз указывать на то, что существует и куда более обширная летопись событий, которой мы тоже могли бы уделить внимание прямо сейчас, поскольку ее факты можно рассматривать как примеры, выявляющие именно те «практики и обычаи», которыми принято обосновывать право большинства цивилизованных государств «делать то, что кажется им справедливым» при помощи силы.

Надо полагать, — и это будет близко к истине, — что возможность дальнейшего разрушения мирового порядка сейчас уже не имеет значения, подобно тому, как это было в 1930-х. Презрение главной мировой державы относительно структуры мирового порядка приняло столь запредельные формы, что здесь уже практически нечего обсуждать. Обзор истории внутренних политических документов доказывает, что нынешняя позиция этого государства восходит к куда более давним дням — еще к первому меморандуму только что сформированного Совета национальной безопасности, вышедшему в 1947 году. В годы правления Кеннеди эта позиция стала обретать открытые очертания, как, например, в том случае, когда видный государственный деятель и советник Кеннеди Дин Эчисон, оправдывая блокаду Кубы 1963 года, информировал «Американское общество международного законодательства» о том, что «правильность» американского ответа «на вызов... силе, позиции и престижу Соединенных Штатов... не подлежит юридическому суду». «По Эчисону, единственная цель разговоров о международных законах, просто „приукрасить наши позиции этосом, вытекающим из самых общих моральных принципов, которые лежат в основе юридических доктрин“», — и лишь там, где это уместно².

Во времена Рейгана и Клинтона основное новшество заключалось в том, что нарушение США международных законов и торжественных обязательств приняло уже совершенно открытые формы и даже во всеуслышание констатировалось на Западе как «новый интернационализм», возвещающий прекрасную новую эру, уникальную в человеческой истории. Как мы уже говорили, в традиционных вотчинах цивилизованных государств эти достижения воспринимались по-разному, и по самым разным причинам становились поводами для волнения даже некоторых политических аналитиков ястребиного толка.

Окончание холодной войны дало возможность превзойти в цинизме даже Эчисона. Больше нет необходимости склонять голову перед мировым порядком, теперь такое послушание, по-видимому, вообще не в почете, так как цивилизованные государства делают все, что хотят, не заботясь о том, что могут напугать или оскорбить мировую общественность. Как совершенно ясно доказывают наши последние достижения, без международного законодательства можно обойтись, — хватит и менеджмента, основанного на собственных доктринах, чтобы «приукрасить наши позиции этосом, вытекающим из самых общих моральных принципов». Сильные мира сего могут организовать «новаторское, но оправданное расширение международных законов»³ в собственных интересах, скажем для «гуманитарной интервенции» в Косове при помощи бомб, но не для прекращения огромного потока смертоносного оружия, с которым можно проводить еще более беспощадные этнические чистки и государственный террор в пределах самого НАТО, не говоря уже о менее масштабных трагедиях. При условии, что «непопулярные идеи замалчиваются, а неудобные факты укрываются» — в духе, описанном Оруэллом в его (тоже замалчиваемых) наблюдениях о жизни свободных обществ, все это пройдет гладко. И будет носить название «рубежа в международных отношениях» до тех пор, пока «цивилизованные государства», которые идут за «идеалистическим Новым миром, призванным положить конец бесчеловечности», продолжают применять вооруженную силу там, «где это кажется им справедливым», — иначе говоря, создавать «правила игры», которые дают им «право вмешаться и силой заставить непокорных выполнить то, что „цивилизованные“ считают справедливым», неизменно «прикрываясь фиговым листком нравственной правоты», как это было еще в колониальную эру (Джильбоа).

С точки зрения цивилизованных государств, различия в интерпретации этих вещей отражают резкую грань, отделяющую их «нормальный мир» от мира отсталых народов, которым недоступны «западные концепции терпимости» и которые еще не преодолели «человеческой способности ко злу», к большому сожалению и тревоге цивилизованного мира.

В таком контексте едва ли стоит удивляться тому, что «сегодня международные законы в нашей стране чтят уже не так высоко, как ранее» после основания «Американского общества международного законодательства» в 1908 году. Или тому, что редактор ведущего профессионального журнала по международному законодательству должен предупреждать нас о «все более тревожном постоянстве» Вашингтона, когда он отказывается от исполнения своих договорных обязательств⁴.

Доминирующее сегодня отношение цивилизованных государств к институтам мирового порядка ярко проявилось и тогда, когда Югославия обратилась в Международный суд с иском против стран НАТО, апеллируя при этом к конвенции, запрещающей геноцид. Суд определил, что действия НАТО не подпадают под эту конвенцию, и счел, что «стороны должны действовать, исходя из своих обязательств согласно Хартии Организации Объединенных Наций», которая недвусмысленно запрещает бомбардировки; «выражаясь фигурально, бомбардировки нарушают международное законодательство», говорилось в «Нью-Йорк Таймс»⁵. Особенно интересным был ответ правительства США, которое и представило неопровержимый юридический аргумент, принятый судом, о том, что его действия не подпадают под юрисдикцию суда. США действительно ратифицировали Конвенцию о запрещении геноцида, но после долгих проволочек и с оговоркой, согласно которой в случае, если в этом обвиняют их самих, то для рассмотрения дела «необходимо особое согласие Соединенных Штатов»; и Соединенные Штаты отказываются дать свое «особое согласие», предусмотренное данной оговоркой. Правила Международного суда требуют, чтобы обе стороны признавали его юрисдикцию в данном конкретном деле, напомнил суду адвокат Джон Крук, однако США ратифицировали Конвенцию с тем условием, что ее действие фактически не будет распространяться на Соединенные Штаты. *Quod erat demonstrandum*⁶[2].

Можно только добавить, что сама эта оговорка распространяется достаточно широко. США ратифицируют лишь немногие законодательные конвенции, касающиеся прав человека и связанных с ними вопросов, и, даже подписывая эти немногие, они настаивают на таких условиях и оговорках, которые по сути делают подобные конвенции неприменимыми в отношении Соединенных Штатов⁷.

Любопытно было бы услышать хоть какие-нибудь объяснения от тех, кто отказывается соблюдать международные обязательства, и если бы честность и человечность котировались в нашем обществе как непререкаемые ценности, то эти объяснения не сходили бы с первых страниц газет и занимали бы видное место в школьных и университетских программах.

Люди, наделенные самой высокой властью, ясно дали понять, что международные законы и ведомства сегодня излишни, потому что они больше не следуют приказам Вашингтона, как

раньше, в первые послевоенные годы, когда американская мощь довлела над всем миром. Когда Международный суд рассматривал дело о том, что он впоследствии осудил как «незаконное применение [Вашингтоном] силы» против Никарагуа, госсекретарь Джордж Шульц, известный в администрации Рейгана как «мистер Чистюля», высмеивал тех, кто отстаивает «такие утопические законодательные инструменты, как внешнее посредничество, Объединенные Нации и Международный суд, игнорируя сильный и властный элемент уравнения». Четко и откровенно, и ничуть не оригинально. Как объяснил юрисконсульт Государственного департамента Абрахам Соуфаер, нам больше «не приходится рассчитывать» на то, что члены ООН «будут разделять наши взгляды», и «большинство часто выступает против Соединенных Штатов по важным международным вопросам», поэтому мы должны «оставить за собой право решать», как нам действовать и какие вопросы подпадают «главным образом под собственную юрисдикцию Соединенных Штатов, область которой установлена Соединенными Штатами», — в данном случае вопрос о «незаконном применении [Вашингтоном] силы» против Никарагуа⁸.

Как хорошо абстрактно рассуждать о «новаторском, но оправданном расширении международных законов», которое дает право на «гуманитарную интервенцию», или предоставлять цивилизованным государствам возможность использовать силу оружия там, где «это кажется им справедливым». Но приходится признать и тот факт, что едва ли случайно государства, считающие себя цивилизованными, и государства, могущие делать то, что им заблагорассудится, оказываются одними и теми же государствами. И что в реальном мире они могут выбирать из двух вариантов:

1. Принять некоторый тип структуры мирового порядка, возможно, Хартию ООН, Международный суд и другие существующие институты, или что-нибудь лучшее, если таковое может быть создано и принято большинством;
2. Сильные мира сего действуют, как им будет угодно, рассчитывая заслужить тот вид хвалы и уважения, который является прерогативой силы.

В качестве предмета абстрактных дискуссий скорее подойдут другие, возможные миры, которые уместно обсуждать студентам старшекурсникам на семинарах по философии. Но реальный мир, по крайней мере на сегодня, определен в двух рассмотренных вариантах, — это мир, в котором должны приниматься решения, влияющие на судьбу человека.

Факт, что реальный выбор сводится к двум нашим вариантам, еще пятьдесят лет назад был признан Международным судом⁹: «Присвоение права на интервенцию суд может рассматривать только как выражение политики силы, подобной той, которая в прошлом приводила к самым серьезным нарушениям прав человека и для которой, при всем несовершенстве международных организаций, не может быть места в международном законодательстве... По природе вещей, право на интервенцию сохранится за самыми влиятельными государствами, и оно легко может привести к нарушениям в отправлении самого правосудия».

Можно занять позицию «сознательного игнорирования» и не замечать «практики и обычаев», либо отказаться от них под каким-нибудь нелепым предлогом («смены курса», «холодной войны» или что-нибудь в этом роде). А можно отнестись к практике, обычаю и

официальной доктрине всерьез, — так же как к реальной истории «гуманитарных интервенций», — пусть исходя из все тех же общепринятых норм, но хотя бы позволяя себе в дальнейшем достичь доли истинного понимания того, что происходит в мире.

Как тогда решится конкретный вопрос о том, что нужно было делать в Косове? Он останется без ответа. Ответ на него невозможно просто вывести из Абстрактного принципа, а тем паче вывести его из благих надежд, так как он требует пристального внимания к ситуации реального мира.

На мой взгляд, напрашивается вывод, что США выбрали способ действия, который, — как можно было предвидеть, — приведет к эскалации насилия и преступлений, нанесет очередной удар по международному порядку, в котором слабому предлагается хотя бы ограниченная защита от хищнических государств, подорвет успехи демократии, достигнутые в Югославии, в том числе, возможно, в Македонии, кроме того, поставит крест на перспективах разоружения и определенного контроля над ядерным оружием, а также другим оружием массового поражения, и, конечно, может не оставить безъядерным государствам другого выбора, кроме как «приобрести ядерное оружие» в целях самообороны. Из трех логически возможных вариантов они выбрали первый — «способствовать эскалации катастрофы», отвергнув две другие альтернативы: «не делать ничего» и «пытаться смягчить катастрофу». Был ли реален третий вариант? Наверняка знать нельзя, но есть признаки того, что он был возможен, и эти признаки мы рассмотрели выше.

Для самого же Косова единственным вероятным выводом с самого начала был такой: «каждая бомба, падающая на Сербию, и каждое этническое убийство в Косове говорят о том, что для сербов и албанцев едва ли будет возможно жить иначе, чем в мире, неважно, как это будет выглядеть»¹⁰. Иные возможные долгосрочные последствия неприятно себе представлять. В лучшем случае, если НАТО немедленно воплотит в жизнь собственную версию официального урегулирования, то «головокружительные проблемы» по-прежнему будут ждать своего решения, и особенно срочного — те, которые, как это уже было признано, являются непосредственным «результатом» бомбардировок.

Стандартный аргумент сводится к тому, что мы должны были что-то делать, нельзя было стоять и смотреть, как продолжают преступления. Поэтому будто бы альтернативы применению силы не было. Как заявил Тони Блэр, которому многие кивали в знак благоразумного согласия, «сидеть сложа руки означало бы, что мы миримся со зверствами Милошевича»¹¹. Если, как это негласно предполагалось, третий вариант («смягчение катастрофы») был исключен, и оставался только первый («эскалация катастрофы») или второй («бездействие»), то следовало выбрать первый. То, что подобный аргумент вообще мог прозвучать, свидетельствует об отчаянии сторонников бомбардировок. Представьте, что на ваших глазах на улице совершается преступление, и вы чувствуете, что не можете просто молча стоять и смотреть, — и вот вы вскидываете ружье и убиваете всех участников: преступника, жертву, свидетелей. Следует ли понимать это как разумный и нравственный ответ, как учат нас принципы Блэра?

Есть один выбор, который можно сделать всегда, — это последовать принципу Гиппократа: «Главное — не навреди». Если вы не знаете, как соблюсти такой элементарный принцип, лучше не делайте ничего, по крайней мере это предпочтительнее, чем причинять вред, — таков вывод, который в случае с Косовом заранее был признан «предсказуемым», и предсказание полностью сбылось. Иногда действительно бывает так, что мирные возможности на исходе, и «не осталось альтернативы» бездействию или причинению большого вреда. В таких ситуациях всякий, кто хоть самую малость претендует на то, чтобы быть проводником нравственных принципов, выберет правило Гиппократа. Однако то, что нельзя предпринять ничего конструктивного, еще следует доказать. В случае с Косовом дипломатическое решение конфликта казалось возможным и наверняка было бы продуктивным, как об этом уже говорилось и как, наконец-то, стало признаваться официально, хотя слишком поздно. О праве на «гуманитарное вмешательство» в ближайшие годы, по-видимому, будут вспоминать нередко, — где-то, может быть, оправданно, а где-то нет, — ведь теперь система сдерживания рухнула (обеспечив большую свободу действия), а причины холодной войны утратили свою актуальность (нынче требуются иные предлоги). В такую эпоху, наверное, стоит внимательнее относиться к мнениям наиболее уважаемых комментаторов, не забывая и Международный суд, который вынес собственное решение по вопросу об интервенции и «гуманитарной помощи», отклоненное Соединенными Штатами; о сути этого решения даже не сообщалось в прессе.

В рамках учебных курсов международных отношений и международного законодательства едва ли можно услышать более авторитетные голоса, чем Хедли Булла или Луиса Хенкина. Булл еще пятнадцать лет назад предупреждал о том, что «отдельные государства или группы государств, которые заявляют о своем высоком праве решать, что есть общее мировое благо, не учитывая при этом чужие взгляды, представляют реальную угрозу мировому порядку, а значит, любым эффективным действиям в этой сфере». Хенкин в классической работе по мировому порядку пишет следующее: «Прискорбно, что запреты на применение силы ломаются под давлением могущественных, а аргументы, измышляемые с целью узаконить применение силы, в таких обстоятельствах являются неубедительными и опасными... Даже „гуманитарную интервенцию“ слишком просто использовать как удобный случай или предлог для агрессии. Нарушения прав человека, к сожалению, случаются слишком часто, и если бы от них можно было избавиться, приложив силу извне, то закон позволял бы использовать силу почти любому государству против почти любого же. Я надеюсь, что мы будем отстаивать права человека и устранять прочие несправедливости другими, мирными средствами, что мы не дадим дорогу агрессии и не сведем на нет принципиальный прогресс международного законодательства, объявление войны вне закона и запрет на применение силы»¹².

Это размышления, от которых невозможно просто взять и отмахнуться.

Признанные основы международного законодательства и мирового порядка, договорные обязательства, решения Международного суда, взвешенные суждения уважаемых комментаторов — все это не создает автоматически общих принципов или решений конкретных проблем. Но каждое такое суждение стоит учитывать. Тем, кому чужды нормы [доведения Саддама Хусейна, придется брать на себя Нелегкое бремя доказательства того, что они имеют право на угрозу или применение силы. Возможно, такое бремя им по плечу,

но это и надо доказать, а не просто провозгласить. Следует тщательно оценивать все последствия — особенно те, которые мы считаем «предсказуемыми». Должны быть оценены и причины наших действий — на рациональных основах, с внимательным отношением к историческим фактам и документальным свидетельствам, а не только с низкопоклонством в адрес наших вождей и тех «принципов и ценностей», которые приписывают им почитатели.

Комментарии

Глава 1. «Во имя принципов и ценностей»*

(1) Источники будут указаны ниже, когда речь пойдет о контексте этих суждений.

(2) ФРЮ состоит из Сербии и Черногории. Власти НАТО и ФРЮ едины в том, что рассматривают Косово как провинцию ФРЮ, часть Сербии с неопределенным статусом, — к этому мы позже еще вернемся. Подавляющее большинство албанцев уже давно ясно заявило о своем требовании независимости. Албанское название региона звучит как «Косова». Я буду пользоваться теми же названиями, которые приняты у властей США и НАТО, а также являются международной нормой. Термин «косовары» часто употребляется для обозначения косоваров-албанцев. Я же буду придерживаться более понятного термина «косовские албанцы». Однако в значении всякого термина есть своя доля неясности.

(3) Ann Scales and Louise Palmer, Kevin Gullen, Boston Globe, March 25; William Jefferson Clinton, New York Times, May 23, 1999. Слова Олбрайт цитируются по обзорной статье Бартона Геллмана в «Вашингтон Пост»: Barton Gellman, «The Path to Crisis: How the United States and Its Allies Went to War; The Battle for Kosovo, A Defining Atrocity Set Wheels in Motion», International Herald Tribune, April 23, 1999.

(4) Blair, Newsweek, April 19; Roger Cohen, New York Times, May 16, 1999.

(5) Профессор права Калифорнийского университета Michael Glennon, «The New Interventionism», Foreign Affairs May/June 1999, передовая статья.

(6) Там же.

(7) Thomas Weiss, Boston Review, February/March 1994.

(8) Freidman, «Foreign Affairs», New York Times, June 4, 1999.

(9) Donald Fox and Michael J. Glennon, «Report to the International Human Rights Law Group and The Washington Office on Latin America», Washington D. C, April 1985, 21. См. также: Glennon, «Terrorism and 'intentional ignorance'», Christian Science Monitor, March 20, 1986. Реакцией на этот доклад было то самое сознательное игнорирование. См. мои Necessary Illusions (South End, 1989), 78.

(10) Опубликовано биографом Оруэлла Бернардом Криком в Times Literary Supplement, Sept. 15, 1972; перепечатка в издании «Everyman's Library». Биография, написанная Криком,

особого света на эту историю не проливает.

(11) Kinzer, *New York Times*, June 4, 1999.

(12) Редакционная колонка *Washington Post National Weekly Edition*, June 14, 1999.

(13) В Комиссию по безопасности и сотрудничеству в Европе входит большинство стран Европы, Турция, Канада и США.

(14) Редакционная колонка *Washington Post Weekly*, March 1, 1986.

(15) Amos Gilboa, «NATO is a Danger to the World», *Ma'ariv*, May 94; мы еще вернемся к более широкому освещению его выводов. Tali Lifkin-Shahak, «Power Won, Peace Lost», *Ma'ariv*, June 10; Solzhenitsyn, *Associated Press*, April 28; Igor Veksler, *TASS*, April 27. Draskovic, Steven Erlanger, «A Liberal Threatens Miloshevic With Streets Protests», *New York Times*, April 27, 1999.

(16) «Crisis in the World and in the Peace Movement» in Net Hentoff, ed., *The Essays of A. J. Muste* (Bobs-Merill, 1967). См. мой «Revolutionary Pacifism of A. J. Muste», репринт в *American Power and the New Mandarins* (Pantheon 1969).

(17) Hugh Pope, «Turkey Again is a Key Strategic Ally of the West», *Wall Street Journal*, May 25, 1999.

(18) Выражение позаимствовано из заглавия одного из первых и лучших общих исследований: Laura Reed and Carl Kay-sen, eds., *Emerging Norms of Justified Intervention* (American Academy of Arts and Sciences, 1993).

(19) С этим связан еще один часто звучащий аргумент, согласно которому советское вето препятствовало гуманитарным стремлениям англо-американцев — раньше, но не теперь, когда мы «миновали холодную войну» и «на море теперь тишь да гладь» (редакционная статья *New York Times*). Чтобы подтвердить этот тезис, придется сбросить со счетов — или отрицать, как это часто и делается, — тот факт, что с 1960-х гг., когда ООН вышли из-под контроля, США обогнали всех в своем стремлении наложить вето на резолюции Совета Безопасности по самому широкому спектру вопросов; Британия была второй, а Франция — с большим отрывом третьей. Один из способов не допустить адекватного понимания этих вещей — это свалить в кучу все вето, не отделяя ранних (большой частью исходивших от СССР, когда соотношение сил обеспечивало подчинение ООН диктату США) от последующих, характерных для эпохи деколонизации, когда в сферу ООН стал включаться более широкий круг мировых проблем. О разнице между доктриной и реальностью см.: *Deterring Democracy* (Verso, 1991; Hill & Wahg, 1992), ch. 6.

(20) Отдельной темой является обратная ситуация — препятствия со стороны США советской интервенции, которая была зверской и отвратительной, но куда более ограниченной по масштабу, чем интервенционизм Запада, хотя пропаганда (в том числе нередко и ученые-политологи) раздувала ее грехи в обычной манере: к проявлениям советского экспансионизма была отнесена и поддержка режимов и регионов, являвшихся целью вмешательства и агрессии со стороны США. Как бы то ни было, этот компонент

мирового беспорядка не является заметной чертой эпохи после холодной войны, на которую приходится рамки данной дискуссии.

(21) Lake, *New York Times*, Sept. 26, 1993; *New York Times*, Sept. 23, 1994. Steven Holmes, *New York Times*, Jan. 3, 1993; последнего цитирует Марк Трахтенберг в своем обзоре прецедентов, относящихся к новым доктринам: Marc Trachtenberg, «Intervention in Historical Perspective» in Reed and Kaysen, op. cit.

(22) Sebastian Mallaby, «Uneasy Partners», *New York Times Book Review*, Sept. 21, 1997. Высокого политика из Администрации цитирует Thomas Friedman, *New York Times*, Jan. 12, 1992.

(23) Glennon, «New Interventionism» и комментарии в прессе, к которым мы вернемся позднее.

(24) Trachtenberg, op. cit.

(25) Thomas Fleming, *Independent*, March 7, 1999.

(26) Clinton, «A Just and Necessary War».

(27) Подробнее о потоках беженцев и в целом по истории вопроса см.: Miranda Wickers, *Between Serb and Albanian: A History of Kosovo* (Columbia 1998).

(28) Carlotta Gall, *New York Times*, April 5. Резюме основано на данных НАТО и Верховного Комиссара по делам беженцев ООН начиная с 11 апреля: они прилагались к ретроспективному обзору Джона Кифнера в *New York Times*, May 29, 1999. О сербах: Guy Dinmore, *Financial Times*, April 1; Kevin Gullen, *Boston Globe*, June 12, 1999. Weller, «The Rambouillet Conference», *International Affairs* 75.2, April 1999. Goss, BBC, «Panorama: War Room», April 19, 1999. UNHCR press-release, March 11, 1999.

(29) Данные Верховного Комиссара приводятся в *Boston Globe*, June 5 1999: 443 100 беженцев в Албанию, 228 400 — в Македонию. О беженцах в Черногорию и за рубеж см. у John Yemma, *Boston Globe*, June 6.

(30) Yugoslav Red Cross, «Report on the Humanitarian Situation», May 8, 1999.

(31) Клинтон в своей речи по случаю победы натовских сил сообщил, что в Косове было разрушено 500 деревень. *New York Times*, June 11, 1999. Levi, «Kosovo: It is Here», *Ha'aretz* April 4; Шарон и другие официальные лица Израиля: Samdar Peri, Yediot Ahronot, April 9; Judy Dempsey, *Financial Times*, April 12. Слова Леви и Шарона приводит Amnon Kapeliouk, *Le Monde Diplomatique*, May 1999. Williams, *Middle East International*, April 23, 1999. См. также: Peretz Kidron, «Israel: From Kosovo to 'national unity'», *Middle East International*, April 9; редакционная статья «Kosovo — 1948 revisited» в том же выпуске; *Economist*, April 10, 1999. Слова Хоува взяты из его рассказа о собственном шокирующем открытии 1982 года — того, что оккупация территорий оказала на израильское общество «очерствляющий», хотя и не «развращающий эффект», как указывалось в книге, обзор которой он делал (*New York Times*

Book Review, *M&Y* 6, 1982).

(32) См. у меня в *World Orders Old and New* (Columbia, 1994; и дополненное издание с учетом новых взаимодействий США, Израиля и Палестины, 1996).

(33) О такой реконструкции современной истории см. у меня в *Fateful Triangle* (South End, 1983, дополн. издание — 1999); *Pirates and Emperors* (Claremont, 1986; Amana 1988, Black Rose 1988); *World Orders*. Norman Funkelstein, *Image and Reality in the Israel-Palestine Conflict* (Verso, 1995). О других свежих источниках см.: *World Orders* (1996, Epilogue).

(34) Более широкое обсуждение вопроса см. в: Chomsky and Edward S. Herman, *Political Economy of Human Rights* (South End 1979), в двух томах; Herman and Chomsky, *Manufacturing Consent* (Pantheon 1988); Herman, *The Red Terror Network* (South End 1982); Alexander George, ed., *Western State Terrorism* (Polity 1991); William Blum, *Killing Hope* (Common Courage 1995) и многих других источниках. Об отдельных попытках реакции см.: *Necessary Illusions and Edward Herman, «The Propaganda Model Revisited», Monthly Review, July-August 1998.*

(35) О колебаниях относительно Ирака, связанных с переменами политических потребностей, и других аналогичных случаях см.: *Deterring Democracy («Afterward», 1992); World Orders; Powers and Prospects* (South End 1996). О том, как Вашингтон и Лондон «лелеяли и пестовали» Саддама до того, как он отважился на преступное неповиновение, см.: Miron Rezun, *Saddam Hussein's Gulf Wars* (Praeger 1992), — особенно описание того, как лебезила перед багдадским Мясником делегация ведущих сенаторов, которая приехала за несколько месяцев до его вторжения в Кувейт с дружественным визитом, чтобы передать привет от Джорджа Буша. Также см.: Mark Phythian, *Arming Iraq: How the U. S. and Britain Secretly Built Saddam's War Machine* (Northeastern U., 1997); *United States Export Policy Toward Iraq Prior to Iraq's Invasion of Kuwait, Hearing Before the Committee on Banking, Housing and Urban Affairs, U. S. Senate, One Hundred Second Congress, Oct., 1992*, в частности Gary Milhollin, «Licensing Mass Destruction», pp. 102-120.

(36) Heyden, интервью с Doug Henwood, WBAI, April 15, 1999. Отредактированный вариант в *Left Business Observer* Хенвуда, #89, April 27, 1999.

(37) Clark, «Overview», *New York Times*, March 27. А также *Sunday Times* (London), March 28: «Главкомандующего силами НАТО Уэсли Кларка ответная волна гнева нисколько не удивила. „На данной стадии это было полностью предсказуемым“, сказал он» по поводу «ужасных» последствий бомбардировок для гражданского населения. Rubin, «Overview». Clark, *Newsweek*, April 12, 1999.

(38) *Boston Globe*, April 4, 1999.

(39) Elaine Sciolino and Ethan Bronner, *New York Times*, April 8, 1999. Goss, op. cit. Vickers, op. cit., 273. Ретроспективная информация в прессе подтверждает данные отчета Госса. Наблюдатели принадлежали к Ассоциации Безопасности и Сотрудничества в Европе (АБСЕ).

(40) Jeffrey Smith and William Drozdiak, *Washington Post Weekly*, April 19; John Kifner, *New York Times*, May 29, 1999.

(41) BBC Summary of World Broadcasts, March 25, 1999, Thursday SECTION: Part 2 Central Europe, the Balkans; FEDERAL REPUBLIC OF YUGOSLAVIA; SERBIA; EE/D3492/A, с цитатами из Tanjug — югославского государственного агентства новостей.

(42) Обзоры последних новостей на Среднем Востоке см. у меня в World Orders и Fateful Triangle, и Finkelstein, op. cit. О Среднем Востоке и Центральной Америке см. также в Necessary Illusions.

Глава 2. Перед бомбардировками*

(1) Jasmina Teodosijevic, «Kosovo: Background», рукопись, April, 1996. Более подробный обзор см. у Vickers, op. cit.

(2) . Ibid., 193.

(3) Ibid., 235,239,213,228, xi f.

(4) Ibid., 277; Hooper, «Kosovo: America's Balkan Problem», Current History, April 1999. Ярый сторонник военных действий НАТО, Хупер является исполнительным директором Вашингтонского Совета по действиям на Балканах, а ранее он служил в Госдепартаменте заместителем директора по балканским делам, затем — заместителем главы миссии в Варшаве.

(5) Vickers, op. cit., 265.

(6) В связи с этим Прокурору Международного Трибунала по военным преступлениям в Югославии были направлены три формальных «жалобы и просьбы провести расследование и наказать виновных», — в том числе от группы канадских юристов, входящих в Американскую юридическую ассоциацию; Alexander Cockburn, June 21, 1999. Никаких отчетов о дальнейших действиях я не нашел.

(7) Fisk, Independent, (London), May 15,1999.

(8) William Drozdiak, Washington Post-Boston Globe, June 9, 1999. О кассетных бомбах см. ниже, в разделе 3.2, где приводятся некоторые примеры из 90-х гг.

(9) Vickers, Teodosijevic, op. cit.

(10) Judah, The Serbs: History, Myth & the Destruction of Yugoslavia (Yale 1997).

(11) «Сербов ровно столько же», сколько албанцев, пишет он, что кажется довольно сомнительным, учитывая особенности демографии и распределения власти в регионе. Более подробная характеристика перемещений населения, данная Викерсом, нисколько не добавляет ясности в этот вопрос.

(12) Hedges, «Kosovo's Next Masters», Foreign Affairs, May/ June 1999.

(13) Vickers, op. cit. t 268.

(14) Op. cit. См. также: Hedges, «Victims Not Quite So Innocent», New York Times, March 28, 1999; Ray Bonner, «NATO is Wary of Proposals to Help Arm Kosovo Rebels», New York Times, April 4, 1999.

(15) О современных взглядах Джудаха можно узнать из «Inside the KLA», New York Review, June 10. 1999.

(16) Vickers, op. cit.

(17) Gellman, op. cit. По другим сообщениям, главным зачинщиком репрессий и объектом партизанских атак была полиция Министерства внутренних дел, а не армия.

(18) Judah, Wall Street Journal, April 7, 1999.

(19) Sciolino and Bronner, op. cit.

(20) Judah, op. cit, 300 f.

(21) Об этих событиях, их интерпретации и реакции на них см. в Fateful Triangle (издание 1999 года), стр. 528 и далее, и цитируемые здесь источники; и Human Rights Watch, Israel/Lebanon: «Operation Grapes of Wrath», Sept. 1997. О Пересе 80-х и политике «железного кулака» см.: Pirates and Emperors. Об успешном конструировании истории в более выгодном свете — правда, в США, а не в Израиле, — см. в этих книгах а также: Finkelstein, op. cit., World Orders (chap. 3 and «Epilogue»).

(22) Gellman, op. cit.; Smith & Drozdiak, op. cit.

(23) Свидетельств нет, но предположение это вполне естественное. См. у Kif пег, op. cit., цитаты из сообщений об усилении зверств после отзыва наблюдателей, произошедшего 19 марта. Мы еще вернемся к другим свидетельствам, представленным американским правительством, но они относятся к 1999 году.

(24) Column Lynch, Boston Globe, Oct. 8; Susan Milligan, Boston Globe, Oct. 9, 1998,

(25) Бывший редактор Boston Globe Рэндольф Райэн, который несколько лет работал в Югославии для международных агентств, и сербский ученый-диссидент Ясмина Теодосьевич.

(26) Justin Brown, «NATO hits Serbia's Northern Province Hard», CSM, April 22; Carlotta Gall, «No Water, Power, Phone: A Serbian City's Trials», New York Times, May 4, 1999.

(27) См. канадского историка Floyd Rudmin, Bordering on Aggression: Evidence of U. S. Military Preparations Against Canada (Voyageur, 1993).

(28) BBC, April 19; см. главу 1, примечание 41.

(29) Frances Williams из международного состава, *Financial Times*, Oct. 7, 1998. Об отсутствии таких полномочий см. в: Weller, op. cit. \ он считает, что бомбардировки тем не менее были оправданы как «гуманитарная интервенция», однако, аргументов никаких не приводит.

Глава 3. Оценивая гуманитарные намерения*

(1) Некоторые примеры последних лет см. у меня в *Culture of Terrorism* (South End 1988), ch. 5, 6; *Year 501* (South End 1993), ch. 7; *Rethinking Camelot* (South End 1993), ch. 1; здесь только маленькая иллюстрация.

(2) См. более подробный обзор в *Deterring Democracy*, *Year 501*, *World Orders* и цитируемых источниках. Мы вернемся к этой теме в главе 6.

(3) Цитируется по: Mark Ames and Matt Taibbi, *Counterpunch*, May 16–30.

(4) Существует и некая противоположная версия, основанная главным образом на взглядах ведущих французских репортеров. См.: *Covert Action Quarterly*, Spring/Summer 1999. Здесь важны не сами факты, а их восприятие.

(5) *Americas Watch* (теперь *Human Rights Watch/Americas*), *A Year of Reckoning* (March 1990). Ames and Taibbi, op. cit.

(6) Koppel, *Nightline*, ABC-TV, Jan. 29; Jeffrey Smith, «This Time Walker Wasn't Speechless; Memory of El Salvador Spurred Criticism of Serbs», *Washington Post*, Jan. 23, 1999. Цит. по: Mark Cook, *Covert Action Quarterly*, Spring-Summer 1999.

(7) Это неполная информация. Так, сейчас «*Экономист*» приводит данные о 250 000 «убитых и погибших от голода» или «почти трети всего населения», а также «жутких угрозах и издевательствах, которые здесь уже стали привычными» (May 1, 1999). Но приводя эти (возможно, преувеличенные) показатели, авторы «*Экономиста*» не удосуживаются вспомнить, на каких позициях недавно стояли сами, когда давно уже были известны многие факты: тогда они считали, что самый главный массовый убийца и мучитель, который расширил сферу применения своих методов за пределы собственно Индонезии, вторгшись на соседние с ней территории, «сердцем добр», и что сказки о военных преступлениях стряпают «пропагандисты для партизан», «болтая о зверствах армии и применении пыток» (Aug 15, 1987). О Восточном Тиморе (и реакции элит на эти события) см.: *Political Economy of Human Rights*, vol. 1, и у меня в *Towards a New Cold War* (Pantheon 1982). О более близких событиях и их освещении в прессе см., в частности, Powers and Prospects и другие источники.

(8) Mark Dodd, *Age* (Australia), May 1, April 30, 1999. John Aglionby, *Observer* (London), April 25, 1999: сообщение о Суаи, а также с места событий — о власти террора в центре кофейных плантаций Эрмера. Lindsay Murdoch and Peter Cole-Adams, «Freedom Slaughtered», *Sydney Morning Herald*, April 19. Aid workers Tim Dodd and Greg Earl, *Australian Financial Review*, Feb.

27-28. Murdoch, Age, May 6 (with Brendan Nicholson), 7, 8. Интервью Мэрдокас Мерфи, Age, March 10. Dodd, «Outspoken US doctor forced out», Sydney Morning Herald, May 17, 1999. Lindsay Murdoch, «Wall of military blocks doctors», Sydney Morning Herald, June 3, 1999. 0 Ликисе и других побоищах см. также: TAPOL Bulletin No. 152, May 1999, London.

(9) Brian Woodley, Australian, May 14. Peter Hartcher, Australian Financial Review, May 1, 1999; он цитирует бывшего австралийского офицера Боба Лоури, «человека, который написал книгу по проблеме» АВШ.

(10) McNaughtan, Sydney Morning Herald, April 22; Murdoch and Nicholson, Age, May 6, 1999.

(11) Fran Abrams, «What Cook Said, What is Happening», Independent, May 23; World in Action, June 2, 1997. Richard Norton-Taylor and Lucy Ward, «Ministers attacked over military export licenses», Guardian, May 15; Fran Abrams, «Britain still selling Indonesia arms», Independent, May 15; Michael Evans, «Britain accused of selling Jakarta anti-riot weapons», Times, May 15, 1998. Michael Prescott and Zoe Brennan, «Cook sells twice as many guns to Indonesia as Tories», Sunday Times, March 14; Pilger, «Blood on British Hands», Guardian, Jan. 25, 1999. O'Shaughnessy, «Arms and aid to Indonesia — it's business as usual», Independent on Sunday, July 13, 1997. Reuters, «US bans use of its weapons on Timor», Age, Oct. 23, 1998. Отговорки Клинтона: Reuters, New York Times, Dec. 8, 1993 — несколько строк на внутренней странице; Irene Wu, Far Eastern Economic Review, June 30, 1994. Более подробно см.: Powers and Prospects, ch. 8.

(12) Haq, IPS, May 28, 1998.

(13) Ibid.

(14) Mark Dodd, «Military caught in the Act», Age, May 21, 1999.

(15) Mark Dodd, Sunday Age, May 23, 1999.

(16) Nation, Feb. 16, 1980, с обзором Political Economy of Human Rights, которая вызвала сильнейшее всеобщее негодование, так как сравнивала Восточный Тимор с Камбоджей тех же лет. Реакция, как обычно, сводилась к тому, что сравнение Восточного Тимора с Камбоджей выливается в апологетику Пол Пота. Помимо того, что это явная чушь, некоторая прискорбная апологетика, несомненно, содержится в самой этой реакции — а именно, оправдание индонезийских преступлений, за которыми стоят США; то, что этот несомненный факт не находит отражения в открытых мнениях по широкому спектру вопросов, самым красноречивым образом говорит нам об эффективности внедрения идей в свободных обществах.

(17) U. S. State Department, «Colombia Country Report on Human Rights Practices for 1998».

(18) См., в частности: Human Rights Watch, Colombia's Killer Networks: The Military-Paramilitary Partnership and the United States (New York, 1996); War Without Quarter (October 1998). О подоплеке событий см. World Orders и цитируемые здесь источники; Javier Giraldo S. J., Colombia: the Genocidal Democracy (Common Courage 1996). Более свежие данные см. в NACLA Report on the Americas, March/April 1998, и периодические издания Colombia Support

Network и других организаций за права человека и солидарность.

(19) Я был одним из членов делегации «Международной Амнистии».

(20) Colombia's Killer Networks: здесь цитируется очень важное исследование Michael McClintock, Instruments of Statecraft (Pantheon 1992).

(21) См. World Orders и цитируемые здесь источники, в частности Amnesty International, Human Rights Watch и Washington Office on Latin America (WOLA). Colombia Bulletin, Spring 1999; здесь цитируются многие средства массовой информации. В одном хорошо изученном случае, который расследовала Межамериканская правозащитная комиссия (OAS), имела место совершенно дикая бойня на тотальное уничтожение и другие виды насилия. См.: Comision de Investigacion de los sucesos vio lentos de Trujillo: Informe Final (Colombia, Jan. 1995). Президент Гавирия четыре года отмахивался от необходимости расследования, но к его чести, его преемник Эрнесто Сампер все-таки издал указ, несомненно, исторического значения: ответственный за эти события старший офицер, сначала награжденный повышением по службе, теперь был уволен в запас, что являлось самым жестоким наказанием за подобные преступления.

(22) Заметим, что Израиль не подвергался атакам со стороны сверхдержав, а точнее, даже серьезным военным угрозам, не считая последних недель мая 1948 года, когда в конфликт вмешались арабские армии; конфликт почти полностью происходил в пределах так называемого палестинского государства, в конце концов поделенного между Израилем и Иорданией, находившейся под сильным британским влиянием. К маю того года в ходе гражданского конфликта территорию покинули уже 300 000 беженцев. К концу мая, когда Израиль получил чешское оружие, его военное превосходство уже никто не ставил под сомнение, — этот факт сегодня признается самыми серьезными историками. См., в частности, в книге израильского историка Ulan Pappe, The Making of the Arab-Israeli Conflict 1947-1951 (I. B. Tauris, 1992).

(23) См. главу 1, прим. 4.

(24) Kurdish Human Rights Project (KHRP, London), 1998 Annual Report, April 1999, с обзором судебных решений за 1998 год.

(25) David Buchan, Financial Times, «Балканский конфликт создает свои жесткие дилеммы», June 15, 1999; эти «дилеммы» отчасти связаны с «параллелями» между Косовом и «курдской проблемой» Турции, «как всегда верной НАТО», в том числе и тогда, когда происходили бомбардировки Сербии.

(26) См.: Johnatan Randal, After Such Knowledge, What Forgiveness: My Encounters with Kurdistan (Westview 1999); John Tirman, Spoils of War: The Human Cost of America's Arms Trade (Free Press 1997). О подоплеке событий см.: David McDowall, A Modern History of the Kurds (I. B. Tauris-St. Martin's, 1997); Robert Olson, ed. The Kurdish National Movement in the 1990s (Kentucky 1996). О преступлениях 1990-х см., в частности, Human Rights Watch, Forced Displacement of Ethnic Kurds from Southern Turkey (Oct. 1994) and Weapons Transfers and Violations of the Laws of War in Turkey (Nov. 1995); David McDowall, The Destruction of Villages in South-East Turkey (Medico

International and KHRP, June 1996); Tirman, *Spoils of War*, о «Турецком „белом геноциде“» и решающей роли США в его осуществлении. О том, как эти события освещаются сегодня, см.: Kevin McKiernan, «Turkey's War on the Kurds», *Bulletin of the Atomic Scientists*, March/April 1999; Tamar Gabelnick, действующий директор проекта Федерации американских ученых по наблюдениям за продажей оружия, «Turkey: Arms and Human Rights», *Foreign Policy in Focus* 4.16, May 1999 (Interhemispheric Resource Center). А также Nicole Pope, «Turkey's Missed Chance», *New York Times*, Op-ed, April 17, 1999, — приятное отступление от привычного образца.

(27) См.: Ismail Besikci, *Selected Writings: Kurdistan and Turkish Colonialism* (Kurdish Solidarity Committee, London, Dec. 1991): в работу включен официальный протест ведущих британских писателей, ученых и парламентариев. В знак протеста против поддержки турецких репрессий правительством США Бешикчи отказался от премии в 10 000 долларов, присужденного ему Американским Фондом Свободы Слова.

(28) Tirman, *op. cit.* \ о патрулировании деревень см. уже цитированные отчеты Хьюман Райтс Уотч.

(29) Более подробно см. в: McClintock, *op. cit.*, более свежий обзор — в: Blum, *op. cit.*

(30) Randal, *op. cit.*; KHRP and Bar Human Rights Committee of England and Wales, *Policing Human Rights Abuses in Turkey*, May 1999.

(31) *Ibid.* Министра уволили.

(32) Randal, Human Rights Watch, Tirman, McKiernan, *op. cit.*

(33) Поскольку такие методы огульного террора являются прерогативой сильных мира сего, они рассматриваются как менее жестокие или вообще незначительные, а может быть даже похвальные. Так, события в Май-Лэй расценивались как ужасные зверства, но не как запланированное уничтожение гражданского населения и масштабная операция по этнической чистке, которая проводилась посредством ковровых бомбардировок плотно населенных областей. Для сравнения резни в Май-Лэй и военных операций, которым она послужила прикрытием, см. подробное исследование главы сайгонского бюро Newsweek Кевина Бакли и его коллег в *Political Economy of Human Rights*, vol. 1.

(34) *Policing Human Rights Abuses.*

(35) Gabelnick, *op. cit.*

(36) Leyla Boulton, *Financial Times*, April 8, 1999. *Boston Globe* от 18 мая сообщает о «резком усилении» ударов, наносимых с турецких баз, и похвальных «гуманитарных усилиях» Турции, которая принимает тысячи албанских беженцев.

(37) Gabelnick, *op. cit.* О превратностях судьбы курдов как «достойных и недостойных жертв» см.: Randal, *op. cit.* А также *Necessary Illusions*, App. 5.2.

(38) Lawyers Committee for Human Rights, Critique: Review of the U. S. Department of State's Country reports on Human Rights practices for 1994, Middle East and North Africa section (New York 1995), 255.

(39) Tirman, *op. cit.* Слова Гора приводит Carol Migdalovitz, «Turkey's Kurdish Imbroglio and U. S. Policy» (Congressional Research Service, 1994), цит. no: Vera Saeedpour, *Covert Action Quarterly*, Fall 1995.

(40) Об обработке адвокатов Оджалана см. в KHRP, Bar Human Rights Committee of England and Wales, и Howe & Co. Solicitors, *Intimidation in Turkey*, May 1999. Одного из адвокатов самого несколько раз бросали в тюрьму и подвергали пыткам за такие преступления, как употребление слов «курдский» и «Курдистан» и перевод курдской речи для Human Rights Association of Turkey.

(41) Kinzer, *New York Times*, May 31, June 1; «Kurd's Rebel Leader May Prove a Discredit to His Cause», Feb. 17, 1999.

(42) Associated Press, *Boston Globe*, June 10, 1999. См. главу 1, прим. 11,12.

(43) «Kosovo and Beyond», *New York Review*, June 24, 1999: сама статья впервые опубликована несколькими неделями ранее, она датируется 27-м мая. Это сравнение обычно воспринимается как очевидная истина. Так, корреспондент в Москве Майкл Уайнс, описывающий плачевное состояние русской культуры, печально качает головой, наблюдая митинги русских ветеранов войны в честь годовщины «Победы союзников над нацистами» (прежде всего это была победа русских над нацистами): «Никто из них не увидел аналогии между тем, как Гитлер уничтожил шесть миллионов евреев и убийствами и изгнанием косовских албанцев. Равно как никто из них не делает различий между альянсом НАТО и Соединенными Штатами», что одновременно указывает на их моральную деградацию и на невежество относительно того, что творится в мире. «World War II Veterans Now Angry at an Old Ally», *New York Times*, May 10, 1999.

(44) Реакция на массовые убийства в Индонезии 1965 года, вероятно, служит самым страшным среди не столь давних примеров. Обзор событий см. в *Year 501*, ch. 4; ch. 6 и далее.

(45) Christopher de Bellaigue, *New York Review*. June 24, 1999; обзор Henri Barkey and Graham Fuller, *Turkey's Kurdish Question* (Rowman & Littlefield, 1998).

(46) См. в частности Randal, *op. cit.*; а также ссылки в примечании 27.

(47) George Robertson, *Freedom, the Individual and the Law* (Penguin, 7th edition, 1993), — популярное пособие по гражданским свободам в Великобритании. О Черчилле см. у меня в *Turning the Tide* (South End 1985); о Черчилле и Ллойд Джордже см. *World Orders* и цитируемые здесь источники. Wilbur Edel, «Diplomatic History — State Department Style», *Political Science Quarterly* 106.4, 1991-92. Секретность еще более расширилась при Клинтоне: дело дошло до предупреждений, исходящих от комиссии историков Госдепартамента, о том, что история может превратиться в «официальную ложь»; Tim Weiner, *New York Times*,

April 9, 1998. Соккрытие и уничтожение документов ЦРУ о переворотах в Иране и Гватемале (1953–1954 гг.) является вопиющим тому подтверждением. О значении этой «эпитафии на программах гласности» или уничтожения большинства доказательств, см. введение Ника Галлатера к его внутренней исследовательской работе по ЦРУ: Nick Gul-lather, *Secret History* (Indiana, 1999). О «санации» официальных данных, касающихся масштабной и нелегальной операции США по слову сопротивления Индонезии и захвату ее важнейших ресурсов в 1958 году, см.: Audrey and George Kahin, *Subversion as Foreign Policy* (New Press 1995).

(48) См.: MAG (Mines Advisory Group) (Manchester U.K., дата не указана). Коллективный лауреат Нобелевской премии Мира, MAG является благотворительной организацией Соединенного Королевства, финансируемой церковными группами, Европейским Союзом, ЮНИСЕФ и британским правительством. Ее целью является информирование общественности и активная деятельность, направленная против фугасных мин и осколочного оружия в целом, она работает на местах боевых действий в Афганистане, Юго-восточной Азии, Африке и на Среднем Востоке.

(49) Wain, «The Deadly Legacy of War in Laos», *Asia Wall Street Journal*, Jan. 24, 1997. Padraic Convery, «Living a footstep away from death», *Guardian Weekly*, Oct. 4, 1998. Marcus Warren, «America's undeclared war still killing children», *Sunday Telegraph*, April 20, 1997. Ronald Podlaski, Veng Saysana and James Forsythe, *Accidental Massacre: American Air-Dropped Bomblets Have Continued to Maim and Slaughter Thousands of Innocent Victims, Mostly Children, for the Last 23 Years in Indochina* (Humanitarian Liaison Services, Warren Vermont, 1997); Подласки служил во Вьетнаме и участвовал в секретных операциях по пересечению границы, а затем, в 1991 году, отправился в Камбоджу с тем, чтобы создать там центр протезирования; Форсайт — британский бизнесмен и бывший репортер, работавший в Азии и США. Оба работали в Лаосе, и оба убеждены, что официальные цифры, согласно которым каждый год жертвами взрывов становятся 20 000 человек, и более половины из них погибает, слишком занижены (Wain, op. cit.). Mennonite Central Committee Bombie Removal Project, *A Deadly Harvest*, nd. Fred Branf man, «Something Missing: a Visit to the Plain of Jars», *Indochina Newsletter*(Cambridge MA) no. 4, 1995. Доброволец IVS (Международного центра волонтеров для работы в лагерях беженцев) со знанием лаосского языка, Бранфман приложил гораздо больше усилий, чем кто-либо другой, чтобы разоблачить преступления, совершенные в 60-х гг. на Равнине Кувшинов. См. его *Voices from the Plain of Jars* (Harper & Row, 1972). См. также у меня: *At War with Asia* (Pantheon 1970), *For Reasons of State* (Pantheon 1973). А также: *Political Economy of Human Rights* vol. II и цитируемые здесь источники; а о том, как эти события освещались в прессе, см.: *Manufacturing Consent*.

(50) MAG, см. предыдущее примечание о ней. Keith Graves, «US secrecy puts bomb disposal team in danger», *Sunday Telegraph*, Jan. 4, 1998. Matthew Chance, «Secret war still claims lives in Laos», *Independent*, June 27, 1997. Matthew Pennington, «Inside Indochina», *Bangkok Post*, Feb. 20, 1996: цитирует отчеты Камбоджийского Mines Action Center; Pascale Trouillaud, *Agence France Presse*, *Bangkok Post*, May 14, 1996.

(51) Daniel Pruzin, «US Clears Laos of the Unexploded», *CSM* Sept. 9, 1996. Cameron Barr, «One Man's Crusade to Destroy Bombs», *CSM*, April 29, 1997.

(52) Paul Watson, Los Angeles Times, April 28, 1999.

(53) Killing Secrets Campaign, Kosovo: «A Wasteland Called Peace», May 1999, Cumbria U. K.

(54) Financial Times, June 4; Kosovo Peace Accord, New York Times, June 4, 1999.

(55) Kevin Cullen and Anne Kornblut, Boston Globe, April 4; Речь Клинтона, произнесенная 1 апреля на базе морской авиации в Норфолке, New York Times, April 2, 1999.

(56) Lynch, «US seen leaving Africa to solve its own crises», Boston Globe, Feb. 19, 1999. По словам Линча, Клинтон отказался выделить на операцию в Конго сумму, «не дотягивающую до 100 000 долларов».

(57) Paul Starr, «The Choice in Kosovo», American Prospect, July-August 1999.

Противопоставление, которое он делает, некорректно; но такая реакция в целом почти типична.

(58) См. главу 1, прим. 4.

(59) Halliday, «Iraq and the UN's Weapon of Mass Destruction», Current History, Feb. 1999.

(60) John Mueller and Karl Mueller, «Sanctions of Mass Destruction», Foreign Affairs, May/June 1999. Shorrock, Guardian Weekly, 2, 1999.

(61) Из рассекреченных данных. Более обширные выдержки и дискуссия относительно способов усиления наказаний для непокорных после окончания холодной войны, что расширило спектр возможностей для таковых, см. у меня в Profit Over People (Seven Stories, 1998), ch. 3.

(62) Слова Дэвида Филлипса, профессора превентивной дипломатии из Университета Колумбии приводит Этан Броннер в: Ethan Bronner, «The Scholars: Historians Note Flaws in President's Speech», New York Times, March 26, 1999.

(63) См.: Stephen Shalom, «Gravy Train: Feeding the Pentagon by Feeding Somalia», Z magazine, Feb. 1993; Alex de Waal, «Humanitarian War Crimes», New Left Review 230, July/ August 1998. См. также: Alex de Waal and Rakiya Omaar, «Doing Harm by Doing Good? The International Relief Effort in Somalia», Current History, May 1993; African Rights (London), Somalia Operation Restore Hope: A Preliminary Assessment, May 1993, и Somalia: Human Rights Abuses by the United Nations Forces, July 1993. Об освещении этих событий в прессе см. у меня в «'Mandate for Change', or business as usual», Z magazine, Feb. 1993.

(64) Richard Dowden, Independent, Dec. 3, 1998; Observer, March 22, 1998; Guardian Weekly, March 29, 1998 (со ссылкой на недавно изданную книгу американского журналиста Марка Бодена, который освещал эти события, — Black Hawk Down). Eric Schmitt, New York Times, Dec. 8, 1993. См. также: De Waal, op. cit.

- (65) John Balzar, «Marines firing as UN lives Somalia», Boston Globe-LAT, March 4, 1995. Maynes, Financial Times, Spring 1995. Steven Lee Myers, «A Marine General Who Studies Cultures as Well as Bomb targets in the Gulf», New York Times, Dec. 27, 1998.
- (66) De Waal, op. cit.
- (67) Karl Wick, «Somalia Stares Starvation in the Face Again», Washington Post Weekly, Jan. 4, 1999. Отрывок из Black Hawk Down Марка Боудена был опубликован в «Бостон Глоб» в качестве редакционной колонки во всю страницу (Май 31, 1999), словно продолжая тему страданий войск США. Специальных пояснений не давалось, но, вероятно, это должно было послужить предостережением войскам, отправляемым на Балканы.
- (68) Историю вопроса см. в Year 501 и цитируемых источниках. Более свежие обзоры и источники см. в Profit Over People, ch.4.
- (69) Lisa McGowan, Democracy Undermined, Economic Justice Denied: Structural Adjustment and the AID Juggernaut in Haiti (Washington: Development Gap, Jan. 1997). Jennifer Bauduy, «US Chickens Steal Jobs From — Haiti?», CSM, Sept. 15, 1998.
- (70) Выступление Тэлботта на Сенатской комиссии по поводу возможного вывода войск уже в середине 1995 года цит. по Morris Morley and Chris McGillion, «'Disobedient* Generals and the Politics of Redemocratization: the Clinton Administration and Haiti», Political Science Quarterly 112.3, 1997.
- (71) См. у меня в «United States and the 'Challenge of Relativity'», in Tony Evans, ed., Human Rights Fifty Years On: A Reappraisal Manchester University Press/St. Martin's Press, 1998); Detlev Vagts, «Taking Treaties Less Seriously», «Editorial Comments», AJIL 92:458 (1998).
- (72) William Glaberson, New York Times, March 27.
- (73) См.: Amnesty International, The United States of America: Rights for All, 1998.
- (74) Murphy, Humanitarian Intervention: The United Nations in an Evolving World Order (Pennsylvania 1996). Цитаты взяты из его докторской диссертации 1994 года, носящей такой же заголовок. Обзор событий см. в American journal of International Law, vol. 92, 1998, p. 583 и далее. О сопоставлении Японии и риторики, сопровождавшей ее действия в Манчжурии, с действиями США во Вьетнаме, см. «Revolutionary Pacifism of A. J. Muste», переизданный в American Power and the New Mandarins.
- (75) Очень продуманный обзор событий, с акцентами на поведении Киссинджера и его последующих самооправданиях, см. в: Raymond Garthoff, Detente and Confrontation (Brookings Institution, 1985). Своими уклончивыми самооправданиями Киссинджер фактически вредит собственному имиджу, White House Years, p. 854. Об этих вообще весьма необычных мемуарах см. в Towards a New Cold War.
- (76) Gaddis, «The Old World Order», New York Times Sunday Book Review, March 21, 1999.

(77) О тех событиях в реальности и в интерпретации Теодора Рузвельта см.: David Stannard, *American Holocaust* (Oxford, 1992).

(78) Thomas Bailey, *A Diplomatic History of the American People* (Appleton-Century-Crofts, 1969).

(79) Ernest May and Philip Zelikow, *The Kennedy Tapes* (Harvard, 1997). Очень информативный обзор событий и их интерпретаций см. в Louis Perez, *The War of 1898* (U. Of North Carolina, 1998), — это и источник нижеследующих цитат.

(80) «Аплодировали» не все. Заметным исключением являлся Марк Твен, хотя его гневному осуждению жестокости завоевателей была уготована рядовая судьба «непопулярных идей». См.: Jim Zwick, ed. *Mark Twain's Weapons of Satire: Anti-Imperialist Writings on the Philippine-American War* (Syracuse 1992); маленький пример его острых наблюдений см. в Year 501.

(81) О Священном Союзе и др. прецедентах см. в: Trachten-berg, *op. cit.*

(82) Clive Ponting, *Churchill* (Sinclair-Stevenson, 1994), 132.

(83) Glennon, «The New Interventionism».

(84) *Ibid.*

(85) По поводу интересного понятия «антиамериканизм», аналоги которого рождаются преимущественно (а может быть, исключительно) в тоталитарных государствах и при военных диктатурах, — см. мои *Letters from Lexington: Reflections on Propaganda* (Common Courage 1993), ch. 17.

(86) См.: Roger Owen, *The Middle East in the World Economy: 1800–1914* (London, New York, 1981); Leila Tarazi Fawaz, *Occasion for War* (University of California, 1994). Информацией по этому вопросу и ее источникам я обязан Айрин Гендзаер и Илэйн Хэгопиан.

Глава 4. Синдром отречения*

(1) Gellman, *op. cit.*

(2) John Broder, *New York Times*, June 3, 1999, — это информация об обращении Клинтона к выпускникам Академии военно-воздушных Сил. Клинтон еще сделал верное, но неуместное замечание о том, что нападения на албанских косоваров планировались за многие месяцы, а то и годы.

(3) Serge Schmemmann, «From President, Victory Speech and a Warning», *New York Times*, June 11, 1999.

(4) Adam Clymer, *New York Times*, March 29; Clinton Speech, *New York Times*, April 2; Bacon, Bob Hohler, *Boston Globe*, April 3; Jane Perlez, *New York Times*, March 28, 1999 и многие другие.

(5) Glennon, Smith and Drozdiak, op. cit.; редакционная статья в Wall Street Journal, April 16, 1999.

(6) New York Times, April 18, 1999. Amnesty International, United States of America, op. cit. Human Rights Watch, *Shielded from Justice* (June 1998). О США и UD см. у меня в «United States and 'Challenge of Relativity'» и процитированные источники. По нарушениям прав человека за рубежом существует обширнейшая литература, небольшим образцом таковой мы уже приводили. Одно из самых актуальных открытий, которое трудно игнорировать, будучи человеком разумным (хотя можно обойти вниманием, будучи человеком, верным доктрине), является некая связь между иностранной помощью и пытками в Латинской Америке, в том числе военной помощью, осуществляемой во все годы правления Картера; эту связь обнаружил выдающийся исследователь в данной области Ларе Шульц: Lars Schoultz, *Comparative Politics*, Jan. 1981. В годы Рейгана эта связь была слишком очевидной, чтобы ее стоило изучать, пример только одной Колумбии красноречиво доказывает, что положение таково и до сих пор. Также см. более обобщенное исследование экономиста Эдварда Германа, выходящее за пределы Западного полушария, и которое выявляет факторы, обуславливающие такую же связь в качестве побочного эффекта между зарубежной помощью и улучшением инвестиционного климата, — *Real Terror Network*, и обзор этой работы в *Political Economy of Human Rights*, vol. 1.

(7) U. S. Department of State, «Erasing History: Ethnic Cleaning in Kosovo», Вебсайт Госдепартамента — www.state.gov/index.html, May 1999.

(8) См. главу 1, прим. 41.

(9) Weller, op. cit.; см. главу 1, прим. 29.

(10) Roger Cohen, *New York Times*, May 28, 1999. В дополнение к передовице — рассказ от Джейн Перлез. Две страницы полностью посвящены выводам относительно «ключевых разделов».

(11) Philip Shenon, *New York Times*, May 27, 1999.

(12) Можно было бы утверждать, что попытка предотвратить эти события лежала в основе первых бомбардировок, но исследование фактов полностью опровергает подобное мнение.

(13) Информация об обращении Гавела к Парламенту Канады: Paul Wilson, «Kosovo and the End of the Nation-State», *New York Review*, June 10, 1999.

(14) Цитаты: *New York Times*, Feb. 22; *Washington Post Weekly*, March 5, 1990. О *Washington Post* см. гл. 1, прим. 14.

(15) Более подробно об этом поучительном эпизоде и других, сопутствующих ему, см.: *Deterring Democracy*, ch. 10.

(16) Lewis, «Which Side Are We On», *New York Times*, May 29, 1999.

(17) David Rohde, «Wiesel, a Man of Peace, Cites Need to Act», New York Times, June 2, 1999.

(18) Yoav Kami, «The Prophet from New York», Ha'aretz, June 27, 1985. Дальнейшие комментарии см. в Turning the Tide, а в Fateful Triangle — еще некоторые примеры принципа Уайсела, согласно которому, будучи свидетелем преступления, надо хранить молчание. Коллегой-лауреатом был биолог из Массачусетского Института Технологий Сальвадор Лурия, который попросил меня собрать для него материалы прессы на иврите, чтобы отправить их Уайселу вместе со своим предложением (оставшимся без ответа).

(19) Bauer, Israel Armani, Ha'aretz, April 20, 1990. Контекстом статьи было решение государственного телевидения прекратить показ документального фильма об армянском геноциде: оно было принято под давлением властей и, как предполагалось, турецких эмигрантов, которые боялись, что эта «передача повредит израильско-турецким отношениям». См.: Israel Charny, «The Conference Crisis: the Turks, Armenians and the Jews», International Conference on the Holocaust and Genocide, Tel Aviv, June 20–24, 1982, Book One (Tel Aviv 1983); цитируется также в: Peter Novick, The Holocaust in American Life, Houghton Mifflin, 1999. Израильская пресса резко осуждала Уайсела за его верноподданническую позу перед государственной властью и принцип сохранять молчание при виде преступлений. В качестве примера сообщений из ведущих средств массовой информации, связанных с награждением Уайсела Нобелевской Премией Мира, см.: Alexander Cockburn, Nation, Nov. 8, 1986.

(20) David Shribman, «An oft-battered Clinton emerges victorious again», Boston Globe, June 11, 1999.

(21) 1999 Federal Information Systems Corporation, Federal News Service, April 1, 1999.

(22) Kai Bird, Nation, June 14, 1999.

(23) Roger Cohen, New York Times, March 30, 1999; он цитирует слова представителя Госдепартамента.

(24) Eric Schmitt and Steven Lee Myers, «NATO Said to Focus Raids on Serb Elite's Property», New York Times, April 19; Guy Dinmore, «'Tomahawk democracy' decried as car plant bombed», Financial Times, April 10/11, 1999. О рабочем движении см.: Elaine Bernard (руководитель Гарвардской программы профсоюзов), «Independent Unions in Yugoslavia», webpost (Znet, www.zmag.org), April 4, 1999.

(25) Мишенью этой программы в целом являлась «экономическая инфраструктура». Ее задача состояла в том, чтобы привести «экономическую жизнь почти к полному застою» — от Воеводины на севере до всей остальной Югославии, — доведя ее до такого уровня, на котором «перспективы экономического возрождения выглядели весьма унылыми», а вод о- и электроснабжению был нанесен «огромный ущерб» бомбами с высокой взрывной мощностью. Подача воды в Белграде снизилась на 90%, и «больше всего проблем» в связи с этим началось у больниц. Michael Dobbs, «Bombing Devastates Serbia's Infrastructure», Washington Post-Boston Globe, April 29; Steven Erlanger, «Production Cut in Half, Experts Say», New York Times, April 30; Erlanger, «Reduced to a 'Caveman' Life», New York Times, May 19, 1999;

и многие другие сообщения с места событий.

(26) Plaff, *Boston Globe*, May 31, 1999.

(27) Plaff, *Condemned to Freedom* (Random House, 1971). Эти и многие другие аналогичные соображения см. в *For Reasons of State*. Как здесь отмечено, Плафф почти в точности перелагает комментарии Таунсенда Хупса из книги, написанной двумя годами ранее, хотя и не указывает на то, что это цитаты: но, поскольку Хупс тоже упоминает Плаффа, остается непонятным, кому же из них следует доверять в большей степени.

(28) April 19, 1999.

(29) См. гл. 3, прим. 43.

(30) Обзор того, как эти события освещались (точнее сказать, не освещались) в прессе, см. в *Manufacturing Consent*. О войне, развязанной Кеннеди, см. *Rethinking Camelot*, а о последнем пароксизме американского насилия в войне против Южного Вьетнама — *Political Economy of Human Rights*, vol. 1: данные этого сборника отчасти основаны на специально предоставленных его авторам обширных неизданных исследованиях Кевина Бакли, главы Сайгонского бюро *Newsweek*. Некоторые наиболее изобличительные материалы о преступлениях США и их причинах сейчас детально изучаются американскими юристами: ряд примеров таковых можно найти в *Rethinking Camelot*.

(31) В том числе Stacy Sullivan, «Milosevic's Willing Executioners», *New Republic*, May 10, 1999. Оригинальный тезис Голдхагена о «ретивых палачах Гитлера» снискал большую популярность, но не слишком-то прижился в научной литературе; то же самое верно применительно к Сербии. Подробный критический анализ оригинала см. в: Norman Finkelstein and Ruth Bettina Birn, *A Nation on Trial* (Holt 1998). О нем же применительно к Сербии см.: Charles King, *Times Literary Supplement*, May 7, 1999.

(32) Редакционная колонка, *New Republic*, May 2, 1981; April 2, 1984.

(33) Ed. Martin Peretz, «Lebanon Eyewitness», *New Republic*, Aug. 2, 1982. Более подробно об этом и других подобных свидетельствах того времени см.: *Fateful Triangle*.

(34) *New York Times*, May 9, 1999.

(35) *New York Times*, April 23, 1999.

(36) См. гл. 3, прим. 78.

(37) Один пример мне известен: «Apaches and Tomahawks», *Le Monde Diplomatique*, May 1999.

(38) О войнах с семинолами см.: William Earl Weeks, *John Quincy Adams and American Global Empire* (Kentucky, 1992).

(39) Tirman, op. cit. О прославлении этих успехов в детских книжках см. At War with Asia. О кровопролитных боях см. Year 501 и процитированные источники.

(40) Weeks, op. cit.; другие источники и размышления о параллелях с нынешними событиями см. Rethinking Camelot, введение.

(41) О ссылках на «добрые намерения» как повод для развязывания десятилетий небывалого террора в Гватемале и их постоянной поддержки прессой и общественным мнением см.: Piero Gleijeses, «The Culture of Fear», Afterword to Cullather, op. cit. Но особенно ужасают материалы по Индокитаю. Среди наиболее изобличительных примеров можно назвать реакцию на скандальную апологетику Роберта Макнамары, которую «правые» объявили предательской, а наиболее видные противники вьетнамской войны приветствовали как доказательство своей правоты. См. у меня «Hamlet without the Prince», Diplomatic History 20.3, Summer 1996; и более обобщенно в «Memories», Z, Summer 1995.

(42) Schribman, op. cit.

(43) Peter Berkowitz, Гарвардский профессор государства и права и автор Virtue and the Making of Modern Liberalism, «Liberalism and Kosovo. The Good Fight», New Republic, May 10, 1999.

(44) Kissinger, «Commentary», Boston Globe, March 1, 1999, American Foreign Policy, (Norton 1969).

(45) Tony Judt, «Tyrannized by Weaklings», Op-ed, New York Times, April 5; Serge Schmemmann, «A New Collision of East and West», New York Times, April 4, 1999. Ash, op. cit.

(46) Michael Wines, New York Times, June 13, 1999.

(47) О Кишиневе и резнях в лагерях беженцев Сабра и Шатила (сравнение между ними приводилось в израильской прессе) и других жесточайших преступлениях примерно того же времени, которые остались незамеченными прессой, см.: Fateful Triangle.

(48) Wines, note 45.

(49) Robert Marquand, New York Times, CSM, June 14, 1999: он цитирует Блэра и Гавела. Он очень верно говорит о том, что «самое ущемленное меньшинство — это курды Турции и соседних с ней стран»; вопрос о них, к сожалению, «так и остался вне игры после захвата и осуждения» Оджалана. Скорее наоборот, захват и поразительно лицемерный суд над Оджаланом на какое-то время нарушили общепринятое молчание по вопросу об «ущемлении» интересов курдов Турции, хотя роль США осталась в надежной тени. Вопрос, который никогда не был «в игре», невозможно и вывести из нее, и если бы Запад действительно принимал всерьез те принципы и ценности, которые он формально поддерживает, то захват Оджалана привел бы к усилению и без того мощных протестов против скандальной роли Запада в этой истории.

Глава 5. Дипломатическая летопись*

(1) Roger Cohen, May 27; Susan Milligan and Kevin Gullen, Boston Globe, May 27; Susan Milligan, Boston Globe, May 28; Erlanger, New York Times, May 27; Milligan, «NATO launches heaviest raids» («На очереди у НАТО самые суровые удары»), Boston Globe, May 28, 1999.

(2) Washington Post, May 27, 1999.

(3) Jane Perlez, New York Times, Feb. 11, 1999. Ведущий стратегический аналитик — это бывший член Национального Совета Безопасности администрации Буша Ричард Хаас из Института Брукингса, которого цитирует Джонатан Лэндэй в статье: Jonathan Landay, «How a NATO strike on Serbs could set precedent», CSM, Jan. 21, 1999.

(4) Kevin Cullen, «U. S., Europeans in Discord over Kosovo», Boston Globe, Feb. 22, 1999.

(5) См.: Weller, op. cit., — подробный обзор, сделанный хорошо осведомленным участником событий, который был юрисконсультом делегации Косова (делегации косовских албанцев), на переговорах в Рамбуйе ее возглавлял лидер ОАК Хашим Тачи.

(6) Interim Agreement for Peace and Self-Government in Kosovo, неофициально распространенное в Интернет.

(7) Там есть такое определение: Глава Миссии ОБСЕ по реализации Соглашения «является высшим авторитетом» в решении вопросов, связанных с его функциями, которые состоят в наблюдении за выводом югославских войск и полиции.

(8) Steven Erlanger, New York Times, June 5, формулировка статьи сохранена; Blaine Harden, New York Times, в тот же день указывает на это косвенно. Dinmore, «Belgrad may still secure better deal» («Белград все еще может заключить лучшую сделку»), Financial Times, June 6, 1999.

(9) Редакционная колонка, Boston Globe, June 18, 1999. Сначала редакция единодушно поддерживала бомбардировки, затем стала сомневаться из тактических соображений и, наконец, сочла, что это победа Клинтона, и признала свои ошибки.

(10) Agence France Presse, March 23; Inter Press Service, March 23; Deutsche Presse-Agentur, March 23; TASS, March 23. Сообщений об этом не было в ЮПИ (Джордж Нэш) и Ассошиэйтед Пресс (Роберт Рейд) от 23 марта, но 24 марта появилось сообщение АП от Душана Стояновича из Белграда. Единственным исключением из общего молчания явилось агентство Detroit Free Press, которое вкратце передало суть телеграфных сообщений. ВВС передало основной текст (см. главу 1, прим. 41), но явно без сноски о «международном присутствии», входившей в телеграфные сообщения. Первое упоминание этого документа в центральной американской прессе я нашел у Стивена Эрлангера, передававшего из Белграда (New York Times, April 8), хотя он несколько преувеличил значение последнего параграфа Резолюции.

(11) FAIR Action Alert: «Was a Peaceful Kosovo Solution Rejected by U. S.?», April 14, 1999.

(12) Craig Whitney, New York Times, April 11, 1999. Как отмечает Дэвид Петерсон (компьютерная версия), это неизменный рефрен, он приводит также отрывки из статей Уитни за 26 марта, 7 апреля и 6 июня, формулировки в которых практически не меняются.

(13) Единственной американской газетой, нарушившей это правило, была Newsday, которая освещала развитие событий точно и полно. Должно быть удивительно, что информация такого высокого уровня просачивается только в областную нью-йоркскую газету, вместо того чтобы быть опубликованной в New York Times, хотя, видимо, в таком выборе все-таки есть некий смысл, учитывая, что Newsday (а в подобных случаях у нее очень броские заголовки) можно найти на любом газетном стенде Нью-Йорк Сити. Последовательный обзор каждой фазы процесса см. в моих статьях в Z magazine. См.: Detering Democracy (ch. 6 and «Afterword») и широкий обзор в моей статье в: Cynthia Peters, ed., Collateral Damage (South End, 1992); а также Douglas Kellner, The Persian Gulf TV War (Westview, 1992). Этот вопрос рассматривается и в лучших из более общих исторических исследований: Dilip Hiro, Desert Shield to Desert Storm (HarperCollins, 1992). Кое-где он, наоборот, игнорируется, — в том числе и в таком очень авторитетном исследовании: Lawrence Freedman and Efraim Karsh, The Gulf conflict 1990–1991: Diplomacy and War in the New World Order (Princeton 1992), авторы которого хвалят себя за «масштаб и оригинальность своего анализа» и использование «свидетельств из всех доступных источников», противопоставляя свою доблесть рядовой журналистике, — а на самом деле игнорируя все решающие документы и другие источники и допуская иные промахи и ошибки, избрав неприятную форму апологетики. Более подробно об этом см. у меня в «World Order and Its Rules: Variations on Some Themes», J. Of Law and Society (Cardiff Law School), Summer 1993.

(14) Steven Erlanger, New York Times, April 23; Bob Hohler, Boston Globe, April 23, 1999; Chronology, Wall Street Journal, June 4.

(15) Steven Erlanger, New York Times, May 1, 1999. Эрлангер, который явно был в курсе событий, вновь повторяет в своем рассказе, что «еще до бомбардировок сербская законодательная власть одобрила идею присутствия в Косове контингента Объединенных Наций». См. прим. 10.

(16) Interview, New York Times, May 1; Jane Perlez, New York Times, в тот же день.

(17) «Group of Eight's Kosovo Statement», New York Times, May 7, 1999.

(18) Yemma, Boston Globe, May 7, 1999.

(19) Jane Perlez, New York Times, May 8, 1999.

(20) Steven Erlanger, New York Times, May 29; Anne Kornblut, Boston Globe, May 30, 31, 1999.

(21) Charles Madigan, Chicago Tribune, June 2, 1999.

22. Текст Государственного Департамента или текст «Kosovo Peace Accord», New York Times, June 4, 1999. Текст, одобренный сербским парламентом, см.: Associated Press, June 3, 1999 (перевод Associated Press). Два эти текста мало чем отличаются друг от друга. В версии, одобренной сербским парламентом, речь идет о том, чтобы минные поля пометать, а не расчищать. В ней также более подробно, чем в версии госдепартамента, говорится о «сжатом и точном расписании вывода войск». Проект Резолюции — «UN Resolution on Kosovo: Establishing the Principles of a Political Solution», Associated Press, New York Times, June 9, 1999.
- (23) Передовица в Financial Times; и Guy Dinmore, Financial Times; June 4, 1999.
- (24) «A Missing Footnote: 'NATO at the Core'», New York Times, June 9, 1999. Остальное в материале — повторное изложение позиции России, уже процитированное нами выше по Financial Times, June 4.
- (25) Katherine Seelye, New York Times, June 12, 1999.
- (26) «Key Points», заголовок передовицы: корреспондент, интервьюирующий Госсекретаря Олбрайт; Stephen Lee Myers with Craig Whitney, New York Times, June 4. Staff, Wall Street Journal, June 4. Kevin Cullen, Boston Globe, June 6; Michael Gordon, New York Times, June 11, 1999. Одна из попыток показать, что компромисс был «худшим вариантом сделки», основывалась на том, что присутствие международных сил безопасности должно быть гораздо более многочисленным, чем оккупационные силы НАТО, предусматриваемые Договором в Рамбуйе, что верно, но едва ли важно для Сербии, поскольку все понимают: оккупация есть оккупация. Эта более многочисленная сила, означающая такие большие расходы для НАТО, является одной из «головокружительных цен» бомбардировок и насилия со стороны сербов, которое за ними последовало.
- (27) Более подробно по этому вопросу см.: Towards a New Cold War, Deterring Democracy и процитированные здесь источники.
- (28) Steven Pearlstein, «Jamie Shea, NATO's Persuasive Force», Washington Post, June 10, 1999.
- (29) Редакционная колонка New York Times, June 4, 8; Blaine Harden, «Surprising Lesson: Bombing Can Work», New York Times, June 5; Elizabeth Becker and David Rohde, Harden, New York Times, June 6, 1999.
- (30) New York Times, June 11, 1999.
- (31) Редакционная колонка: «Summing up Kosovo», Boston Globe, June 8; David Nyhan, «NATO wins the war», Boston Globe, June 8; Fred Kaplan, Boston Globe, June 6, 1999.
- (32) Lewis, «When Praise is Due», New York Times, June 12, 1999; New York Times, April 21, 24, 1975; Dec. 27, 1979. О внезапном переходе «ястребов» в ряды «давних противников войны», после того как американское наступление во Вьетнаме после праздника Тет убедило деловое сообщество в том, что здесь больше нечего делать, а также о радикальном пересмотре мемуаристами Кеннеди своих прежних оценок см.: Rethinking Camelot, ch. 3.

(33) John Rielly, *American Public Opinion and U. S. Foreign Policy 1999* (Chicago Council on Foreign Relations, 1999); эта серия выходит регулярно. Как и в 1999 году, эта цифра составляла 63%. Многие годы она колебалась вокруг 70%, — странная цифра для ответов на открыто поставленный вопрос, особенно учитывая, что респонденты, делая выводы, далеки от того, чтобы непосредственно участвовать в событиях, и концепция, под которую эти выводы должны быть подведены, остается для них неведомой и негласной, как это и должно быть согласно максиме Оруэлла. Можно только догадываться о том, какими были бы эти цифры, будь строгие рамки доктрины более проницаемы для самих участников опроса.

(34) Keegan, *Daily Telegraph*, June 4, 1999; Richard Hudson, *Wall Street Journal*, Feb. 5, 1991.

(35) См. главу 3, прим. 47 и сам текст.

(36) *Financial Times*, June 4, 1999.

(37) Stuart Chreighton Miler, «Benevolent Assimilation» (Yale 1992).

(38) Yemma, «Reclaiming of Kosovo will be a complex task» («Восстановление Косова будет нелегкой задачей»), *Boston Globe*, June 10, 1999.

(39) Human Rights Watch, *Palestinian Self-Rule Areas: Human Rights Under the Palestinian Authority*, Sept. 1997: здесь подробно описываются «распространенные проявления произвола и нарушения прав человека со стороны руководства» преобразованной PLO (Организации освобождения Палестины), с «непременными пытками» допрашиваемых, часто приводящими к смерти заключенного, множеством тайных судов, досмотрами представителей прессы и другими вариантами нарушения прав. Летопись этих нарушений, с особой тщательностью пересмотренная палестинскими и израильскими правозащитными организациями, оказалась куда более ужасающей.

(40) Deborah Sontag, «Indispensable Man», *New York Times*, Dec. 14, 1998. О реальных событиях см.: Norman Finkelstein, «Security Occupation: the Real Meaning of the Wye River Memorandum», *New Left Review* (Nov./Dec. 1998), пересмотренная версия Feb. 1999; Nasser Aruri, «The Wye Memorandum: Netanyahu's Oslo and Unreciprocal Reciprocity», *J. Of Palestine Studies* XXVIII.2 (Winter 1999); здесь также появляются некоторые документы. И David Sharrock, *Guardian Weekly*, Jan. 17, 1999. Пересмотренная версия в *Fateful Triangle* 1999 года издания.

(41) О технике Паскаля и ее современном применении см.: *Necessary Illusions*, ch. 4.

(42) Franz Schurmann, Peter Dale Scott and Reginald Zelnick, *The Politics of Escalation in Vietnam* (Fawcett World Library, 1966); Scott, *The War Conspiracy* (Bobbs-Merill, 1972).

(43) См. мою статью 1973 года, перепечатанную в *Towards a New Cold War*; и такие же выводы в более широком контексте, *Manufacturing Consent*.

(44) Заглавия в *New York Times*, Anthony Lewis. Подробный обзор событий «по мере их поступления» см. в *Culture of Terrorism* (1988), *Necessary Illusions* (1989), *Deterring Democracy* (1991).

(45) См. главу 1, прим. 33; главу 2, прим. 21 и текст.

(46) Elizabeth Becker, «Kosovo Talks Break Down as Serbs Balk Over Details: NATO Will Step Up Bombing», *New York Times*, June 7, 1999; также Craig Whitney, *New York Times*, в тот же день. Kevin Cullen, «Serbs seen pressing for role by UN», June 8, 1999.

(47) Becker, *New York Times*, June 8, 1999.

(48) Jane Perlez, «Russians Balking as Gains are Made on Kosovo Talks», *New York Times*, June 8; John Broder, *New York Times*, в тот же день.

(49) Craig Whitney, *New York Times*, June 8.

(50) R. W. Apple, *New York Times*, June 8, 1999. В сопутствующей статье Джейн Перлез «опущенное примечание» тоже получило более солидный смысл, став из выражения натовских предпочтений выражением фактов. См. главу 3, прим. 81.

(51) Anne Kornblut and David Filipov, *Boston Globe*, June 12. John Kifner and Steven Lee Myers, Steven Erlanger, Michael Gordon, *New York Times*, June 12, 1999.

(52) Blaine Harden, *New York Times*, June 8; Kevin Cullen, *Boston Globe*, June 11, 1999.

(53) Kevin Cullen, «Democracy activism: a war casualty», *Boston Globe*, May 26; он цитирует «прозападных активистов», которые характеризуют «движение за демократию» как одну из первых потерь, причиной которых стали бомбежки. Аналитики ВНHRG, May 22, 1999. «Media Focus», Feb. 17, 1999, London, регулярный обзор средств массовой информации ФРЮ, крайне критически относящихся к Милошевичу и его репрессиям и преступлениям.

(54) Подробный обзор и сравнения см. в *Necessary Illusions*, Appendix V.6–8.0 небывало высоком интересе к независимым источникам новостей и диссидентским изданиям в бывшем Советском Союзе, резко контрастирующем сегодня с ситуацией в свободных обществах, см.: James Miller and Peter Donhowe, *Washington Post Weekly*, Feb. 17, 1986. Рассмотрение этого вопроса в более широком контексте см. в *Letters from Lexington*, ch. 17.

(55) Guy Dinmore, *Financial Times*, April 10/11; April 24. Бомбовые удары, нанесенные 23 апреля, осудили Международная Федерация журналистов и другие организации средств массовой информации. Ibid., Kevin Cullen, *Boston Globe*, April 24, 1999. О реакции Китая на гибель трех китайских журналистов под бомбами НАТО, в сообщения о которой едва ли не был подмешан антиамериканизм, организованный на государственном уровне, см. репортажи из *China Daily* в рекламном приложении к *Washington Post Weekly*, May 31, 1999.

(56) Daniel Pearl, «Propaganda War: A Bosnian TV Station Staffed by Serbs, Runs Afoul of U. S., NATO», *Wall Street Journal*, May 13, 1999, передовая и откровенно ироничная статья.

(57) William Preston, Edward Hermann and Herbert Schiller, *Hope & Folly: the united States and UNESCO 1945–1985* (Minnesota 1989).

Глава 6. Зачем действовать силой?*

(1) О Саддаме и курдах см.: Randall, *op. cit.* О событиях 1991 года и их официальных обоснованиях см. *Deterring Democracy* и более поздние, осовремененные версии, в том числе в *Power and Prospects*. Олбрайт об Ираке — в: Serge Schmemmann, «The Critics Now Ask: After Missiles, What?», *New York Times*, Dec. 18, 1998; Олбрайт об Индонезии — у меня в «L'Indonesie», *he Monde diplomatique*, June 1998. О событиях 1958 года см.: Ka-hin and Kahin, *op. cit.* О ПКИ (Коммунистической партии Индонезии) см.: Harold Crouch, *Army and Politics in Indonesia* (Cornell, 1978). О реакции на резню 1965 года см. *Year 501*, ch. 5.

(2) Steven Erlanger, «Belgrade 'Targets' Find Unity 'From Heaven'», *New York Times*, March 30; Matic, *Op-ed*, *New York Times*, April 3; Ryan, «NATO bombs raze dreams of democracy», *Boston Globe*, April 4, 1999. О Воеводине см. главу 2, прим. 25, 26 и текст, к которому они даны. О награждении Матича — *Media Focus*; см. главу 5, прим. 53.

(3) См. Gleijeses, *op. cit.*: у него есть одна красноречивая иллюстрация, основанная на глубоком анализе обширных материалов по Гватемале.

(4) Gellman, William Drozdiak, *Washington Post Weekly*, March 29, 1999 и многие другие сообщения.

(5) Harden, «The Long Struggle That Led the Serbian Leader to Back Down», *New York Times*, June 8, 1999.

(6) Elaine Sciolino and Ethan Bronner, «How a President, Distracted by Scandal, Entered Balkan War», *New York Times*, April 18, 1999.

(7) Keegan, *Daily Telegraph*, May 21; Plaff, *Boston Globe*, April 12, 1999. Его последующие суждения см. на стр. 166–168 этой книги.

(8) Jane Perlez, «For Albright's Mission, More Problems and Risk», *New York Times*, June 7, 1999: здесь сообщается об оценках, сделанных Госсекретарем Олбрайт и различными экспертами.

(9) См.: Irwin Wall, «U. S. Algeria, and the Forth French Republic», *Diplomatic History*, Fall 1994.

(10) См.: *World Orders*, ch. 3.

(11) Thomas Ricks and Anne Marie Squeo, *Wall Street Journal*, June 4; Ross Kerber, *Boston Globe*, June 4; Peter Thai Larsen, «Kosovo conflict highlights real winners in wars» («В свете косовского конфликта становится ясно, кто больше всего выигрывает от войн»), *Financial Times*, June 1, 1999.

(12) Цит. по: Frank Kofsky, *Harry Truman and the War Scare of 1948* (St. Martin's Press, 1993). Еще по этой теме см. *World Orders* и другие цитируемые здесь источники: это всего лишь часть богатой и важной истории, фрагментами разнесенной по специальным монографиям. Доступное разъяснение феномена социализации риска и других основных черт

международной экономики см.: Robin Hahnel, *Panic Rules!* (South End, 1999). Об общей истории вопроса см.: Richard DuBoff, *Accumulation and Power* (M. E. Sharpe, 1989).

(13) Daniel Pearl, *Wall Street Journal*, June 4; Charles Pretz-lick, *Financial Times*, June 6, 1999.

(14) Craig Whitney, «European Union Vows to Become Military Power», *New York Times*, June 4; Warren Hoge, «Europeans Impressed By Their Own Unity», *New York Times*, June 4, 1999.

(15) Mary Leonard, «Victory for a safer world», передовая статья, *Boston Globe*, June 11, 1999.

(16) Lloyd, *Financial Times*, Jan. 19–20, 1991. О мнении международной общественности после войны в Персидском Заливе см. мою статью в *Collateral Damage*, op. cit.

(17) Karim El-Gawhary, «NATO's bill of rights», *Al-Ahram Weekly*, May 27, 1999.

(18) Gilboa, см. гл. 1, прим. 15.

(19) Schiff, *Ha'aretz*, June 11, 1999.

(20) *The Hindu*, May 12, 1999.

(21) Редакционная колонка, *Times of India*, May 8; *Hindu*, April 9; April 22, 1999.

(22) Редакционная колонка, *Hindu*, June 7, 1999.

(23) Huntington, *Foreign Affairs*, March/April 1999.

(24) Rebecca Johnson, «Troubled Treaties: Is the NPT tottering?»; Michael Crepon, «CTBT [Comprehensive Test Ban Treaty] deadline nears» в той же рубрике; *Bulletin of the Atomic Scientists*, March/ April 1999.

(25) Appendix 2 of *Nuclear Futures: Proliferation of Weapons of Mass Destruction and US Nuclear Strategy*, by Hans Kristensen (British American Security Information Council) (BASIC), Basic Research Report 98.2, March 1998. Некоторые фрагменты см. в *Associated Press*, «Irrationality suggested to intimidate US enemies», *Boston Globe*, March 2, 1998; у меня в «*Rogue States*», *Z magazine*, April 1998.

(26) BASIC Research report, Appendix 1.

(27) Gilboa, op. cit. О теории израильтян см. *Fateful Triangle*, 464 и далее.

(28) *National Security Strategy of the United States*, the White House, March 1990. Фрагменты см. в *Deterring Democracy*, ch. 1.

(29) См.: Phythian, op. cit., 41.

(30) Здесь и далее цитаты из документов по стратегическому планированию даны по исследованию BASIC.

(31) О прогнозах видных аналитиков и признание их правоты см. *Deterring Democracy*, ch. 3, 4. Еще один прогноз, тоже приведенный в DD, состоял в том, что теперь можно будет совершенно свободно игнорировать интересы «третьего мира».

(32) Некоторые сравнения: *ibid.*, ch. 7.

(33) Некоторые примеры: *ibid.*, ch. 3.

(34) Karen Lissakers, *Banks, Borrowers and the Establishment* (Basic Books, 1993), 201. О том, как эта система работает, см.: Hahnel, *op. cit.*

(35) Michelle Faul, *Associated Press*, Feb. 10. Dina Ezzat — репортаж с Ямайки, — *Al-Ahram Weekly*, Feb. 11, 1999.

(36) Данные найдены при помощи поисковой системы Nexis search Дэвида Петерсона за трехнедельный период — с 1 по 21 февраля 1999 года (встреча проходила 10–12 февраля). Зато обнаружилось, что она активно освещалась на Юге.

Глава 7. Мировой порядок и его правила*

(1) Schmemmann, «Now, Onward to the Next Kosovo. If There Is One», *New York Times «Week in Review»*, June 6, 1999.

(2) *Proceedings of the American Society of International Law* 13,14 (1963), цит. no: Louis Henkin, *How Nations Behave* (Council on Foreign Relations, Columbia, 1979), 333–334; Trachtenberg, *op. cit.*, он цитирует 1961 Acheson Report (Kennedy Library).

(3) Weller, *op. cit.*

(4) *American Society of Independent Law, Newsletter*, March-April 1999. Vagts, *op. cit.*

(5) Ian Bickerton, *Financial Times*, June 3, 1999. Законные основания для обвинений были нелепы, равно как и временные рамки, назначенные для разбирательства; и то, и другое задумывалось с целью предотвратить возможные контробвинения против Югославии.

(6) Crook, Assistant Legal Advisor for United Nations Affairs, U. S. Department of State, Counsel and Advocate; *Court Proceedings*, May 30, 1999.

(7) См.: *Human Rights Violations in the United States* (New York: HRW/ACLU, Dec. 1993). Обзор событий см. в «The U. S. and the 'Challenge of Relativity'» (см. гл. 3, прим. 71 этой книги).

(8) Shultz, «Moral Principles and Strategic Interests», U. S. Department of State, Current Policy No. 820, — речь от 14 апреля 1986 года, назначенная на тот же час, что и террористическая

бомбардировка Ливии Вашингтоном. См.: Necessary Illusions, App. V. 2. Sofaer, «The United States and the World Court», U. S. Department of State, Bureau of Public Affairs, Current Policy No. 769 (Dec. 1985). Более подробно цитаты приведены у меня в «'Consent without Consent': Reflections on the Theory and Practice of Democracy», Cleveland State Law Review 44.4 (1996).

(9) 1949, Corfu Channel Case. Epigraph to Haas, op. cit.

(10) Kevin Done, Financial Times, March 27/28, 1999.

(11) Blair, «A New Generation» (см. стр. 11).

(12) Bull, «Justice in international relations», 1983 Hagey Lectures, U. Of Waterloo, Waterloo, Ont., 1983, 1-35. Henkin, op. cit., 144-5; эти положения также цитируются в: Murphy, op. cit., как имеющие особую важность.

Выходные данные

Ноам Хомский
НОВЫЙ ВОЕННЫЙ ГУМАНИЗМ
УРОКИ КОСОВА

Noam Chomsky
THE NEW MILITARY HUMANISM
Lessons from Kosovo
COMMON COURAGE PRESS Monroe, ME 1999

Перевод с англ. Л. Е. Переяславцева
Редактор В. И. Новиков
Оформление обложки А. Кулагин
Оригинал-макет А. В. Иванченко
Корректор М. А. Костина

Издательская группа «Праксис» ИД № 02945 от 03.10.2000
Подписано в печать 31.10.2002. Формат 84 x 108/32
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,8
Тираж 2000 экз. Заказ 4725

ООО «Издательская и консалтинговая группа „ПРАКСИС“»
127486, Москва, Коровинское шоссе, д. 9, корп. 2

<http://www.praxis-online.ru>

<http://www.politizdat.ru>

e-mail: praxis@hotbox.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО «Типография „Новости“»

Они превратили все в пустыню
и назвали это миром.

Тадит о Римской империи

Признание основой международного законодательства и мирового порядка, договорные обязательства, решения Международного суда, взвешенные суждения уважаемых комментаторов - все это не создает автоматически общих принципов или решений конкретных проблем. Но каждое такое суждение стоит учитывать. Тем, кому чужды нормы поведения Саддама Хуссейна, придется брать на себя нелегкое бремя доказательств того, что они имеют право на применение силы. Возможно, такое бремя им по плечу, но это и надо доказать, а не просто провозгласить. Следует тщательно оценить все последствия, особенно те, которые мы считаем "предсказуемыми". Должны быть и осознаны и причины наших действий - на рациональных основах, с внимательным отношением к историческим фактам и документальным свидетельствам, а не только с низкопоклонством в адрес наших вождей и тех "принципов и ценностей", которые приписывают им почитатели.

Ноам Хомский

Примечания

1. 15 июня 1389 г. сербско-боснийские войска были разбиты на Косовом поле армией турецкого султана — Прим. перев.

2. что и требовалось доказать (лат.). — Прим. перев.